

Софья Уроженко

Добрая память

Софья Хромченко

Добрая память

«Эдитус»

2018

Хромченко С. В.

Добрая память / С. В. Хромченко — «Эдитус», 2018

ISBN 978-5-00058-769-0

Изложенная мной в стихотворной форме история – это, прежде всего, история моей семьи. В основе повествования, охватывающего события начиная с 60-х годов XIX века до современности, лежат семейные рассказы, позволяющие отнести его к жанру семейной хроники. Жизнь героев моей книги тесно сопряжена с судьбой Родины. Здесь описываются события, происходившие в эпоху царской России, в годы Первой мировой войны, в пору революции, в периоды репрессий 30-х годов, во время Великой Отечественной войны, в послевоенное время, наконец, в перестройку и в 90-е годы... Частные, как правило, драматичные судьбы обычных людей переплетены с историей большой страны. Ее история, в широком смысле, состоит из таких судеб и пишется каждый день. Книга познакомит читателя с представителями разных сословий, профессий и занятий, разных народов и вероисповеданий. Не случайно в ней затронута тема конфликтов на национальной почве, ведь это, к сожалению, тоже часть общей – и моей семейной – истории. Главная цель, которую я видела перед собой при написании этой хроники, – показать, что, несмотря на все различия, людей объединяет большее, чем разделяет, – принадлежность к человеческому роду. Все они рождаются, живут, любят, растят детей, умирают. И хорошо бы им жить мирно на одной Богом данной общей Земле! Наверное, в глубине души каждый хочет прожить отпущенное ему время так, чтобы, вспоминая его, умершего, живые сказали о нем: «Добрая память!».

ISBN 978-5-00058-769-0

© Хромченко С. В., 2018

© Эдитус, 2018

Содержание

От автора	7
1. Николай и Маланья	8
2. Матвей и Авдотья	20
3. В столице	36
4. На селе	47
5. Петр Арсеньев	53
6. Масленица	65
7. Кто знает свою судьбу?	70
8. Жизнь семейная	82
9. Печали купеческие	91
10. Арсеньевы	100
11. Подруги	105
12. Смерть Авдотьи	119
13. Перемены	132
14. Разговор по душам	157
15. Арест Матвея	165
16. Дважды крещенная	175
17. Встреча с прошлым	182
18. Причина разлуки неизвестна	191
19. Предположения	199
Конец ознакомительного фрагмента.	204

Софья Хромченко **Добрая память**

Всем, чьи судьбы вдохновили меня писать эту книгу, посвящается.

Редактор: *Сагалова Виктория Леонидовна*

© Хромченко С.В., 2018

* * *

*Век нынешний толкает к осмыслению
былого, в бывшем скрыты семена
грядущего.*

*Так правду же к прочтению
позвольте изложить, сменивши имена
и обойдя фамилии молчаньем
иные.*

*Судьбы прежние встают
перед живыми, как напоминанье
о том, что жизнь – отрада, крест и труд.*

От автора

Изложенная мной в стихотворной форме история – это, прежде всего, история моей семьи. В основе повествования, охватывающего события начиная с 60-х годов XIX века до современности, лежат семейные рассказы, позволяющие отнести его к жанру семейной хроники.

Жизнь героев моей книги тесно сопряжена с судьбой Родины. Здесь описываются события, происходившие в эпоху царской России, в годы Первой мировой войны, в пору революции, в периоды репрессий 30-х годов, во время Великой Отечественной войны, в послевоенное время, наконец, в перестройку и в 90-е годы... Частные, как правило, драматичные судьбы обычных людей переплетены с историей большой страны. Ее история, в широком смысле, состоит из таких судеб и пишется каждый день.

Книга познакомит читателя с представителями разных сословий, профессий и занятий, разных народов и вероисповеданий. Не случайно в ней затронута тема конфликтов на национальной почве, ведь это, к сожалению, тоже часть общей – и моей семейной – истории. Главная цель, которую я видела перед собой при написании этой хроники, – показать, что, несмотря на все различия, людей объединяет большее, чем разделяет, – принадлежность к человеческому роду. Все они рождаются, живут, любят, растят детей, умирают. И хорошо бы им жить мирно на одной Богом данной общей Земле!

Наверное, в глубине души каждый хочет прожить отпущенное ему время так, чтобы, вспоминая его, умершего, живые сказали о нем: «Добрая память!».

1. Николай и Маланья

Калужская губерния, Сухиничский уезд, село Меховое.

1867 год

В землю промерзшую гроб опускали –
Отмучилась жизнью нележкой вдова.
Дети-сироты вниз комья бросали,
Холодом их обдавала зима.

Слишком недавней была их потеря,
Чтобы поверить, чтоб вжиться в нее.
Молча стояли, душою не веря
В раннее злое сиротство свое.

Год лишь назад так отца хоронили –
Соли извозом зимой промышлял.
В путь, как обычно, его проводили,
Боле живым уж никто не видал.

Лошадь сама пришла с горькой поклажей –
Видно, замерз на обратном пути,
Видно, недалний остался путь даже,
Да не случилось увидеть семьи.

Так же январь был – зима лютовала.
Самый жестокий – бесснежный мороз.
Как об умершем вдова причитала!
Кто не поймет вдовьих горестных слез?!

Ведь не тоска одна сердце колотит,
Страхом нужды вдовье сердце болит,
И за умершим вслед вырваться хочет,
Да материнство терпеть жизнь велит.

Сжалился Бог – так об этом судили,
Год едва минул – в простуде слегла.
В точно такой же холодной могиле,
Что и супруг, свой приют обрела.

Жизнь сыновей с мужем им не дарила
И, уходя с этой брэнной земли,
За дочерей трех родню попросила,
Чтоб не оставили, чтоб помогли.

«Что ж, не оставим», – родня отвечала,
Но как исполнить умершей завет,

Коль и своих детей в доме немало
И пропитания лишнего нет?

Потолковали родные, соседи...
Старшую замуж – решение одно
Мужа ей в дом (в этом он не последний),
Тот и прокормит семейство свое.

Кто будет мужем, тогда же решили.
Тут подсобила жизнь словно сама:
В ближней деревне семью схоронили:
Померли тифом и муж, и жена.

Добрые были, бездетные люди.
Дал Бог когда-то приемьша им.
К счастью иль нет, кто об этом рассудит?
Мальчиком хилым, болезненным был.

Да и во отроках силой не вышел.
Брат мужа, с ними деливший избу,
С бабой своей был детьми не обижен
И невзлюбил с первых дней сироту.

Бьет, говорили, его окаянный!
(Тот после тифа стал вдвое слабей.)
Совестно выгнать, женить будет радый.
Только венчать молодых поскорей!

Выслушал батюшка всё терпеливо.
Ведь жениху-то четырнадцать лет!
Надобно бы восемнадцать, вестимо.
Да и невесте шестнадцати нет.

Ну, хоть пятнадцать. По виду невеста,
Впрочем, готовая мужу жена:
Наперекор всем несчастьям известным
Прелестью девичьей дышит она.

Статная, кровь с молоком, как в народе
О таковых испокон говорят.
Вся собой молвит о крепкой породе.
Ей хоть теперь родить можно ребят.

А вот жених... Ну чего с него спросишь?
Мальчик с ней рядом. И стыд их венчать.
И наказанья проступку не хочешь –
Этак нетрудно и сан потерять!

Просьбе – отказ. А родня ее снова:

«Смилуйся уж, повенчай! Бог зачтет!
В дом мужа ей не найти нам иного,
Да и его «дядя» в землю сведет.

Сам отпевать станешь». Воспоминали,
Что в допетровы еще времена
В возрасте этом как раз и венчали,
Венчают и ныне – всему есть цена.

Батюшка речью такой не прельстился,
Вновь отвечал, что не может венчать.
В третий же раз уже в крик возмутился:
Совести ль нет, без конца донимать!..

И вдруг задумался... Махнул рукою...
Зря ли прожил свои семьдесят лет?
Знал, что Господь творит волю порою
Там, где закон налагает запрет.

«Мне все равно помирать! Приводите, –
Молвил негромко. – Толпы никакой
Не потерплю я. Молвы не ищите.
Впрочем... Не сладите, знаю, с молвой.

Только вот... С отрока много ли проку
Станет в хозяйстве? Не шибко силен». –
«Жаль его, батюшка. С Господом Богом
Авось как-нибудь и управится он».

Даром венчать обещал сирот пастырь.
С вестью – к невесте. Маланья была
Разумная девка – венчаться согласна.
Свадьбы своей она с детства ждала.

Счастья хотелось ей. Как оно будет
С мужем-то жить? Любопытно. А что
Хилый он, молвят, с нее не убудет.
Зато ей из дома нейти своего.

Сестер не бросать и причуд не мириться
Свекра-свекрови. Век будет жалеть
Мужа, коль выпало слабым родиться, –
Вот весь ее крест. Даже мало терпеть!

Прежде венчанья друг друга не знали.
В неодолимом волнении дня
И не опомнились, как повенчали.
Пала им в память народу толпа,

Батюшка, голосом строгий и грустный, –
Было ему их венчать тяжело,
И полумрак церкви маленькой тусклый.
Обвенчав, молвил батюшка – в память легло:

«Коли нужда заставляет – живите,
Но яко брат с сестрой. Четверо зим
Вы, чем супругами жить, обождите.
Это не я – сам Господь вам судил».

Об руку вышли из церкви. Взглянули
В первый раз молча друг другу в глаза.
И неизвестности страхом кольнули,
Будто ножом, оба взгляда сердца.

Чувство испуга лишь длилось мгновенье
Перед судьбой. Муж был бледным, худым,
За робкой улыбкой таил он смущенье,
Что Маланья с тех пор замечала за ним.

Светловолосый супруг, светлоглазый,
Ей показался приятен собой.
Как поглядела – пал на душу сразу.
И подивилась удаче такой.

В добром предчувствии сердце сжималось.
Слова не молвил, а мил уже ей.
Вкладчину к свадьбе еда собиралась –
Чем иных сироты хуже людей?

Надо чтоб праздник был! Мужу налили.
«Что такой пасмурный? Свадьба твоя!»
До полусна за столом опоили.
(Больше в рот капли не брал со стыда.)

Ласково мужа жена уложила.
Гостей проводила. Легла рядом с ним.
Сердце готово любить ее было –
Природой означенный срок подступил.

Жить им до гроба... Поутру проснулись.
Имя спросил муж (он прост был нутром).
«Крестили Меланией, – молвила, хмурясь, –
Кличут Маланьей. Забыл ли о том?»

«Забыл...» – «Ничего, – улыбнувшись, сказала. –
Ты Николай? А давно сирота? –
Молча кивнул. – Я лишь в церкви узнала
Имя твое». – «И я, верно, тогда».

Тут засмеялись. «А сестры – Лукерья
Да Марфа. Запомнил?» – «Не осрамлюсь». –
«Ты мать-отца помнишь?» – «Родных? Нет». – «Теперь я –
Семья твоя. Глянь-ка! Пригожей кажусь?»

Ответить стыдился. Сиротские слезы
Николай повидал еще этой зимой.
Крепкие долго держались морозы.
Впроголодь жили они всей семьей.

Поровну всем, что есть в доме, делились
Им помогала, чем можно, родня.
И меж собою в нужде этой сжились,
Дождавшись, хранил Бог, весеннего дня.

Мужа Маланья безмерно жалела:
Силой не дюж, но душой терпелив,
Он до заката трудился умело,
Сил недостаток упорством покрыв.

Грубого слова в дому не слыхала,
Сестрам как брат был. О лучшей судьбе,
Замуж идя, она и не мечтала.
Девкою видной считалась в селе.

Мужу завидовать стали, смеяться,
Пошлый навет распускать про нее
(Как прогоняла, постыдно признаться).
Ей не припомнил о том ничего.

То ли не слышал, а то ли не слушал.
Силой привычки за год-другой
Крепко Маланья вошла ему в душу –
Был на земле он ей нужен одной.

Ласку жены и заботу приметил
И, хоть не сразу, на нежность ее
Небезразличием сердца ответил.
Не было больше родных у него.

К ней потянулся. Характером кроткий,
Мучился мыслью он срок сократить
Данный священником. Ведь не короткий!
Прошла молва: могут-де их разлучить:

Жить не живут как должны муж с женою.
И венчаны рано. Кто пару венчал
Был уж в земле, а спросить про такое

Нового батюшку стыд удержал.

Так и легли. Как молвы ухватились,
Словно соломинки, лишь оттого,
Что сами друг друга познать уж стремились,
Потом меж собою сознались про то.

Время бежало. Молясь терпеливо,
Бремени долго Маланья ждала.
Как ей хотелось родить мужу сына!
Нет сына, считалось: дурная жена.

Сестры Маланьи уже обвенчались,
Та ж всё бездетная. Впрочем, детей,
Видно, от юности лишь не дождались.
Двадцать два года исполнилось ей.

Тяжко бездетность свою ощущала,
Будто старуха. Пал жребий служить
Тут Николаю. Жена зарыдала:
Нешто сумеет он жизнь сохранить?

Он такой слабенький! Молвить тут к слову,
Очень окреп Николай при жене –
Не угадать в нем парнишки былого.
Ждать в одинокой осталась избе.

Трудно жила – ни отца нет, ни брата
Нет, ни свекра, ни деверя нет.
(Та родня, что помогала когда-то,
Нынче почила.) Одна на весь свет.

Даже дитя Николай не оставил.
Счастье одно: что не как в старину
Двадцать пять лет ждать, – царя Бог наставил,
Рекрутов он упразднил посему¹.

Быть ей солдаткой четыре лишь года²,
Может, и свидятся. Кабы война,
Вдовство свое принимала бы твердо,
А нет войны, так надежда была.

Миновали года. Николай воротился.

¹ Рекрутская повинность была отменена в результате военной реформы Александра II в январе 1874 года и заменена всеобщей воинской повинностью; это случилось именно в том году, когда Николаю следовало идти на военную службу. Ввиду того что количество военнообязанных превышало необходимое, призыв на действительную военную службу определялся жребием.

² Срок действительной военной службы находился в зависимости от образования. Четыре года служили мужчины, получившие начальное образование.

С доброй улыбкой спешил по селу.
Так возмужал, что народ подивился.
Всякий был рад повстречаться ему.

Что же Маланья? Худая, упала
Мужу на грудь. Заревела она.
В тяжком труде надорвавшись, увяла
Прежняя бабья ее красота.

В хворях, в заботах истаяли силы.
«Родненький, жив!» Жену крепко обнял.
Ей повинился о мысли ревнивой:
Может, кто мил по разлуке ей стал?

«Правду скажи!» – Поседел он до срока. –
«Как бы на свете я белом жила,
Коли тебя б не ждала одиноко?
Совесь в могилу меня бы свела!»

Тем успокоился. Жили как прежде.
С мужем оправилась хворей своих –
Бабы живучи. Со страстной надеждой
Деток молила. Бог вспомнил про них.

В этот же год понесла она дочку.
Вот была радость! Легко родила.
Чуть опечалившись, что не сыночка,
Всё же дитя не жалеть не могла.

Как поглядела раз, как приложила
Только к груди, так о дочке своей,
Что не мальчонка, ничуть не тужила –
Дочь дождалась, подождет сыновей!

Муж думал так же. Дитя Евдокией
Батюшка в церкви по святцам нарёк.
А через год снова дочку крестили –
В сыне опять им отказывал Бог.

Ну, не беда! Дочь Глафирию стала.
Меньшую дочку весьма тяжело,
Так уж случилось, Маланья рожала.
Долго болела потом оттого.

И понести не смогла она боле.
Муж не корил. Понимала сама:
За нею вина, что неплодна. Без воли,
А все-таки горькая сердцу вина.

Ей Николай ни полслова упрека.
Она вздыхает: пойдут под венец
Дочери, станет в избе одиноко.
Нужда да тоска с мужем ждут под конец.

Хуже тому, кто из них овдовеет, –
Страшная участь. А дочки росли
Что колоски в поле пахаря зреют,
И незаметно невесты выросли.

Кроткие, добрые. Вот уж и сваха.
Старшую сватать. Авдотья³ была
Собой неприметна. Не чужала страха,
Впрочем, что век свой окончит одна.

К семнадцати лѣтам приданое сшила.
(Еще и не зная, пойдет за кого.)
Дабы готово заранее было.
Так и сестра. Где взять в спешке его?

Худого в судьбе не умела бояться.
Видно, ни разу не довелось
Ей в людях жестоко еще ошибаться
И горя изведать от них не пришлось.

Ждала под венец идти: муж не обидит.
Хоть за кого, а, когда отдадут,
Дело само собой доброе выйдет.
Свадьба родителей помнилась тут.

Детям они всё как было сказали
По простоте. И чего тут скрывать?
Дочек в любви и в труде воспитали.
В правде. Откуда напасти им ждать?

Разве что голод... Потерпят, ведь было.
На жениха поглядев своего,
В ту же секунду Авдотья любила.
Сватали важно, красиво ее.

И сватовство было очень приятно.
Крепкий сельчанин из дальних родных,
Ради невесты одетый нарядно,
Ласковых глаз не сводил голубых.

Выбрал родитель, конечно, невесту
Сыну – пора повенчаться ему.

³ Русская народная форма имени Евдокия.

Чтоб жизнь прожить и толково и честно,
Всякому надобно в жизни жену.

С невестой жених однолетками были.
С самого раннего детства они
Знали друг друга, близости жили,
А угадать жребий свой не могли.

Не примечали друг друга нисколько.
Как в первый раз и увиделись тут.
Стало на сердце и сладко и горько
Вдруг у Авдотьи. Глаза ли ей врут?

Это ль Матвей? Незнакомый, красивый
Ей показался. Она со стыда
Вновь убежала на двор торопливо
(Чтоб показаться, пришла со двора).

И по обычаю ей полагалось
Избу оставить. О чем говорят
При сватовстве, для невесты считалось
Слышать негоже – не сговорят.

Бойкая сваха Авдотью хвалила:
Ладная, смиренная. О женихе
Пуще того добрых слов говорила,
Было их больше чем капель в реке.

Правду сказать, даже слушать устали
Сваху родители, зато Матвей
Очень гордился собой, хоть едва ли
Знать он не мог, что уплачено ей.

Вдовая женщина хлеб добывала
Та сватовством. Говорили, она,
Будет удачной ли пара, смекала
Сердцем вперед – прозорлива была.

С нею совет семьи часто держали
В деле нелегком. Матвея судьбу
Хоть за него по обычью решали,
Сам торопил в мыслях свадьбу свою.

Рад бы с любой тот был повенчаться.
Что ж так? Достигнув достаточных лет,
Плоть торопила его миловаться,
А без венца – держать Богу ответ.

Стыдно. К тому же отец его строгий

Так упреждал-устрашал сыновей:
«Коли узнаю за кем грех тот многий,
Сразу прибью!» Ждать венчанья верней.

Руку отца сыны твердую знали.
И уж, понятно, слова проверять
Эти на деле, все трое, не стали,
Впрочем, детей торопился венчать.

Вдаль не откладывал – чтоб не блудили.
Меньшим Матвей был. Два брата его
С женами верно да ласково жили.
Младший тайком нагляделся всего!

Нравились многие девки Матвею.
Всех не сочесть, а Авдотья была
Им не замечена. Свидевшись с нею
Нынче ж, нашел, что весьма недурна.

Как проглядел? Что родней доводилась,
Ум не смущало. Почти все село
В разном родстве меж собой находилось.
Сваха и род похвалила его:

«Пьющих, калек али каторжных нету.
Смело отдайте Авдотью свою!
Не пожалеете!». – Прежде ответа
Взял Николай срок подумать ему.

Как соглашаться, не думавши, сразу?
Скажут, что дочь хочет сбыть со двора.
Но уж понятно, что быть тут отказу
Вряд ли – на выданье дочка была.

Самое время венчать. К Николаю
Власий – Матвея отец подходил
Прежде еще и, ему намекая,
О сватовстве наперед упредил.

Теперь отказать – весьма стыдное дело, –
Дорого сваха за речи берет.
Ну и, понятно, Авдотье хотел он
Счастья. Пущай за Матвея идет!

Парень он добрый, простой, работающий.
Сызмальства помнил его Николай.
Вот сорванец в детстве был настоящий!
А говорливый! Терпенья Бог дай!

Понял: жених приглянулся Авдотье.
«Тятенька, что?» – воротившись, она,
В избу, спросила. – «Зачем мне быть против?
Я не неволю. Решай уж сама».

Рукобитьё у икон совершили
Вскоре отцы. Сговор был по весне.
Осенью – свадьба; венчать не спешили,
Прежде чем весь урожай на столе:

Надобно праздник. Милее невесты
Стало едва ли возможно сыскать,
Радость души целомудренно честной
Счастьем умеет лицо украшать.

Дотоль неприметное, вдруг засияло
Отрадой сердечной, и столь хороша,
Чувству доверясь, Авдотья вдруг стала,
Что лучше не сыщешь, венчаться спеша.

Очень Матвею она полюбилась,
Он на других и глядеть перестал.
А жениха-то совсем не дичилась:
Сладко украдкой ее целовал.

(Хоть и просватаны, зорко глядели
За ними родители.) В том, что сродни,
Батюшка семьи корил. Приглядели
Пару иную бы детям они.

Было бы это весьма добронравно.
«Детей не неволим мы, – Власий сказал. –
Сами венчаться желают». – «Аль правда?» –
Родство матерей троюрóдное знал.

Впрочем, законно венчаться возможно
В дальнем колене. Сыграть на селе
Свадьбу чужим, понимал, весьма сложно
В крае глухом. Обвенчал в октябре.

В день на Покров⁴. В праздник тот, у иконы,
Благословляя Авдотью, отец
Кротко вздохнул над коленосклоненной:
Старшую дочь отдает под венец.

Жизнь прожита, почитай! А Маланья
Дочке сказала: «Счастливая ты.

⁴ Праздник, посвященный Богородице и ее иконе. Венчание на Покров считается доброй приметой.

Благословенье отца на венчанье –
Радость для дочери, боль сироты.

Я такого вовек не имела.
Тетка икону же эту взяла
Благословить, да сама заревела,
Что ни словца уронить не могла.

С чем и сравнится отцовское слово?
Помни, Авдотья, про счастье свое.
В мужнем доме сбережет от худого.
Мне было легче в стенах своего».

Мать уж невеста почти не слыхала.
Что там ей молвит? Настолько она
В счастье, в мечтах о венце пребывала,
Доверия к жизни душою полна.

Ни на секунду в ней не было страха.
Так и венчалась. Был праздник потом,
Сытный да шумный, – гуляли с размахом!
Батюшка первый был гость за столом.

Пуще крестьян, почитай, веселился!
Из одного лишь почтения к нему,
Шибко никто за столом не напился,
Чтоб до беспамятства, – мил был селу.

К свахе домой молодых проводили,
Там и легли те, а утром пришли
Власий с роднею да их побудили.
Девство невесты – почет для семьи.

2. Матвей и Авдотья

В дом вошла свекра с улыбкой Авдотья,
С радостью и прижилась она в нем
Скоро, ко всякой привычна работе,
Радуя ближних в усердьё своем.

В доме у свекра ее не теснили.
Как родню приняли, впрочем, родня
Ведь и была. По обычью учили
Что здесь да как; всё умела она.

Но в каждом доме отличны порядки
С домом соседним. У свекра в дому
Было побольше, чем в отчем, достатка,
Строже, должно, был и спрос потому.

Шире хозяйство. Народу поболе
Тоже, однако: сам Власий с женой
Да сыновей его с женами трое;
Были и внуки под крышею той.

Братья Матвея давно оженились.
Каждый трех деток нажил. К январю
И погорельцы пожить попросились.
Власий пустил – не прогонишь родню.

Тоже с детьми семья. Тесно тут стало,
Да куда ж деть их? Потом родила
Меньшую, позднюю, дочку Татьяна –
Старшего сына, Романа, жена.

Бабой слыла она бойкой, красивой.
Годы не старили. Строгость ее
Мужа спасала от мысли ревнивой.
Дело горело в руках у нее.

Трудно найти было лучше хозяйки.
А вышивать мастерица была
Пуще всех баб на селе. Без утайки
Душу в свое рукоделье клала.

Будто стежок за стежком вынимала
Сердце горячее – мужа любить
Не довелось. О любви лишь слыхала,
Веря не слишком, что нужно ей быть.

А вот Агафья, та мужа любила, –
Дмитрия, среднего сына, жена:
В девках ему свое сердце открыла,
Жить и дышать без него не могла.

Баба веселая, а не так глянет
Он на нее, уж не мил белый свет.
«Так-то гореть – скоро жизни не станет, –
Вздыхала Татьяна. – Бог спас меня бед!»

Дарья – свекровь с ней была бы согласна,
Коль говорили б об этом. В года
Юных ее лет страдать мужем страстно
Редко кому выпадало когда.

С Власием их по обычью женили
Волей родных. С восемнадцати лет
В мире они да согласии жили,
Хоть и немало им выпало бед.

Старших детей схоронили – до срока
Смерть к сыновьям пришла. В сиром дому
Долго пришлось тосковать одиноко,
Но народились вновь дети в семью.

Сначала Роман, потом Дмитрий. Матвея
Дарья за сорок уже родила.
Пред ним были Агния да Пелагея.
Замуж тех рано семья отдала.

Сестры-погодки в один год венчались,
Выданы рядом. С Авдотьей Матвей
Жил хорошо, чувства в них укреплялись.
Много ли надо для радости ей?

Взгляд его добрый да редкое слово
Нежности тайной. Душа так полна
Жажды растратить себя для другого,
Жажды быть нужной, что мужем жила.

Он же жалел, как не всякий жалеет
Бабу свою, но, по юности лет
Сердца ее оценить не умея,
Знал ли Матвей, что другой такой нет?

Покуда не ведал. Бездетными жили
От свадьбы три года. У свекра в дому,
Впрочем, Авдотью за то не корили –
Внуков довольно уж было тому.

Коли неплодна, как спрашивать строго?
Крест, знать, такой. А Авдотья ждала,
Чтоб понести. С детства слышала много:
Женятся, чтобы детей родила.

Всякому мужу добро иметь сына –
Сытая старость тогда его ждет.
Старость бездетных – большая кручина.
Дитя понесла на четвертый лишь год.

Дочь родилась в сентябре. Прямо в поле:
Вышла работать Авдотья и вдруг
Роды почуяла. Больше, чем боли,
Было в них страху. Понятен испуг.

Ведь до того никогда не рожала.
С глаз людских дальше ее отвела
Старуха-крестьянка, навек в память пало:
Не повитуха была, не родня.

Дочь приняла у Авдотьи. До срока
Та родилась, и казалось родным,
Что и не выживет, этакой крохой
На свет появилась. Поп нынче ж крестил.

Имя нарек ей по святцам – София⁵.
Да пояснил он с надеждой живой:
Так назвал, чтоб братья-сестры любили
Ее точно мать. Быть ей старшей сестрой.

Ведь уж, наверное, меньшие будут
После в семье, чтоб как мать берегла.
«Батюшка, жить станет если, уж чудо», –
Вымолвил Власий. Малышка жила.

Набирала вес, крепла. Маланья ж хворала
С осени той: страшно было глядеть
Ближним, как сильно она исхудала.
Ведала: вскорости срок помереть.

Хоть бы не мучиться! Жизни держалась
Для Николая – один пропадет!
Ведь дочерей-то в дому не осталось –
На чужое село вышла Глаша уж год.

⁵ В честь Софии Римской – мученицы, матери Веры, Надежды, Любви – мучениц, чья память отмечается православными 30 сентября по новому стилю (17 сентября по старому).

Легко ль одному жить? О муже жалела
Пуще себя – в сердце память о нем,
Что о том отроке хилом имела,
После венчанья вошедшем к ней в дом.

Хоть и немалые минули лета,
А по привычке всё, что и тогда,
То примечала, как бедно одет он,
То, что берет себе много труда.

Ведь надорвется! У Бога просила,
Чтоб за добро Николаю послал
Долгую жизнь да снести ее силу,
Да мирную смерть... Овдовев, горевал.

Вновь ожениться не вел он и речи –
Стар уж к кому-то еще привыкать!
Сызнова пало сиротство на плечи,
Злее какого вовек не сыскать.

Прежде – не то. Понесла тут Авдотья
Бремя вновь скоро. На сей раз была,
Сколько могла, осторожна в работе,
Да и семья ее уж берегла.

Есть кому спину гнуть. При повитухе
В доме рожала. Родить довелось
Ей, как в тот раз, без особенной муки,
Но над детьми позже плакать пришлось.

Двойню она родила – обе дочки!
Покуда ходила, проникся Матвей
Мыслью иметь уж на сей раз сыночка.
Хмуρο глядел он на двух дочерей.

Те вскоре померли: в дом скарлатина
С кем-то из старших детей вдруг вошла.
Двойню болезнь свела быстро в могилу.
Взвыла Авдотья – потеря страшна.

С горя, боялись, умом помешалась.
Стихла в печали глубокой. Матвей
Видал: былого в ней мало осталось.
Не узнавал он Авдотьи своей:

Сгорбились плечи, глаза потускнели.
Слова ему не хотела сказать,
Будто виновен он был, в самом деле,
В том, что случилось детей потерять.

Ведает Бог, не желал он им смерти!
Сделалось тошно Матвею в дому.
«Тятенька, в город поеду, поверьте
Больше, чем здесь, там семье помогу.

Я на завод поступить хочу». Власий
Сыну позволил. Когда уезжал,
Вдруг, опалив верой в прежнее счастье,
Взгляд у Авдотьи теплее чуть стал.

Город неласково встретил Матвея:
Труд был тяжелый и мучил его
Собой с непривычки, как чувствовал, злее
Будней крестьянских, привычных давно.

Матвей поступил на завод сталеваром.
Рабочий день длился двенадцать часов,
А получали рабочие мало,
Особо кто был из крестьянских дворов –

Квалификации те не имели.
Брали охотно их – меньше платить.
В тяжком труде проводя дни, не смели
Брани начальства они возразить.

Гордый Матвей бранью той тяготился
Пуще усталости. Не для того
Он на свет Божий, конечно, родился,
Чтоб унижали чужие его.

Отцу-то побои прощал с малолетства,
Так ведь отец родной!.. Чтоб сократить
Людам зарплату, вернейшее средство –
Штрафы. А семьям с детьми на что жить?

После всех штрафов порой оставалась
У нерадивых (Матвей признавал
Это) такая ничтожная малость,
Что сам тем деньгами порой помогал.

Много Матвей зла и подлости видел
К людям простым, всё начальство да знать
С истовой яростью возненавидел.
Царя пристрастился открыто ругать.

Знает, мол, царь, как живет народ худо,
А не поможет. Его бы долой –
Жили б иначе, на троне покуда,

Правды не сыщет рабочий простой.

Между рабочих Матвея любили,
Слыл добродушный, прямой человек.
Скоро ему по секрету открыли:
Клонят к закату монархии век.

Литературу запретную дали.
Матвей прочитал, загорелся: царя
В ней, как и Церковь, изрядно ругали.
По жизни судил своей: пишут не зря.

Рабочий стал люд близ того собираться –
Кто не знал грамоты. Всем разъяснял,
Что не должно так, как есть, продолжаться,
Вслух запрещенные строки читал.

Угол рабочие вместе снимали,
Кто без семьи жил, а деньги домой
Большую частью родным посылали.
Весною Матвей в край вернулся родной.

Авдотья, завидев его, подбежала,
Припав, обняла. Улыбнулся Матвей –
Ведал теперь, что разлука сближала.
В каждом письме он справлялся о ней.

Как стосковались! Но минуло время,
Надо прощаться: осенней порой
Вновь на завод потянуло Матвея –
Не представлял уже жизни иной.

Да и подмога его оказалась
Тоже не лишней. Большая семья
Твердо теперь на него полагалась.
Горд был отец. Наступила весна.

Снова Матвей на село воротился.
Между крестьян в этот раз толковал
Он о царе, и народ подивился,
Как смело и хлестко правителя клял.

Рассказывал много о жизни рабочих –
Что живут скверно. В Москву из села
Ездил не первый, да сказывать прочим
В селе не хотелось, как жизнь там трудна.

И не бывавшие мало что знали.
Слушая зятя, вздыхал Николай;

Впереди у Авдотьи большие печали:
Вернется ль муж снова? Поди угадай!

В воду глядел – уж другою весною
В избу отца написал сын письмо,
Что ожидать его дома не стоит.
Денег пришлет домой больше зато.

Так на заводе работать остался
Матвей круглый год. С молодой вдовой,
Сестрою рабочего, тесно связался.
Вот оттого и не ездил домой.

Стыд сперва брал, а потом закрутилось,
Что перестал домой даже писать.
Тщетно Авдотья о муже молилась,
Весточку хоть от него увидеть!

Хоть ни писать, ни читать не умела,
Но когда деверь иль свекор читал
Письма Матвея, об этом жалела.
Так, как она, никто писем не ждал.

Весть о Матвее пришла к концу года:
Пристав⁶ вошел на рассвете в избу
И сообщил он родным его твердо:
Муж, сын и брат их навлек сам беду.

В розыске он. «В чем же сын мой виновен?» –
Власий спросил еле слышно. – «Поди,
Знаешь и сам. Революцией болен!
Коли придет, на родство не гляди.

Выдай его! Помоги государству!
С обыском стану к тебе приходиться
Часто теперь. Супротив власти царской,
Коль та от Бога, возможно ли быть?»

Власий лицом потемнел. Не ответил.
Были на свете дороже ему
Жизни своей только вера и дети.
С обыском пристав прошел по двору.

«Сестры есть? Тесть?» – расспросил на прощанье.
Власий, живут где, ему указал.
Скоро в селе уже не было тайной,

⁶ В царской России исполнительный чин, в обязанности которого входило выполнение важных общественных и государственных поручений, в том числе уголовный розыск подозреваемых лиц.

Для чего пристав в село приезжал.

Все весть узнали. Матвея жалели:
Что б ни творил на чужой стороне,
Свой он, родной! Выдавать бы не смели,
Хоть бы и был на беду тот в селе.

Но не бывал. Так шесть лет миновало.
Пристав всё ездил напрасно в село.
Сонечка, дочь, без отца подрастала.
Верно жена ожидала его.

Власий на сына гневился: как можно
Было так вляпаться?! Горе отца
Чем больше множилось в сердце тревожно,
Тем пуще сына бранил без конца.

Обыски в доме его донимали
Как никого. По селенью ходил,
Пряча глаза, – уж у всех побывали!
Плакать о сыне жене запретил.

Тайком Даря плакала – сына жалела.
(Как же иначе?) Авдотье сказал,
Чтоб вспоминать мужа в доме не смела,
Но Николаю помочь отпускал.

Вот было счастье! Придет, там поплачет,
Поговорят о Матвее они –
Чутье легче душе ее, значит.
Отец утешал дочь: «Счастливая ты!

Ты мужа встретишь однажды живого.
Мне, чтоб Маланью увидеть мою,
Ждать надо смерти да света иного.
Зря не оплакивай долю свою».

Грустно Авдотья в ответ улыбалась.
Старый вдовец ее вдруг приглядел.
Старше отца, уж зубов не осталось,
А не на шутку он к ней тяготел.

Стал ее спрашивать: «Тяжко без мужа?
Славная ты! Навестила б меня!
Вдовье-то горе могилы похуже,
Ну а ведь ты все равно что вдова.

Или Матвей во сырой во земле,
Или забыл тебя». – «Свекру скажи, –

Дал Николай совет. – Он заступится.
Тайн от него никогда не держи».

Что было делать? Авдотья сказала,
Хоть и робела, как есть. Власий внял
Да сыновей, неповадно чтоб стало
С ней говорить, к старику он послал.

Те припугнуть вдовца думали только:
«Держись-ка ты дальше от нашей родни!
Коль что узнаем, жалеть будешь горько!»
Божился вдовец, что ошиблись они:

То, мол, Авдотья его завлекала.
Шибко без мужа, видать, тяжело.
Он бы не прочь, да годов-то немало.
Братья со злости бить стали его.

Чуть не до смерти во гневе забили.
Власий насилиу поспел отогнать.
Сельские долго о том говорили.
Авдотьи вдовец стал с тех пор избегать.

Ее ж грызла совесть... Изба Поздняковых
(Фамилия Власия это была)
Стояла в соседстве с избой Журавлевых.
Семья эта скрытной, чужою слыла.

Хоть и с рождения самого жили
В здешних местах. Дал крещеный еврей
Роду начало их, как говорили.
След был приметен нерусских кровей:

Темноволосые все, кареглазы,
Между сельчан выделялись они
Ни с кем не схожей наружностью сразу.
Водился достаток в роду искони.

Мельницу, лавку да ульи держали,
Много скотины. В селе всём была
Лавка одна, оттого товар брали,
Впрочем, и мельница тоже одна.

Всё привозил Журавлев, что попросят,
В лавку свою. Под заказ торговал
И без заказа. Зайдешь в лавку, бросишь
Взгляд – трудно вспомнить, чего не видал.

Дело, понятно, его процветало.

Много завистников нажил вокруг,
Пусть против воли, село уважало.
Семья и не знала, кто враг им кто друг.

Было за сорок хозяину дома.
Звали его Алексей. Оттого
Что не считался хорошего рода,
Долго он счастья искал своего.

Все от него дочерей укрывали,
Сколько ни сватал, отказ получал.
Ну, наконец Катерину отдали –
Сметливый отец ее толкам не внял.

И не ошибся. Нельзя Катерине
Было желать себе лучшей судьбы:
Муж был надежный. С ним деток нажили
Много. Отцу помогали сыны.

Держал и работников. Что ж в том дурного?
Да толковали, что мало платил, –
Жадный, труда же с них спрашивал много,
Чем злую славу себе укрепил.

Спит Журавлев как-то раз и вдруг слышит:
Лают собаки. Он нехотя встал,
Жену не будя, взял ружье в сених, вышел.
Нет, не напрасно собак отвязал!

Вор, видно. Очень воров опасался.
Выстрелил в ночь, а к нему человек
Длиннобородый, худой приближался,
Будто бы мало ценил жизни век.

Вырвал ружье – расторопный был, крепкий.
«Аль не узнал? Я Матвей! Не дури!
Счастье мое, что стрелок ты не меткий!»
Ружье возвратил. Вошли в сени они.

Пить попросил. Алексей ковшик подал.
В ведрах стояла вода. Зачерпнул
Чистой воды торопливо, холодной,
Гость жадно выпил и молча вздохнул.

«Ищут тебя», – Алексей сказал. – «Знаю.
Ты не пугайся... К себе я пройти
Думал двором твоим». – «Я понимаю.
Сам так построился...» – «Как там... мои?» –

«Да ничего. Живы все и здоровы».
Втайне Матвей сразу думал узнать,
Ждет ли жена, не ласкала ль другого.
Но не решался ее посрамлять.

Он и не шибко-то знал Алексея.
Жили в соседях, но дружбы меж них
Не было. Тот поглядел на Матвея,
Понял вопрос он в глазах голубых.

«А молодец, – проронил, – твоя баба!
Знала – вернешься... Уж коли пришел,
Так расскажи, как случилось хотя бы,
Что ты в бегах». – «Я к начальству пошел.

Цехом петицию мы написали,
Чтоб, – был начальником цеха у нас
Сволочь, – с нас штрафы безбожные сняли,
Что налагал без причины не раз.

Как мы трудились! Считай, в цеху жили!
Я стал петицию эту читать.
Начальник полицию вызвал – схватили.
Со мной человек было шесть или пять.

Тот объявил: дескать, воду мы мутим,
Хаем царя. Нас в участок вели.
Зря оболгали, уж коли по сути!
Вижу – конвойный из нашей родни.

Вот тебе на! (В Москву тоже подался.
Только в полиции стал он служить –
Федотка Семенов.) Я было собирался
Его подлецом во всю мочь окрестить,

Он на меня поглядел осторожно
И головой покачал. А потом
С дороги в участок свернул, тут тревожно
Шепчет мне: «Прыгай!» Был слева забор.

Он сделал вид, что поднять наклонился
Что-то, а я влез на спину ему
Да сиганул... Он в село воротился?» –
«Нет, тоже канул». – «Себя в том виню...

Ну, ничего, авось свидимся где-то!
Я сперва в нашей округе-то был,
Позже смекнул: не годится мне это.
Подался в столицу. В столице и жил.

Скоро опять революция будет». –
«Была уж одна⁷. Может, врешь?» – «Поглядим...
Что нам бояться? Простые мы люди.
Собак привяжи, и пойду я к своим.

Только отцу обо мне ты ни слова.
И никому. Я пришел за женой». –
Тайну хранить попросил Журавлева.
Тот обещал – сбережет как немой.

С тем и простились. А прямо наутро –
Пристав в село: «Не бывал ли Матвей?» –
«Как ему быть? – Журавлев бросил хмуро. –
Вы, знать, устали от службы своей.

Ливень с утра, у меня обождите.
Жалко мне вас. Сколько лет всё гляжу,
Труд ваш полезный». – «Добро говорите».
Ну, так и быть, пока дождь, посижу.

Оно бы, конечно, по службе не надо...
Но ...» Журавлева тут вышла жена,
Будто бы гостью была тому рада.
Замысел мужа тотчас поняла.

Она разговор ночной тоже слыхала.
Коли решил про Матвея молчать,
Сама, даже с мужем, о тайне молчала.
Пристава стала семья угощать.

Живо и ласково с ним говорили,
Тот и забыл про всё. Добрым вином
(Как отказаться?) его угостили
И не радел он о долге своем.

Опомнился – вечер. «Хорошие люди, –
Думает, – и отчего на селе
Их, я слыхал, откровенно не любят?
Уж не солгут они, кажется мне.

Поеду отсюда! Ах, всё надоело!»
В соседском коровнике той же порой
Робко на мужа Авдотья глядела:
Больно чужой он с такой бородой!

Дрожь унимая, к нему прижималась,

⁷ Имеется в виду революция 1905 года.

Слезы катились, катились из глаз...
«Поедешь со мной?» – «А куда б я девалась?
Дочь не видал! Погоди, я сейчас!» –

«А ведь и правда, что Сони не видел
Целых семь лет! Может, дочку мою
Кто без меня грубым словом обидел?» –
Думал Матвей. Привела дочь к нему.

Соня на рослого дядю глядела.
К матери жалась; что папа пришел
Той объяснила при нем, как умела,
Ласково мать. Дочь он взрослой нашел.

В прошлом году девять лет миновало!
Десять уж будет. Она на него
Смотрела внимательно – запоминала.
В памяти не было детской его.

Ей за отца Власий тут приходился,
С внуками строгий, ее защищал,
Коли обидят, а сам не сердился.
Ею по сыну тоску замещал.

Отец обнимать дочку бросился. Соня
Молча стояла. В тот миг полюбил
Дочь свою поздней отцовской любовью...
Ей про отъезд скорый сам объявил.

«Смотри ж, доверяю, не выдай секрета».
Молча кивнула. Казалось, ждала,
Как увидала отца, она это:
Жить им нельзя здесь – сама поняла.

Соня росла умной девочкой. Строгой,
Будто с рожденья. Счастливым назвать
Детство нельзя было – обысков много,
Плакала бабушка, плакала мать.

Годы прошли в атмосфере тревоги,
Тайны. И, может быть, лишь оттого
Думать привыкла с надеждой о Боге –
Молилась, чтоб жив был родитель ее.

Так Соню мама давно научила.
Вот он и жив! Ей Авдотья идти
Велела – искать станут. Вслед не спешила,
Муж удержал: «Погоди, погоди».

Обнял. Как девка, зарделась Авдотья,
Мысли смешались. Вернулась когда
В избу (недолго-то не было вроде),
Ни говорить, ни вздохнуть не могла.

Щеки пылали. «Да что с тобой случилось?» –
Спросила Татьяна. Авдотья в ответ
Стойко молчала – с волнения боялась
Выдать словами аль взором секрет.

Сердце унять ей насилу случилось.
Едва все уснули, в глубокую ночь,
К мужу Авдотья опять отлучилась.
Ждал ту Матвей. Похвалил он за дочь –

Уберегла Соню! «Трудно тут жили?» –
«Да ничего». – На Авдотью глядел
С лаской. Его вдали много любили,
Много к кому сам из баб тяготел.

А лучшей не встретил. Давно бы вернулся
Домой за женою, да то ли нужда,
То ль блуд держал, настал день: обернулся
В память свою: там Авдотья одна.

Больше ни лиц, ни имен не осталось.
И потянуло Матвея домой.
Так потянуло! Жена догадалась:
Жил не монахом в сторонке чужой.

Но... что ж теперь? Она мужа любила.
В жгучей тоске вновь обнялись они...
С чувством смущенья домой уходила,
Будто бы грех совершили одни.

Детей родила, а доселе не знала,
Как оно может быть! Днем наказал
Муж, чтоб вещей никаких не собирала.
Вечером с дочкой к соседям он ждал.

У Журавлевых в избе показалась
С Соней в назначенный час. Оттого
Что ушла скрытно, заметно смущалась.
Муж ободрял: «Ничего-ничего».

Всех Журавлевых уже не стеснялся,
Ибо тем утром по счастью позвать
Поесть его в дом Алексей догадался.
Голоден был – не пришлось убеждать.

«Что ж ты отцу про себя не откроешь
Али хоть матери? Выдать тебя,
Думаешь, могут? – спросил. – Успокоишь
Старость их встречей. Тоскуют – беда!»

Что возразить мог Матвей Алексею?
«Ты мне помог, тебе правду скажу:
Я уж нисколько о них не жалею.
Лица забыл. Я письмо напишу».

Молча присели пред дальней дорогой.
Молча поднялись идти. Алексей
Промолвил негромко, как принято: «С Богом!»
Деньги Авдотье дал вдруг у дверей.

Первый раз дал, чтоб не в долг. Почему-то
Сделалось стыдно ему самому
Щедрости колкой, и в эту минуту
Понял: досель не помог никому.

Власию сам рассказал всё, как было,
Сразу с рассветом. Что сын приходил
И не открылся, отца оскорбило.
Али отцом не родным ему был?!

Слег Власий с горя. Матвею б валяться
Надо в ногах его – всем толковал.
Дни же считал, чтобы вести дожждаться.
И дождался: сын в избу написал.

Сразу узнал отец почерк Матвея!
Именем тот подписался чужим –
Дальней родни, стыд отца не жалея.
Письмо же отправить друзей попросил.

(Не из столицы.) В письме говорилось
Всё о пустом. Даже адреса нет.
Власия сердце взволнованно билось,
Строкам внимая, – готов на тот свет!

Жизни не жаль. В ту же осень скончался.
Следом и Дарья. Не ведал Матвей
Горя долго – с родней спустя годы списался.
Домик снимал для семьи он своей

В две комнатухи. У самого края
Петербурга – столицы. Вмещала она
Роскошь дворцов, но и бедность окраин.

Богатство в ней множилось и нищета.

Впрочем, не так семьей худо и жили:
Вновь сталеваром работал Матвей.
Паспорт оформить чужой подсобили.
Держали корову для дочки своей.

Лошадь держали, как будто извозом
По воскресеньям Матвей промышлял.
Ну, а на деле? Без лишних вопросов
Нуждам подполья на ней помогал.

3. В столице

В Петербурге подполье немалое было.
Редкие знали друг друга в лицо.
Но единила надежды всех сила:
Дети их жить будут лучше отцов!

Кто-то придет ночью, стуком разбудит.
Матвей отворит. И не знала жена
Даже обычно, кто были те люди.
Страшно ей стало: ребенка ждала.

Вдруг мужа схватят? С Матвеем венчались
Сызнова в церкви. «Так надо, – сказал, –
Дабы законными дети рождались».
Священнику молвила: «Муж мой пропал –

В розыске. Я повстречала другого.
Он увез в город. Хотела б начать,
Дитя ожидая, судьбу свою снова.
Батюшка, не откажите венчать!

Стыдно в грехе жить». Спросил о приходе
Бывшем. Туда и направил письмо
(Хитры на выдумки бабы в народе).
Письмо же ответное скоро пришло.

Священник из церкви, где всю жизнь считалась
Она прихожанкой, дал краткий ответ,
Что первым браком, и верно, венчалась.
Сам венчал. Мужа же нет уж семь лет.

Преступник он стал. Как Авдотья невинна
В отсутствии мужа безвестном, то ей
Второй брак дозволить по праву не стыдно.
Был очень доволен венчаньем Матвей.

Авдотья же в церкви заметно робела
(Матвей не женатый по паспорту был
И на своем стал), носить не сумела
Стыд – исповедала. Поп ей простил.

Был средних лет, сам семейный. Считался
Делом нередким для клира донос
В бедных районах. Однако держался
Совести батюшка и не донес.

Жалел свой приход. Указал он Авдотье,
Что мужа не следует ей выдавать
Никому никогда. Бог молчанья не против,
Коль это поможет беды избежать.

«Батюшки разные тоже бывают», –
Изрек назидательно. Крепко Матвей
Бранил, что призналась попу, ожидая
Ареста, но глупость, любя, простил ей.

Он понимал, что едва ли годилась
В жены подпольщику, – слишком проста.
Иное ему никогда и не мнилось,
Но втайне гордился, что сердцем чиста.

Дочь родила. Ее Анной крестили.
Еще у груди была, как зачалось
Новое дитячко. Анастасией
Будто в утробе само назвалось.

Батюшка тут никого не неволил:
«Как назовете, так и окрещу».
Следом Иван родился. Был доволен
Матвей, понял: сына на старость рашу.

Даже не верилось: мальчик родился!
После всех дочек! Спустя год за ним
И Александр в семье появился.
Только... войной уже полнился мир.

Мальчики в доме Матвея рождались
В годы войны⁸, хотя беды ее,
Впрочем, не вдруг до столицы добрались:
Понял не враз народ горе свое.

Но... понемногу прилавки пустели.
Голодные в город пришли времена.
Удачу подпольщики в том усмотрели:
Пусть будет счастьем такая цена!

Смуту нарочно теперь растравляли
Между рабочих; конечно, Матвей
В том преуспел, за что деньги давали,
Ими усилив величье идей⁹.

⁸ Первая Мировая война началась в июле 1914 года. В августе того же года в войну вступила Россия.

⁹ Многие подпольщики получали на революционные нужды и в качестве вознаграждения за риск деньги из революционной кассы, формировавшейся из средств отечественных и зарубежных жертвователей на дело революции.

Много народу в боях положили.
Что и напрасной, и долгой война
Случилась, не прячься уже, говорили, –
Как началась, года минуло два.

Матвей на заводе работал, однако
Мечтал фронтовым агитатором быть.
Там, на войне, – средь смертей лютых мрака, –
Ужас убийства солдатам открыть.

«Немцы, – пока речь вел в городе, – люди:
Как русские, люди которых война
Ведет убивать, в плену тех же иллюзий –
Долга и чести; враг главный – она.

Общий враг бедности – власть и богатство.
Монархи велят, а рабочие мрут,
Будто скотина. Им жить бы согласно.
Нет! К себе злую погибель влекут!

Должен быть мир!» Как Авдотья боялась
Что арестуют Матвея!.. Она
Каждый день с мужем навеки прощалась,
Каждый день весть об аресте ждала.

Жене дал наказ: «Не вернусь до рассвета –
Сразу с детьми возвращайся в село.
Отпустят, найду тебя». Помнила это.
Грамоте муж обучил здесь ее.

«В столице неграмотной женщине стыдно», –
Он толковал. Но жена поняла:
К аресту его муж готовит, как видно,
Дабы писать ему письма могла.

Грамота ей в ее годы давалась
Трудно. Однажды Матвей почитать
Дал запрещенное. Так испугалась,
Что не умел жены страха унять:

В книге что слово – одно богохульство!
Как это можно хранить?! А Матвей
С тех пор, стараясь щадить ее чувства,
Не предлагал запрещенное ей.

Втайне мечтал, чтобы с ним поделила
Дело его. Что постов не блюла
С мужем, об этом всегда говорила
В церкви, а в прочем – обычью верна.

Даже иконы муж дома поставил –
Ради жены. Соню – дочку свою
Тоже он Бога забыть не заставил.
Впрочем, совсем не стремился к тому.

С Соней такой Матвей мысли держался:
«Для мужа рашу – замуж ей выходить.
Только б супруг терпеливый достался,
Тот и решит, как жене его жить».

Так и росла. Евдокия влияла
Больше на дочку. Мать нежно любя,
Меньше к отцу Соня чувства питала.
Матвей понимал: мать растила одна.

Дочь никогда и ни в чем не неволил,
Баловал часто – хотел заслужить,
Чем только мог, он привязанность Сони.
Братьев-сестер помогала растить.

Их она с первой минуты любила.
Каждого. Как еще жили в селе,
В школу три года там Соня ходила –
Внучек учить велел свекор семье.

(Многие в школу детей не давали
Женского пола.) В столице, любя,
От книги к хозяйству родные не гнали –
Пусть себе в радость читает она.

Книги в семье всегда разные были –
Соне на счастье. Особенно ей
Пушкин по сердцу пришелся – открыли
Строки поэта любовь перед ней.

Вот бы любить так! К любви тяготела
С юности ранней, пример же ее
В родителях ясный и чистый имела,
В жизнь не вникая отца своего.

Хоть и, конечно же, кое-что знала.
Старшую дочку в четырнадцать лет
Учиться семья в мастерскую послала:
Без ремесла, знал отец, счастья нет.

Выбрал Матвей труд для дочки полезный –
Быть ей швеей. Соню отдал учить
Он в мастерскую самой Одоевской –

Что для мещан та велела открыть.

Чтоб и рабочие дочек учили,
Скромную плату разумно ввела.
Все ученицы княгиню любили,
Хоть ее видели раз или два.

Кроме шитья, там учили манерам:
Как ходить правильно, как говорить,
Как одеваться – чтоб чем-нибудь скверным
Имя княгини бы не посрамить.

Соня за три года это впитала,
И оглянуться отец не успел –
К выпуску барышней питерской стала.
Дочкой гордился Матвей и жалел:

Кто на ней женится? Та на рабочих
И не глядела. Семнадцати лет
Стала работать: хотелось ей очень
Родным помогать. Возражения нет.

Но отсоветовал, чтоб становилась
Швеею на фабрике – каторжный труд.
(Для шитья на дому, разумел он, училась.)
Вот упаковщицей пусть уж возьмут.

Зефир с пастилой паковать она стала
В цехе на фабрике. Вдруг на глаза
Из руководства кому-то попала.
С ней говорить стал. Молчать тут нельзя.

Спрашивал имя ее и откуда.
«Имя красивое», – он похвалил.
Сам англичанин. По-русски же трудно,
Мало, смешно, на свой лад говорил.

Очень уж Соня ему приглянулась!
В тот день смущенно с работы домой
Она с пастилой и зефиром вернулась:
Не взять неудобно – начальник большой.

Прибыльным делом считалось в столице
Русской иностранцам фабрики открывать.
Где работала Соня, была та английской.
Грамотна ли, в другой раз хотел знать.

Матвей потемнел: не к добру та забота.
Соне на фабрике скоро нашли

По указанью другую работу –
Легче, с бумагами. Дни меж тем шли.

Встретив работницу вдруг в коридоре,
Ее англичанин всегда узнавал.
Здоровался первым, к смущению Сони,
Какой-нибудь краткий вопрос задавал.

Соня его обхожденья стеснялась.
«Нужно с работы тебе уходить,
Покуда ты с честью своей не рассталась, –
Отец рассудил. – Мой семью долг кормить».

Соня ушла. Не взяла и расчета
За месяц последний – боялся Матвей:
Коль тот узнает – уходит с работы,
Он что дурное уж вытворит с ней.

(Разные случаи слышал в столице.)
Больше работать отец не пускал
Соню: какой богатеи вдруг польстится?!
Дома сидеть ей с детьми наказал.

Та и сидела. Любви же, как видно,
Конем не объедешь, коль время пришло.
Собою хрупка была и миловидна,
Чувство к ней финну вдруг в сердце вошло.

Утром на улице он ее встретил –
Шла она в лавку. Застенчивый взор,
Косу до пояса взглядом отметил,
Представился. Вышел у них разговор.

Ее на каток пригласил – там каталась
Вся молодежь. После нескольких встреч
Его объяснение в любви состоялось.
(Офицер был.) Повел о замужестве речь.

Был православного¹⁰ исповеданья –
Из царскую веру принявшей семьи
Военной, простой – не дворянского званья,
Семью не смутил бы простой род жены.

Соня к отцу позвала. Попросила,
Чтобы тот выслушал, ибо она,
Видя любовь к себе, тоже любила.

¹⁰ Большинство финнов лютеране. Православие обычно принимали обрусевшие финны, жившие ближе к границе с Россией, в России и (или) в знак лояльности к российскому самодержавию.

Сердце впервые свое отдала.

Матвей согласился: ну что ж, пусть приходит.
Жаль, что чухонец. В назначенный час
Статный военный вдруг в комнату входит,
Дочь с офицера не сводит же глаз.

«Вы – офицер?!» – «Софья вам не сказала?!» –
Финн и не понял, зачем от отца,
Будто позор, его гордость скрывала.
Матвей разобраться решил до конца.

В Финляндском полку, оказалось, тот служит¹¹.
Пока полк в столице, но лишь до поры.
Скоро на фронте окажется нужен.
«Жене вы готовите участь вдовы?» –

«Нет, уповаю в живых я остаться,
Но до прощания скорого дня
Желал бы как можно скорей обвенчаться». –
«Что если станет моя дочь вдова?»

Можете ль вы ради прихотей ваших
Невинной душой так жестоко играть?
Когда б на коленях молила бы даже
Вам бы не смел я согласие дать!» –

«Что ж, рано ль поздно война завершится
Нашей победой...» – «О, как вы юны!
Одной революции дали свершиться,
Другая нас вырвет из глупой войны!» –

«Но как это можно?! Уже побеждаем!» –
«Отнюдь, попрошу, посмотрите вокруг:
Мы губим солдат своих, мы голодаем!» –
К согласью нельзя прийти было им вдруг.

У каждого в сердце осталась обида.
Проводив офицера, обнял дочь Матвей:
«Хотя по душе ты пришлась ему, видно,
Худ будет, знаю, конец его дней.

Или на фронте от пули он ляжет,
Иль, если выживет, новая власть
Его за погоны, что носит, накажет.
Тебе не позволю напрасно пропасть!»

¹¹ Лейб-гвардии Финляндский полк – полк Российской императорской гвардии, состоявший из военных финского происхождения. Местом дислокации был Санкт-Петербург (после переименования в 1914 году Петроград).

Плакала Соня, отца умоляла
Дозволить венчаться. Уж скоро она
С тревогой на фронт жениха провожала.
(Согласье свое ему тайно дала.)

Финн целовал ее в шуме перрона,
Первый-единственный раз. Оставлял
Девичье сердце столь страстно влюбленным,
Как сам любил. С фронта письма писал.

Нежно и пылко они умоляли
Соню дожждаться. В счастливой судьбе
Любви их, надеждою жил, уверяли.
Ей наказал ехать к маме-вдове.

Мать его добрая, всё давно знает –
В письмах признался той сын, что влюблен.
Ее, как невесту его, ожидает,
В отпуск домой возвратится и он.

Отпуск короткий ему обещали.
Там обвенчаются. Понял Матвей:
Что-то глаза дочки горько скрывали,
И ... Чемодан нашел, собранный ей.

«Куда собралась?!» Отцу дочка призналась.
Больше того: стать она медсестрой
На фронте, чтоб с мужем быть рядом, собиралась.
Что ей в Финляндии делать одной?

«Нечего делать! – Матвей тут ответил. –
Костями к двери лягу – тебя не пуцую!
Езжайте в деревню – есть нечего детям,
Коль кто помрет, я себе не прощую!

А от земли пропитанье найдете». –
«Ты с нами, видно, не едешь, отец?» –
«Нет, всех твоей поручаю заботе –
Меня посылают на фронт наконец.

Домой телеграмму послал – вас там встретят». –
Соня отцу объявила отказ.
Матвей, не желая с ней спорить при детях,
Жене наказал с ними ехать тот час.

Меньшого – Сашу он, правда, оставил –
Соня им вслед привезет. Сам с женой
Простился сердечно, беречь всех наставил.

С вокзала вернулся он к Соне домой.

Соня два дня взаперти просидела
Волей отца, но она уезжать
С братом в село ни за что не хотела.
Силой тащил на вокзал – не сбежать:

Дочки косой обмотал свою руку
Крепко – не вырвется. Всякий читал
Встречный прохожий в глазах ее муку.
В вагон посадив, брата на руки дал.

(Саше от роду лишь год миновало.)
И... быстро вышел. Куда с тем одна?
Соня решила: ну что же, сначала
Брата отдаст в селе маме она.

Денег попросит и сразу уедет
В Питер, потом же Финляндия ждет.
Мать – не отец, она дочь пожалеет!
Умер как раз Николай в этот год.

Умер спокойно. Авдотья узнала
Об этом в селе: отцу писем она
(Грамоту знал) никогда не писала –
Заботой о муже и детях жила.

Память услужливо с ней поделилась,
Что, покидая родительский край,
Отцу не взглянула в глаза, не открылась!
Простил ли молчанье ее? Поди знай!

Понял ли, что открыть тайну Матвея
Дочь побоялась? Вон свекор так клял
Сына за то же (но втайне жалея),
Что Дмитрий ей сразу то горе сказал.

Он же, вздохнув, успокоил Авдотью,
Тревогу поняв ее: «Благословил
Отец твой тебя – передать просил. Вроде
Хворал он недолго. При мне уходил.

Мы же родня. За ним с братом глядели,
Как уж подняться не мог... Человек
Добрый был... Дом ваш потом не сумели
Спасти. И к чему? Отслужил он свой век.

Был вскоре пожар. Дом сгорел Николая,
Сам бы сгорел, видно, жив будь. Его

Чьей-то мольбой смерть минула худая –
Так все решили. Не плачь за него».

Долго Авдотья на деверя смело
Глаз не могла поднимать – от стыда:
Долг ее выполнил. Только и смела
Спросить о Глафире. Жива ли она?

«Жива, как я слышал. В Москве она. С мужем.
С детьми. А у нас, почитай, на селе
Лишь старики да калеки. Не сдюжим.
Слышь, и мои сыновья на войне.

И у Романа. У Агнии тоже.
У Пелагеи. Один Журавлев
Сынов откупил, говорят, это можно.
Да не про нас бедняков-дураков.

Все дело ясное с белым билетом.
Будто бы хворые. Только они
Трудятся так, как не помнят об этом.
Работников нет. Уж теперь-то одни». –

«Наши сыны до войны оженились.
Думали, выстроим каменный дом,
Дабы пожара вовек не страшились, –
Молвил Роман. – Был готов почти он.

Тут вдруг война... Сыновей всех забрали.
Мы в доме печь не успели сложить –
Всех печников воевать сразу взяли
Да положили. Как с домом нам быть?

Стоит одинокий, просторный, холодный...
Печь уж сложили вдвоем, как могли,
Дом же, однако, к житью мало годный –
Зябка там. Дарим, Авдотья. Живи.

Вам все равно идти некуда. Места
Нету у нас – много внуков. Матвей
Воротясь дом поправит – умелец известный.
Мы не чета, хоть одних с ним кровей».

На деверей робко Авдотья глядела.
Жались к ней дети. Поспорить с родней,
Как-то себя отстоять – не умела.
Знала: Роман управляем женой.

После свекрови в избе заправляла

Только она, а пока говорил,
Строго Татьяна на мужа взирала.
Он замолчал и глаза опустил.

Дмитрий повел дом показывать. «Таня, –
Взмолился Роман, – пусть у нас поживут!
Жалко тебе?» – «Чем кормить мы их станем?!
Нет, пусть отдельно хозяйство ведут». –

«Злая ты, Таня! Ведь дети Матвея...» –
«Он их плодил, тебя спрашивал? Нет!
Так отчего мы теперь их жалеем?
Наши воют!» – услышал ответ.

Спорить не стал. «А моя-то в землице,
Агафья, – дорогою Дмитрий сказал. –
Каждую ночь сиротинушка снится...»
Ввел семью в дом, тяжело замолчал.

Холодом, сыростью сразу дохнуло
В лица вошедшим. Простился с родней
Дмитрий с порога стыдливо, понуро,
И, не спеша, побрел к брату домой.

4. На селе

Авдотья о детях в том доме боялась –
Застудятся. Дров им навез печь топить
Дмитрий, но, сколько она ни старалась,
Согреться нельзя было. Как зимой жить?!

Нынче весна хоть. Снаружи теплее,
Чем изнутри, было. Скоро пришла
К ней Журавлева, Авдотью жалея,
Стряпать хозяйку к себе позвала.

Слышала, печь у нее и не варит
Как следует. «Что же, спасибо, приду».
В лавке съестного у них же набрали
И к Журавлевым – готовить еду.

Те, видя скудность, своей поделились.
Дали семян на посев. Две семьи
На удивленье селу подружились,
Хоть и чужие они – не сродни.

Соня приехала. В бедности видя
Семью, уж оставить ее не могла.
Село – его грязь и тоску ненавидя,
Денег последних просить не смогла.

Да и Авдотья во старшей нуждалась.
Соня писала, жених же молчал.
В Финляндию выслать письмо опасалась,
Дабы кто горький ответ не прислал.

Он жив! – жила верой. Дни быстро летели.
Сельские сверстницы Соню своей
Ровней признать ни за что не хотели –
Много чужого заметили в ней:

Речь, городскую одежду, осанку...
Робость и гордость попутали. Та
Не походила ни в чем на крестьянку.
С сельской родней мало зналась она.

Больше близ матери в доме сидела
Аль на дворе была. Всё же о ней
Вскорости знать уж молва захотела:
Кто шил наряды чудесные ей?

В ответ улыбнулась: «Сама я их шила».
К швейной машинке девчат подвела,
Как обходиться с ней, им объяснила.
«Мы не умеем! Ты сшей нам сама.

Ткань принесем». Всем сперва шила даром,
Потом платить стали. Хоть и бои,
Хоть и нужда, были юны не даром.
Желали красивыми быть здесь они.

Юность брала свое. Чаше платили
Продуктами. Реже деньгами. Наряд
На селе городской вошел в моду – форсили,
Пусть редкий отец новой моде был рад.

В крестьянской одежде куда как сподручней
Труд сельский нести. Городское надеть
Платье на праздник что разве. «Ты лучше
Шей сарафаны аль их не сумеешь?» –

Соню с сомнением отцы вопрошали. –
«И сарафаны могу», – был ответ.
В столице хоть шить те случалось едва ли,
Где восемь жила Соня памятных лет.

Удались сарафаны. Пошел по округе
Слух добрый о Соне. Бралась та всё шить.
К труду на селе не привычные руки
Ее, шитьем стали домашних кормить.

(Не ошибся Матвей в Соне!) Время летело.
Семья небогато, но сыто жила.
Корову рябую (детей пожалела!)
Старуха-вдова им на двор отдала.

Лошадь из двух своих девери дали.
Хоть и бранился с Татьяной своей
Роман, всё же братья родне помогали.
Али они Журавлевых скупей?

Что же Матвей? Слал он редкие письма.
Солдаты встречали его хорошо –
И наши, и немцы. Желанный мир близко!
Опасности будто смеялся в лицо.

Раз к немцам пошел... И его задержали.
С листовками был, без оружия он.
Нашли бы оружие, тогда б расстреляли.
И так нарушал, несомненно, закон.

Таких агитаторов много ловили,
А их всё не меньше. Вздохнул офицер:
Уж больно смутьянов солдаты любили!
Вот этому б пулю всадить всем в пример!

Эх! Молча выстрелил... Писем не стало
С того дня от мужа. Напрасно жена
Каждый денечек вестей ожидала,
Страшные мысли от сердца гнала.

Однажды конверт наконец получила.
Открыла. Прочла. И дрожащей рукой
Печную заслонку затем отворила –
Стал чужой почерк седою золой.

Пусть будет так. Пусть никто не узнает.
Сама ж заболела. Как радостно ей
Было мечтать, что она умирает:
Бог даст с мужем встречу, призрит их детей!

«Мама! Она! Революция!» – Соня
С улицы в дом забежала, смеясь. –
«Что ж так кричит, ведь такая тихоня!» –
Думала мать, на иконы крестясь. –

Ну, революция... Две пережили,
Эта уж третья... Осенние дни
Желтой листвою близ окон кружили,
Золотом землю мостили они.

«Что, моя милая?» – «Папа вернется!
Вернется домой!» Мысль об этом вошла
В душу девичью, как в ночь входит солнце.
Прежних обид ни следа не нашла.

Острою болью любовь отболела.
Отца поняла дочь. В родимом селе,
Глухом и забытом, душой повзрослела,
Пусть приходил финн печальный во сне.

Звал за собою. В тот миг просыпалась
Соня в слезах. Что убитый зовет,
Как-то сама она вдруг догадалась.
Молилась – Создатель тоску отведет.

«Вернутся все наши! Какое же чудо!
Мамочка, правда?» – Что молвить в ответ,
Когда и дышать в жару матери трудно?

«Отец не придет, моя милая, нет.

Ты никого не пугай этой вестью.
Помни сама. А теперь мой черед...
Было письмо, а в письме том известье...
Детей береги... Пусть священник придет».

Батюшка был не давнишний, а новый –
Монах. С ним живой разминулся Матвей
Всего ничего – побывал сперва дома,
Там и узнал об Авдотье своей.

К больной заспешил. Услыхала Авдотья
Голос Матвея, не верит она,
Что не покойник. Рукою из плоти
Взял ее руку, тогда поняла.

Виновато Матвею в глаза поглядела:
«А я помираю... прости, милый мой!
Как жаль умереть!» – С той минуты хотела
Жить она страстно... И встала живой.

Дня через три так уже управлялась
Одна по хозяйству. Матвей рассказал,
Как ее «вдовство» печальное случилось:
Подлец офицер его только пугал;

Выстрелил мимо – авось заботится!
Отдал под суд по закону, потом
Сам отчего-то своим стал хвалиться,
Что порешил. Ложный слух и пошел.

Ну, а поскольку к своим не вернулся,
Те и решили... И друг написал
Ей, коли случай такой обернулся, –
Зря ему, трусу, вперед адрес дал.

«Он от себя, видно, много прибавил». –
«Так указал, где могила твоя,
Что сам хоронил...» – «Тут уж явно слукавил!
Жив и здоров я, родная моя!»

Судить не успели. Пока находился
Под следствием, чаянья многих сбылись –
Пришла революция, освободился.
«Сюда только вести о ней добрались?»

Нескоро. Ну, край тут, понятно, далекий». –
Глаз не сводил муж с Авдотьи своей.

Чуть не поспел бы к ней, жил б одинокий...
Любо и страшно, что дорог так ей!

Прямо беда. На село возвращались
Близкие с фронта. По счастью села,
Кто провожал, почти все и дождались.
(Вся возвратилась Матвея родня.)

Много в селе о том радости было.
Как же теперь всю большую родню
Соня, деля эту радость, любила!
Кровь горячо поняла в ней свою.

Жизнью жила общей. Все принимали
Соню как ровню. За бывших солдат
Быстро отцы дочерей отдавали,
Коль те и сами венчаться спешат.

(Еще венчались.) В такую-то пору
Брак подневольный век долгий отжил.
Было, любилися (и без позору!)
Даже до свадьбы – такой уж был пыл.

Соне невесты свои поверяли
Секреты и чаянья. Ясно, что ей
Часто с приданным помочь доверяли.
К одной из родни лишь не сватались – к ней.

Нравилась многим. Боялись: откажет, –
Гордая. Соне все были родня
(Хоть и на грех уж никто не укажет –
Худшее людям списала война,

А по-иному глядеть не умела
Всё ж на своих, коли в каждом родство
Дальше ли, ближе она разумела.)
Тут уж какое страстей торжество!

Так ушла юность. Приданое шила
Соня по-прежнему. Пламя войны –
Гражданской вновь судьбы огнем опалило.
Много людей полегло без вины.

Были идейные – эти считались
Даже счастливыми: знать довелось
Им и о них, за что с домом расстались.
А большинство шли на фронт как пришлось.

Были ли белые – нет от них спасу:

Всех лошадей по округе взяла
Армия их и съестного запасы.
Сёла разула-раздела она.

Чем только можно в домах поживилась.
Брали в солдаты они тяжело.
Ох, не одна жена мужа лишилась,
Что не хотел уходить от нее!

Другие пошли, а верней, их погнали.
Только в себя пришел бедный народ,
Что-то нажил, – в селе красные встали.
Дело такой же взяло оборот.

Так и случилось, что брат шел на брата –
На самом деле. С пятнадцати лет¹²
Красные юношей брали в солдаты,
Брали мужчин, прежде скрывшихся бед.

Свадьбы в ту пору скромнее справлялись.
Реже. За совесть потом, не за страх,
Впитав чью-то правду, крестьяне сражались
И... погибали на двух сторонах.

Новая власть на крови становилась.
В эту-то пору жалеть о царе
Редко, по правде, кому доводилось –
Он долю испил в чаше, данной стране.

Он сам это выбрал. Хитрей оказался
Местный помещик: набравши добра,
Махнул за рубеж, где порой сокрушался,
Что с Родины мало увез серебра.

¹² С 1918 года официальный нижний возраст призыва в Красную армию составлял 21 год (в 1917 г. служба в Красной армии была объявлена добровольной, что не спасало от фактических злоупотреблений), но, если парень был рослый и крепкий на вид, в его возрасте особенно не разбирались.

5. Петр Арсеньев

Шли годы. Крестьяне домой возвращались.
Хмурые, бедные были они.
И в мирную жизнь потихоньку впрягались
Опять – будто не было страшной войны.

Будто приснились бывшие невзгоды.
Петр Арсеньев вернулся домой
В деревню весной двадцать первого года,
Когда самому пошел двадцать седьмой.

Пришел при петлицах. С крыльца мать не смела
Поверить: «Сынок!» – закричала она.
И выражения глаз оробела
Сына вошедшего – это война.

Была до политики женщиной темной.
Как воевал, где, зачем, отчего,
Понять не пыталась, но каждый день черный
Ей показался вдали от него.

Каждый день Богу о сыне молилась.
Тот чаще молчал, возвратившись домой,
Она же к расспросам отнюдь не стремилась –
Прошел две войны, а, гляди-ка, живой!

«Теперь-то совсем пришел?» – «Мама, не знаю,
Как жизнь обернется». – «А я-то жену –
Мать внуков моих для тебя выбираю!
К кому станешь свататься?» – «А, ни к кому!» –

«Что ж так?!» – «У жены моей тяжкая доля –
Сгибну. Зачем мне жена? Для чего?»
Мать, видя глаза напоенные болью,
Вздыхнув, отступала, жалела его.

Бессонницей мучился Петр. Отрывки
Короткого, тяжкого, смутного сна,
Терзая, в предутренней таяли дымке.
Боялся снов – память была в них честна.

Мать снова молилась. У старой иконы
Стояла, шепча что-то. Петр смотрел
На это с усмешкою, но без укора.
(В боях атеистом стать твердым успел.)

Прожил дома с месяц – чуток полегчало.
Стал крепче спать, к севу – лошадь купил.
(Что деньги за службу привез, мать не знала.)
Одежей крестьянскую форму сменил.

Хозяйство повел. Урожай собирали
По осени добрый. В деревне Петра
Уже года три свадьбы как не играли –
Некому: стала невестой война.

А девки росли! На пришедших глядели
С фронта, как звери добычу глядят.
«Красивые, – мать всех хвалила. – Ужели
Нет по сердцу?!» – Сын отворачивал взгляд.

«Обычные». – «Петя, какой ж тебе надо? –
За радостью сыном успела забыть,
Что он холостым жить намерен. – Отрада
Была б мне немалая бабкою быть!

Когда ж твоя свадебка? Уж налетела
Зима!» – Петру молвила строго потом. –
Болтают, что хворый ты! Это ли дело:
Полгода как здесь, а жены не взял в дом?!

Али ты с кем втихомолку гуляешь?» –
Петр в ответ покачал головой:
«Прознали б, коль так». – «Ну, гляди! Не обманешь?
Вправду ль особой ждешь что ль какой?» –

«Жду», – молвил так, чтобы бранить пожалела.
Был Петр единственным сыном вдовы.
Рано – брюхатою мать овдовела.
Жили в нужде большой с сыном они.

Рос Петр упрямым, ни с кем не водился
Из сверстников, только как в школу пошел
От деревни за двадцать верст, там подружился.
Мальчика звали Архипов Антон.

Тот тоже в школу ходил издалёка –
Был из семьи путевых сторожей.
Жили от хвойного леса те сбоку,
В стороне от поселков, вблизи от путей.

За лесом густым тем как раз начиналась
Деревня Петра. Ее людной назвать
Никак нельзя было – всегда глушь считалась.
(Представится случай ее описать.)

Антон схож с Петром был: такой же упрямый,
Рослый и крепкий, но с детства с людьми
Сходился легко, слыл открытого нрава.
От школы домой было им по пути.

Петр бывал у Архиповых: те-то
Не голодали. По службе своей
Жили Антона отец-мать безбедно,
Сына они привечали друзей.

Много у них детворы собиралось
Разного возраста, ибо Антон
Был не единственным. Вот вдове радость!
И после школы дружили потом.

Вместе на фронт немца бить их призвали –
Как одногодков: октябрь стоял,
Шестнадцатый год. Первый бой принимали
Вместе. Антону последним он стал –

Везуч оказался! «Ты б, Петя, к Антону
Наведалься что ли?» – «На что я ему?
Он по ранению был комиссован,
Раненный сразу же – в первом бою.

А я... мира ждал, сидя в грязных окопах.
Умней был бы – сбег, как сбегали тогда.
Только вернулся – другая забота...
Зачем говорить? Ты всё помнишь сама».

Мать мало помнила, как сына взяли
Опять воевать, будто вместе с Петром
Память о дне этом страшном отняли...
Январь снежным был в году двадцать втором.

Тоска снова душу Петра одолела.
Непрошено вновь приходила к нему
Война в сновиденьях, и сердце болело
О чем-то известном ему одному.

«А что, в самом деле, проведаю друга, –
Решил. – Он, небось, уж слышал про меня;
Что я воротился, жаль только друг друга
Нам с этой поры никогда не понять».

Поехал к Архиповым. Те давно жили
Не в сторожах: в Меховом во селе,
Куда дети в школу их прежде ходили,

Построили дом свой на радость молве.

Их в Меховом хорошо люди знали,
Ибо рождением были своим
Оттуда Архиповы-старшие сами.
Вернулись из будки далекой к родным.

Антон мать гостю, Петру, была рада.
(Уж про Антона чего говорить!)
Властная женщина. Муж ее взгляда
Боялся порой – так хотел угодить.

Любил он Матрену. Она выходила
Замуж – красавицей первой была,
Слова недоброго с уст не сронила,
После уж трудная жизнь доняла.

Сколько детей они с ней потеряли!
Было четырнадцать, выжило пять.
Прочих болезни да роды отняли.
(В будке одной ей случалось рожать.)

Крестили, понятно, не всех их. Считалось,
Что некрещеные будут в аду.
Как уж Матрена о тех убивалась!
Нравом резка стала всем на беду.

Муж ей прощал. С ней чего не бывало
Сгоряча, в пылу ссоры. Его на мороз
Ночью в исподнем одном выгоняла,
Бросив тулуп за дверь – чтоб не замерз!

Босой уходил от нее он по снегу,
Долго в селе не решаясь искать,
Надеясь скрыть стыд, никакого ночлега,
Стыда бы послушал – поминки б справлять.

Утром искала жена, находила
У дальней родни. Обнимала его
Она, целовала. А после бранила
Сызнова. Зла не держал на нее.

Был за ним грех: выпивал он. Однажды,
Когда в сторожах еще жили они,
Уехал муку молоть. Солнце уж дважды
Зашло. Мужа нет. Каб не вышло беды!

(Пшеницу они в сторожах не растили,
В округе зерно покупали.) Когда

К концу третьей сутки тревог подходили,
Мужа искать поспешила жена.

В отсутствие мужа сама обходила
Отрезок путей его. Дважды в день. Ей
Уйти из сторожки нельзя теперь было
По правилам – сторож быть должен при ней.

Нарушила правила. Уж представляла
Вдовой себя в страхе. Смотря мрачно вдаль,
Она на пригорке высоком стояла,
Сердце сжимала-давила печаль.

И вдруг... увидала его. Ехал пьяный,
Веселый. Не правил он – лошадь везла
По памяти. Разум затмило тут здравый
Матрене. С пригорка проворно сошла.

Крикнула лошади стать. Объясниться
С мужем хотелось ей здесь и сейчас.
Взгляд ее зоркий успел убедиться:
Один мешок пропил муки тот как раз.

Выпрягла лошадь. В словах не умела
Выразить гнева, что рвал грудь ее.
С мужем телега к земле полетела,
Тотчас потемнело в глазах у нее.

В чреве нещадная боль появилась.
Хлынула кровь. Муж поднялся с земли,
Стоном встревоженный. «Что приключилось,
Матрена?» – «Довел! Теперь вдовым живи!»

Схватил жену на руки. Понял всё скоро:
Надорвалась, опрокинув его.
Трезвея с ее угасавшего взора,
В больницу повез. Ехать им далеко.

«Не довезешь! Бог с тобою! Прощаю!» –
Услышал дорогой. Мешки сбросил он,
Лошади ношу весьма облегчая,
И, не шадя, гнал во весь уж опор.

Насилу поспел. Врач весьма подивился
Силе Матрены: «Вот баба!» – «Она
Со мной так за то, что в трактире напился
И пропадал там безвестно три дня». –

«Жена твоя будет жить. Только не сможет

Родить уже... Сколько ей? Сорок годов?» –
«Сорок пять. Знал я, что Бог нам поможет!
А детей народила». – «Ну, сам будь здоров!»

Прокофий от счастья рыдал. Не украли
Мешки с мукой. Он не поверил глазам:
Где их оставил, они и стояли.
Тут дал Прокофий вновь волю слезам.

Уж без жены-то пришлось потрудиться:
Стряпать, стирать, печь топить и с детьми
Малыми, точно супруга, возиться,
Дважды в день обходя в двойной мере пути.

Понял Матрену. Жена не умела
Долго зло помнить – избавил ее
От смерти; но сердцем мгновенно кипела,
Едва случись пьяным заметить его.

При всем том друг друга они обожали,
Дивя детей взрослых, и в годы свои
Друг друга в объятьях с охотой держали.
В их доме любил Петр чувство семьи.

Всё ведал. Матрена Петра отличала
С детства. Когда немцев бить уходил,
(Антон в солдаты как раз провожала),
Петру наказала, чтоб жив приходил.

Перекрестила его рукой нервно
После Антона – вот всё, что могла...
«Петечка, как ты?» – «По правде-то? Скверно». –
«Ранен был?» – «Нет». – «Ну! Так жизнь берегла!

Другое забудется, – молвила тихо. –
Антон не брали... потом воевать.
Хромает – спасло, а тебе пришлось лихо!» –
«Как многим. Не век же о том толковать?» –

«Антон у меня шестой год как женатый.
Ты скоро ль думаешь?» Будто шутя,
Заметил ей Петр: жених не богатый –
Мало кому приглянется в зятя.

«А наживешь! – ему было ответом. –
Другие ль богаче? – Своих дочерей
Матрена окинула взглядом при этом. –
Грушеньку б взял нашу», – думалось ей.

И сама Груша об этом мечтала.
Глаз на Петра поднимать за столом
Она не решалась – так сердце пылало
Первого чувства теснимо огнем.

Ей давно нравился Петр. Невестой
Воображала себя только с ним,
Хоть и красавицей вышла известной.
Мила была многим, а ей – он один.

Даже не помнила, как приглянулся.
Тайно ждала его. Петр с войны
Приметней, чем помнилось Груше, вернулся –
Ее летам шрамы души не видны.

Что до Матрены, та всё понимала,
Но и надеялась... Груша была,
Как все Архиповы, очень упряма,
Не допускала, что даром ждала.

Не допускала, что мог он от пули
Сгибнуть, что мог послать сватов к другой,
В край не вернуться родной почему ли, –
Ей Петр на свете назначен одной!

По разнице лет, не воюй он, в невесты
Ему б не годилась, но даром судьбы,
Благоволящей мечте ее детства,
Были свободны решать жизнь они.

Петр и сам на себя удивился:
Только на Грушу разок поглядел,
Ее красотой немало смутился.
Ей восемнадцать! Поверить не смел.

Как она выросла! Как повзрослела!
Он по привычке ее вспоминал
Двенадцатилетней, которой глядела
В толпе, как на фронт первый раз уезжал...

Долго не виделись! «Грушенька-Груша,
Зачем ты такая? За мной пропадешь», –
Думал с тоскою. Предчувствие руша,
Сердце шептало: «Один раз живешь!»

И ... послал сватов. «Небось, не посмеют
Теперь хворым звать!» – Уязвили слова
Такие Петра о себе тем больнее,
Чем пуще неправда их ясной была.

Архиповым-старшим весьма полюбилось
То, как посватался, – через родню,
Сам не поехал. Теперь что творилось
В селах! А он уважал старину.

Добрый ответ для Петра передали
Сразу. И пусть на селе языки,
Будто приданого ищет, шептали,
Архиповы были с решеньем легки.

Дать посулили за Грушей одеждой
Ее, ничем больше, – молву отведет
Это решенье, а дочка, как прежде
Принято, к мужу обшитой уйдет.

(В округе с достатком семья почиталась
Архиповых. Как умудрились нажить
Денег, когда всюду бедность считалась
Обычем, о том будет срок говорить.)

Мать же для Грушеньки-дочки хотела
Самого лучшего. Соню шить в дом
Приданое Груше давно приглядела –
Славилась Соня искусным трудом.

Задаток большой дала. Соня смущалась:
Шить в чужом доме? Зачем? Для чего?
Али в своем никогда не справлялась?
«Вдруг станешь шить в тот же срок для кого?»

Нам не успеешь. Уж я глядеть буду,
Чтоб не ленилась!» – Архипова ей
Молвила твердо, а спорить с ней худо;
Кто платит, тот прав, хоть и стыдно людей:

Архиповых сын, говорят, неженатый.
Меньший. Да, видно, судил помереть
Бог старую девой! Заказ был богатый,
А нет женихов, что о славе радеть!

Спросила у матери. Мать ей сказала:
«Шей с Богом, где молвят». Она про семью
Архиповых зла никогда не слыхала,
Но слышать случалось зато похвалу.

Матвея нельзя спросить мнения было –
Уехал работать в Москву. «Твой отец
Не стал возражать бы», – за мужа решила

Авдотья. Пришел тут сомненьям конец.

Соня вздохнула, судьбе покорилась.
Вещи в тот день же свои собрала
Вместе с машинкой, с родными простилась.
Матрена сама на свой двор отвезла.

Кликнула сына помочь им с вещами –
Чтобы снес в дом. Так как старший хромал
Сильно (не зря воевать-то не брали!),
Григорий родным за двоих помогал.

Тулуп враз накинул да вышел из дома
Он быстрым шагом. На Соню взглянул
Взглядом одним, и не надо другого –
Сразу в глазах ее он утонул.

Сразу почуял: жена его будет,
Встретил судьбу. Стал он с этой поры
Таким домоседом! Заметили люди.
Из дома не выгнать, хоть что посули!

К счастью, зима в эту пору стояла.
Соня старалась с заказом поспеть –
(Свадьба на Троицу). Если вставала
Днем от шитья, то поесть чтоб успеть.

Ее за столом, как родню, всегда ждали.
И, хоть недостаток был виден в дому,
Слова о том никогда не сказали.
Ровню в ней все признавали свою.

Ровня и есть. «Не одной ли мы крови?» –
Как-то Матрена спросила сама.
«Нет», – неуверенным был ответ Сони.
Вглубь веков глянь – вся округа родня.

«Верю. Родню далеко свою знаешь,
Как все Поздняковы... А сын мой глядит
Как на тебя, уж, небось, примечаешь?
Что тебе сердце твое говорит?»

Соня в ответ ничего не сказала.
Комнату ей свою дали в дому,
Так не спала почти – боязно стало,
Что в ум вдруг придет быть к ней ночью ему.

«Зря не робей, – наказала Матрена. –
Коли мой Гриша обидит тебя,

Выйти живым не позволю из дома,
Хоть мне и сын – я уж буду не я!

Шучу! Он застенчивый парень, хороший».
Соня смущенно глаза отвела.
Сочтя, что сказала куда уже больше,
Матрена о том впредь речей не вела.

Соня ей нравилась. Как ладно шила!
И уж, конечно, нельзя отрицать,
Что и скромна, и умна, и красива, –
Сочетание редкое – надо признать.

Что ж, если сладится, пусть. Будет рада!
Гриша в семье ничего не скрывал,
Что полюбил Соню с первого взгляда,
Это и пес на дворе их слышал.

Матери сын спешил первой признаться:
«Готовь, мать, две свадьбы на Троицын день».
Так и сказал. Но в любви объясняться
Не торопился – не время теперь.

Соня сперва его очень робела.
Как он глядит! Сразу всё поняла,
Хоть и сознаться себе не умела,
Что полюбить его тоже могла.

Видный был парень! Высокий, кудрявый,
Голубоглазый. Считаться в селе
Мог женихом Гриша первым по праву,
Да при небедной к тому же семье.

Только... невест до сих пор сторонился –
Ни одна не пришлась к сердцу... Сверстников он
Закрытой душою как будто дичился, –
Нравом совсем не такой, как Антон.

Замкнутый, только своим доверялся,
Но тем уж полностью. Стал приходить
К Соне он в комнату, будто старался,
В шитье ей, заради сестры, подсобить.

То в клубок нитки усердно смотает,
То подаст что-то. А как его гнать?
Сын ведь хозяйский! Где хочет, бывает!
Но и душа не велит прогонять.

Очень уж ладный! Тепло сердцу было

От его взгляда. Не помня себя,
Всю свою жизнь ему Соня открыла.
(Только о финне молчала она.)

Он ей в ответ поверял свою тоже:
В Питере жить и ему довелось.
Работал в пекарне там. Так осторожно
Чувство в груди у нее занялось.

И, может быть, уж не столько боялась,
Что ночью придет к ней, как ей самой
Этого втайне невольно желалось...
Моложе казался на год на другой.

В армии не был. Причин не спросила.
Знала, что белый билет, отчего,
Ей неудобно расспрашивать было;
Больше про Питер пытала его.

Где жил? Почему? «У двоюродного брата.
Он там женился, а мне посмотреть
Шибко хотелось столицу когда-то.
Так и остался. Село что жалеть?»

Учеником стал у пекаря. Мама,
Правда, в пекарне работу мою,
Как стало известно ей, так осмеяла,
Что не мужская. Уж здесь не пеку.

А пекарь был добрый. Свой угол мне тоже
Давал, я от брата к нему не пошел
Сам – у родни больше нравилось всё же.
Детишки у брата пошли – хорошо!

Воля б моя – по сей день бы остался.
Пекарня закрылась. Как брат за меня,
Что сыщет работу другую, вступался!
Мать всё, как обычно, решила сама.

Приехала. Я не послушался маму –
Вернулся домой. Долго в Питере жил –
Три года! В селе у меня друзей мало.
Точнее, не знаю, есть хоть ли один.

Приятели Грушеньку нашу глядели.
Красавица! Каждый хотел от меня,
Чтоб его похвалил ей, но я в таком деле
Сестре не советчик ведь... Дружба прошла».

Рассудительность Гриши по тем словам знала.
Всё, что когда-либо ей говорил,
Отклик живейший души вызывало...
Селу лошадей летом прошлым добыл.

На Украину поехал за ними,
Хоть и опасно – Махно. Повезло:
В поезде бабы под юбками скрыли,
Как стал тот брат с поезда, – чудо спасло.

Не для нее ли? «А то б расстреляли! –
Ручался Григорий. – К Махно б не пошел
В банду я, пусть бы хоть как зазывали.
А кто отказался, тот смерть и нашел».

Обратно – ночами. Вернулся Григорий
С восьмью лошадьми. Вспоминала сама
Соня, каким здесь встречали героем!
Шесть из них скоро семья продала.

(Уж у кого тогда деньги водились,
В войну? И за нитками ездил потом,
И за иным, оттого и нажились.)
А то на быках всем пахали селом.

Потом и другие поехали тоже –
Кто где сумел, там достал. На селе
Хорошая лошадь и жизни дороже.
Семье Сони пахали – спасибо родне.

Им самим отдали лишь жеребенка
Малого: мать померла у него.
Жалели его в семье точно ребенка,
Ходили за ним уж не хуже того.

В доме держали. Матвей печь поправил –
Стало теплее. Роману простить
Не мог, что семью его в доме оставил
Сыром смерти ждать. Должен был приютить!

6. Масленица

Матрена при Соне судьбу вспоминала.
Отец в старину ее рекрутом был,
Вернулся – родня вся в могилах лежала,
Избу растащили. Недолго грустил.

Приехал в село это: там не остался,
Где жили, душа его будет болеть –
Так рассудил. Здесь он и повенчался,
Мать не любила, да выдали ведь.

Поскольку со службы вернулся с деньгами
(Подъемные царь отслужившим давал,
Состоявши на службе, копили и сами),
Большой дом построил. В хозяйстве толк знал.

«На войне убивал, – вздох Матрена не скрыла. –
На Кавказе служить довелось... До конца
Чуялась в нем богатырская сила,
Мы, дети, немножко боялись отца».

А как Прокофий Матрену посватал,
Тот рассердился: не ровня он ей –
Бедный, а жили, считалось, богато.
Сватов, не выслушав, выгнал скорей.

Тут уж отцу сама в ноги упала.
Дочь пожалел. Повенчались они
С Прокофием – жить за тем в бедности стала.
Прожив десять лет, в сторожа с ним ушли.

Вместе. И деньги им равно платили.
С места, где будка их раньше была,
Равную площадь путей обходили
И подменяли друг друга когда.

Жили безбедно, копя. Как вернулись,
Тут революция. Всем их добром
Красные-белые не поперхнулись.
Две тысячи сгинули зря. Серебром.

Кое-что спрятали – так уцелели!
Красных и белых в семье их за то
В мыслях вообще различать не умели:
Бандиты они, как ни глянь – всё одно.

«А Петр Арсеньев? Жених вашей Груши, –
Соня спросила Григория вдруг. –
Красноармеец был?» – «Вроде. О службе
Молчит и с Антоном, а тот ему друг.

Что от других про Петра услышали,
То знаем. Никто не пытается его
Из нас про войну. От войны все устали.
Какое нам дело, куда занесло?

Теперь-то уж мир! Он нам свой. Мать любую
Простит ему форму за то, что живым
Пришел и берет ее дочку родную
Замуж. С расспросами уж погодим!»

Соня примолкла. Она услышала
Сказ от родни своей вдруг про Петра
Такой, что молчать ли, открыться ль, не знала.
Проведать семью ненадолго была.

У матери тетка Лукерья сидела.
«Белогвардейца невесте ты шьешь, –
Огорошила Соню. – Был Петр за белых!» –
«Другое слыхала». – «Меня проведешь!

Белые драться его забирали –
Видала сама. Мой сельчанин он был –
В его деревеньку-то замуж отдали.
(Оттуда забрал переехавший сын,

И слава-то Богу!) Матрене сказала:
«Не за тех приключилось Петру воевать».
Она обозлилась да как заорала:
«Дура! Забудь о таком толковать!»

Мне-то что! Груша – ее дочка! Только
Вдовою оставят – не пощадят
Врага, а хорошую жалко девчонку.
Нынче выходят в селе как хотят!

Мы, девки, с обдумкою встарь выходили
Родительской. Бог от нас с сестрами взял
Мать-отца, мы отроковицы были.
Нас с сестрой зять Николай выдавал.

Твой дед, Соня. Помнишь? Ему-то годочков
Было тогда девятнадцать всего,
А пекся о нашем замужестве, точно
Отец. Помяни, Господь, душу его!

Сватал чужой меня. У Николая
Долго искал он согласия. Когда
Лишь зять разузнал от людей, что худая
Молва не идет за тем, отдал тогда.

А нынче? Тьфу!» – «Бабка Лукерья, так ныне
Время сложнее. Кто где воевал,
Легко ли поймешь? И виновны ли были?
А может, от белых Арсеньев бежал?» –

«Белый есть белый! При зверях остаться
Живым чтобы, надо, небось, самому
Равным им зверем стать. Внук мой мараться
Не захотел! Земля пухом ему.

Чистый был... Петр домой воротился,
Женится. Но и его приберут
В землю». У Сони комок подкатился
К горлу. Смекнула, в чем дело всё тут.

Но жалость к родне, зову крови внимая,
Ей гневного слова сказать не дала.
«Вы, бабушка, зря...» – «Ты еще нам родная?
Али Архиповым стала родня?

Прибилась к ним? Гришка, что ль, мил? Уж судачат.
Кто тебя, Сонечка, замуж возьмет
Другой теперь?» Соня, смятение пряча,
С улыбкой простилась. Указ ли народ?

Самой ей хотелось в себе разобраться:
Что чувствует к Грише? Стремление в ней
К новому, стало вдруг ясно мешаться
С памятью прежних, уж давнишних, дней.

Любовь к финну вспомнила... Напоминала
Груша о той: когда Петр бывал
В дом, то навстречу ему выбегала,
И счастье любой бы ее угадал.

С утра ждала самого – в окна глядела.
Были красивою парой они.
«И я безоглядно любить так умела», –
Думала Соня с тоской о любви.

Петр ожил: перед ласковым взглядом
Скованность, мрачность свою позабыл.
Пусть не так явно, как Груша, но радость,

Что близится свадьба, и он не таил.

Играли в снежки. Целовались украдкой.
Зимнее солнце светило в глаза.
Петру семья верила, руша порядки, –
С сосватанных глаз не спускают. Нельзя.

Потом была масленица, гулянья.
Вот оно счастье! Уж тут целовал
Петр невесту открыто, не тайно.
Ее по селу на санях он катал.

В селе бытовал еще давний обычай:
Коли кто масленицу гулять
Решится с приметной симпатией личной,
Тех свадьбу недолго окажется ждать.

А если жених себе сватал невесту
Еще до гуляний, то мог он на них
Ее целовать при народе всем честном,
И муж почитался скорей, чем жених.

Отступивших от слова потом не бывало –
Позор жениху. Груша рада была
Смелым губам Петра, всех заражала
Счастьем, к желанному страстью горя.

Зарумянились щеки, уста заалели
От поцелуя. Воскресный день был –
Исход шумной масленичной недели.
На площадь с утра уж народ выходил.

Гуляли и стар и млад. С долгой зимою
Прощались язычески – жарким огнем:
Чучело жгли, и поверье такое
Было, что беды за год сгорят в нем.

Весну зазывали веселою пляской,
Песней народной. «Устала. Домой
Отвези меня», – Груша шепнула. Согласно
Петр в ответ ей кивнул головой.

Матрена двери входной не запирала,
Когда на селе была. «Все здесь свои», –
По давней привычке недаром считала.
С невестой жених оказались одни.

Родные на празднике. Печь затопили –
Холодно в доме. Приникла к Петру.

Обнял ее. Точно пьяные были
Праздником, схожим на свадьбу свою.

«Долго-то Троицы нам дожидаться, –
Быстрый услышал он шепот ее, –
Каждый денечек боюсь не дожидаться...»
И, чувствуя мужем себя, взял свое.

Не мог дольше ждать. Наспех взял, неумело –
От женщин его ограждала война.
Уже и не помнил, когда и кто первой
В каком-то селе позабытом была.

«Груша...» – Неловко потом стало страсти,
Отнявшей девичество. Холод избы
Мешал наготу обнажать, и во власти
Чувства, на печь на овчину легли.

Больше, чем нужно, с себя не сымали.
«Ох, топлено жарко!» – такие слова
Петру о невесте столь много сказали,
Сколько б и длинная речь не могла.

Утратой девичества не огорчалась
Груша нисколько. Что произошло
С нею, занятным весьма показалось
И отклик на миг в ее теле нашло.

А главное: ясно она понимала,
Что без венца настоящей женой,
И даже без загса, Петру теперь стала.
(Венчались иные еще той порой.)

Оправила юбку с улыбкой спокойной.
Слезла с печи. «А зря бабы-то врут
Девкам наивным! Ничуть и не больно!» –
Довольная опытом, думала тут.

Петр за ней следом с печки спустился.
«Груша, негоже нам Троицы ждать.
Я б на тебе хоть сегодня женился!» –
«С матерью можешь потолковать?»

Я б с радостью!» – «Груша, зачем ты такая?» –
Вслух сказал давнюю мысль он свою.
Не поняла его думы: «Какая?» –
«Хорошая слишком». – «Тебя я люблю!»

7. Кто знает свою судьбу?

Соня вовек еще так не смеялась,
Как в то воскресенье. Веселью вокруг
Душой своей чутко она поддавалась.
Стало на сердце легко ее вдруг.

Гриша был рядом. Неделю открыто
За нею ухаживал: не отступал
Ни шаг на гуляньях. Селу неприкрыто
Серьезное чувство он к ней объявлял.

Соня вниманье его принимала.
Катал на санях, с ней играли в снежки
(Забав других юным зимой не бывало),
С трепетом нежной касался руки.

Уста Сони Гришу давно уж манили,
Но коль не жених, то робел целовать.
Покуда в дороге домой с нею были
С площади, замуж решил позвать.

Соня, душой не кривя, согласилась.
Нравился ей. Что тут спорить? К тому,
Других женихов у нее не водилось,
А счастья хотелось, хотелось семью.

Когда ж играть свадьбу? Все вместе решили,
Что розно с другой. Груша рада была:
Память о том, как с Петром поспешили,
Сладкою гордостью в сердце жила.

Им бы с Петром в самый раз расписаться
Нынче, а, матери чтоб угодить,
Гриша и Троицы мог бы дожидаться –
Матрена велела в тот день выходить.

Приданое? Груша о нем не радела.
Сколько есть, хватит! Совсем об ином,
Не о шитье, она мысли имела.
И кто укорить бы дерзнул ее в том?

В поспешности Петр своей повинился
Перед Матреной. Характер ее
Зная крутой, простоте удивился,
С которой проступок простила его.

«Молодость! Эх! День прощенный¹³, – сказала. –
И я виновата: задумала ждать
Заставить вас с Грушенькой дольше, чем надо, –
Хотелось приданого больше ей дать.

А ведь в пору Масленицы играли
Многие свадьбы свои в старину.
Но опосля, правда, в пост, не венчали¹⁴...» –
«Я не приданого ради беру.

Я ... Дочь ваша – чудо». – Былому солдату
Вдруг стало немыслимо, что за него,
Бывшего, мнилось, близ самого ада,
Идет почти девочка. И отчего?

Любит! Любовью ее согривался,
Как печкой в мороз. Словно возле огня
С холода лютого вдруг оказался.
Грела, неведомым счастьем маня.

Веселая, нежная – дивное диво
После всего. Он не спорил с судьбой.
Лишь, как обмороженный стужей сварливой,
Чувствовал боль по несходству с собой.

«Матрена Карповна, нужно скорее
Свадьбу играть. Завтра!» – «Ой как спешишь!
Может, к исходу грядущей недели?
Небось, не родит! К чему прыть? Не сбежишь!

Во всяком другом я б чуток сомневалась.
В тебе – нет». – «А если... за мною придут?
Я ж вам не сказал...» – «Да давно я дозналась,
За чьих воевал...» – Голос снизила тут.

Петр в ответ побледнел. Огляделся. –
«За белых я нешто хотел воевать?!
Одной мне хватило войны. Натерпелся!
Да отказавшихся стали стрелять.

Всем сразу по пуле – для общего страху...
Я и пошел – свою жизнь пожалел.
А может быть, лучше мне сразу на плаху –
Больших злодейств я нигде не глядел.

Ну и понятно, что сам замарался.

¹³ Завершает масленичную неделю Прощеное воскресенье.

¹⁴ После Масленицы у православных начинается Великий пост.

Не без того. Вы не думайте зря:
Пленных уж я убивать отказался –
Не смог, да и было кому без меня.

Потом убежал. Понимал, что движенье
Белое вскорости обречено
На неминуемое поражение:
Какую нелепость творило оно!

Могло ль победить? Не иначе как с дури
Или с отчаянья стали хватать
Бедных крестьян, чтоб вести их под пули, –
Таких же крестьян, как они, убивать!

И я бил крестьян... Немцев как-то полегче,
И то понимаешь: живые, а тут
Свои...» – «Так не бил бы!» – «В бою мирной встречи
Не может быть. Жалость проявишь – убьют.

Я ... сдался красным. Поверили. Было
Во мне столько злости на белых, что я
Мечтал убивать их! Три года служил я
Красноармейцем. Побили врага.

Был в кавалерии. Ох, и боялись
Царевы приспешники нас!» – «Над людьми,
Что ли, иначе вы там расправлялись,
Чем белые?» – «Мирных не трогали мы». –

«Добра от обеих я армий видала
Как от заразы чумной». – Насмешён
Был этим сравнением Петр немало.
С Матреной не спорил почтительно он.

Молчанье его в тот же миг оценила
Душою. «Я думала, с белыми был
До конца. До нас, Петя, молва доходила
О вашей деревне – кто с кем уходил». –

«Кабы так, вы бы меня увидали
Вряд ли – домой б не пришел. За меня,
Белого, дочку неужто б отдали?!» –
«Как не отдать? Ты давно нам родня!

И Грушеньке люб! Али ты не приметил,
Как в детстве любила тебе на глаза
Она попадаться? Чтоб только заметил... –
В глазах у Матрены блеснула слеза.

Петр вздохнул. – Почему ты считаешь,
Что могут ... прийти за тобой? Воевал
За красных! Ходи гордо! Страхом страдаешь
Пошто? Форму ты у себя надевал?» –

«Мало. Я формой давно тяготился –
Злость утолил, потянуло домой». –
«Отчего же судачат, что белым явился?» –
«Слух в память о прошлом пустился за мной.

Такое про всех по округе болтают,
Кто с белыми шел на фронт. Многим бежать
Случилось. Кто выжили, горя не знают,
Думают: нечего им поминать.

А я вдаль гляжу всегда. Я испугался
За жизнь и свободу свою оттого,
Что ... все ж целый месяц у белых шатался». –
«Один только месяц? Ну, ничего!

Слыхала, амнистию им объявили –
Белым. Не лгут? Кто оружие сложил
Сам, говорят, тех как будто простили.
С солдат какой спрос? Ладно б чин еще был!» –

«Не верю в прощенье». – «Войны теперь нету!
Тебя силой взяли... Ужель не поймут?» –
«Бог знает». – «Езжайте отсюда». – «К ответу
Уж коли судьба, то везде призовут». –

«Кабы хотели, давно бы забрали.
И тебя и других!» – «Есть покуда крупней
Добыча невольных солдат, но едва ли,
Однако ж, умрем мы в постели своей». –

«Петя!» – Матрена тревожно глядела
На зятя (ей в мыслях уж зятем был он).
Сердце ее о нем так же болело,
Как бы о сыне болело родном.

На глазах ее рос! Какой мальчик хороший
Был: умный, тихий! Что только война
С ним сотворила! «А Грушенька тоже
Считает, что белым домой пришел я?» –

«Все думают так в нашем доме». – «Я ж сватал
Через родню! Вы спросили бы их,
Коли меня заробели, – те правду
Знают». – «Да мы знали уж от других.

Зачем было спрашивать? Ты б сам сказался...» –
«Душа не лежит о войне говорить, –
Петр чуть слышно Матрене признался. –
Да и как службой себя вам хвалить?

Красных, что ль, любите? В форме б прогнали,
Небось, меня. Я оттого вам хорош,
Что на войне вы меня не видали». –
«Любым приходи. Всяким в дом мой войдешь». –

В ответ улыбнулся. – «Уж дочку простите.
Не надо бы сватать мне было». – «Судьбу
Кто знает свою? С Грушей дружно живите,
Материнской молитвою вам помогу».

Петр смолчал. От Матрены он к Груше
Пошел: объяснил, за кого воевал
И почему, ее страхи разрушив.
Бранила, целуя: «Зачем ты молчал?!»

Груши наивная, ранняя радость
Улыбкою тронула губы его:
Тот, чья рука, хотя б раз поднималась
На красных в бою, – вечный враг все равно.

Пусть даже тысячи переходили,
Как он. Пока могут не тронуть, щадят.
Причина – мужчины нужны ведь России.
А смена возрастет, старый грех не простят.

Но Груше не стал объяснять – ее счастье
Берёг. Совершенно теперь понимал
Соитие их – к преждевременной страсти
Грушу разлуки страх тайный толкал.

Соединить с ним судьбу поспешала,
Пока не отняли. Грядущего дня
С волнением Груша без сна ожидала.
Петр забрал ее рано с утра.

И в сельсовет – так они поженились.
Тогда еще гости вокруг молодых,
Пока подпись ставят они, не толпились,
Не принят был срок ожидания для них.

Все просто и быстро. В эпоху такую,
Когда зачиналась народная власть,
Паспорт считался находкой буржуев

И был отменен, как былая напасть.

Личность женившихся определялась
Ими самими же: прежде чем брак
Их узаконить, анкета давалась,
Чтоб данные сами вписали хоть как.

Или со слов записать попросили,
Коли неграмотны. В селах глухих
Люди беды от того не нажили:
Обман невозможен – все знали про них.

А в городах было дело иное...
Бумага о браке зато на селе
Не выдавалась супругам – пустое!
Петра с Аграфеною ждали в семье.

Матрена на стол в кругу близких накрыла:
«Эх, бестолково мы дочь выдаем,
Но тут уж сама свою долю решила!»
Возражала дочь старшая, бывшая в дом:

«Ну что за беда! Не печальтесь вы, мама!
Свадьба как свадьба!» – «А помнишь свою?
Тебя-то за Павла я как выдавала?
Венчались! Сестру ж твою в пост отдаю...

Не венчанной...» – «Мама, уж время другое!» –
Старшая дочь для Матрены была
Все сорок лет утешенье живое:
В семнадцать годочков ее родила.

Первенец. Выжила. Пусть хоронила
Деток потом одного за другим,
Варя от скорби кромешной хранила.
Хороший ее человек любил.

Она и сама была девкой награда:
Живая, красивая. В синих глазах
Читалось, что жить ей большая отрада,
Что жить она любит. Кто видел в слезах?

Никто не упомнит! Ее заприметил
Ветеринар: был еще молодой,
А столько уж доброго сделал на свете,
Сколько за век не сумел бы иной.

К Варе посватался. В доме гордились
Дочкой. И свадьба широкой была,

И с Павлом-то к пользе своей породнились:
Задаром скотину им лечит – родня.

Живут хорошо. Ох и балует Варю!
Нарядною ходит. В каких уж летах,
А будто бы баба еще молодая!
К ней возраст не льнет. Те ж смешинки в глазах.

Та ж радость упрямая. С Варенькой жили
Родители нынче в соседях. «Они
Были правы, когда не венчаться решили... –
И Варя вздохнула. – Ждут трудные дни.

Петр...» – «За красных он был!» – Рассказала
Всё дочери мать. – «Все равно воевал
У белых: для пули и дня ведь немало,
А месяц серьезно Петра замарал.

Да и не врет ли?» – «Что, Варя, болтаешь?!
Он в бедности рос! Стал бы вдруг рисковать
За старый порядок собою? Считаешь,
Что Грушу другому должна бы отдать?

Другие не сватали!» – «Я не сказала,
Что я против свадьбы иль против Петра,
Но... я б своей дочерью не рисковала,
О чем говорила вам». – «Слышать стара, –

Матрена недобро в ответ усмехнулась.
Ввспыхнула: – Нету безгрешных солдат!
На всех кровь! Их мало в округу вернулось.
Здесь, Варя, всякий жених нарасхват.

Даже калека! А Петр здоровый,
При лошади! Варя, пошла б за него
Любая!» – «А риск?» – «Ну, уж легче быть вдóвой,
Чем старой девой! Теперь дев полно!

Да и не тронут Петра – он боится
Зря. Оправдался он службой своей
У красных. Везучая Груша!» – «Жениться
Из Гриши ровесников мог кто на ней.

Вот было б счастье!» – «Сватов не видала
От тех. Недотепы глазели. Моя
Дочь – не картина! Посватай сначала,
Потом уж любуйся. Ох, злили меня!

Нет, нерешительных я с моей Грушей

Не потерпела б! Вот Петр – другой.
За семью постоит. Он и сватал как нужно!
Верь, Варя, тем, кто испытан войной.

Война не щадит зря». – «Вы правы, я знаю.
Я это, мама, к тому говорю,
Что... власти советской не доверяю.
Павел на днях заезжал тут к Петру.

Корову лечил и узнал (по секрету
Ему рассказала то тетка Петра),
Что вызывали Петра в районцентр;
Тетке об этом сказала сестра». –

«И что же?..» – «Да был и назад обернулся». –
«Про это не знала». – «Молчун новый зять
Ваш больно! Вот Павел...» – «Так если вернулся,
Беды, значит, нет! Как их с Павлом равнять?

Твой Павел под пулями был?» – «Вы же, мама,
Знаете, что не по лѣтам ему». –
Варя на «вы» мать всегда называла,
Как принято было еще в старину.

За нею Антон, Гриша, Груша и Маша
Уже говорили родителям «ты».
На новый манер. Обращенье ко старшим
В селе было волею каждой семьи.

Нередко в двух семьях, живущих в соседстве,
Обращались по-разному, да и в одной
Различья случались. Дочь старшая с детства
Привыкла к старинной манере такой.

Матрена не правила Варю – уж поздно.
Обращенье на «ты» почитала она;
Полезней – смягчало оно образ грозной
Матери и добавляло тепла.

Ну Бог с тем! «Мой Павел под пули? Нет, мама!
Он слишком ученый для грязной войны». –
«А кто был в окопах все неучи прямо?..»
Павел не мог быть на свадьбе, увы.

Уехал по вызову – так часто было.
Стучались и ночью. Работу свою
Любил, а людей еще больше любил он.
С целой округи тянулись к нему.

«Господь никому не велел быть убивцем, –
Сказала Матрена. – Любая война
Боготпротивна. На то ли родится
В мир человек, чтобы пуля взяла?»

Всякая мать на войну провожает
Сына со страхом, уж сердце ее
Пуще царей всяких заповедь знает.
Антон Господь уберег моего.

Дважды сберег: и от смерти, проклятой,
И от греха – никого не убил». –
«Я, может, убил бы, будь так оно надо,
Да прежде чем выстрелил, сам ранен был».

Антон слышал весь разговор: добродушный,
Простой, не держал он обид на судьбу,
Хотя тяготился своей неуклюжей
Походкой. Был рад стать он братом Петру.

Мама права: их немного осталось,
Ровесников. Петр почти не скрывал,
Вернувшись с гражданской, ни зависть, ни жалость,
Которые смешанно к другу питал.

И как не завидовать? Лишь одна пуля!
Солдат навсегда войне отдал свое.
В первую встречу Антона хлестнули
Без слов говорящие взгляды его.

«Больно, небось?» – уж потом пригляделся
Петр надежней. – «Бывает, болит.
Пустое! Ты больше меня натерпелся!» –
Дружба осилила пропасть обид. –

«Да ничего, Варя, с Петькой не станет», –
Молвил сестре брат. – «Тот сам же сказал...» –
«Это он маму нарочно пугает,
А то бы жениться до Троицы ждал.

Ты, Варя, Петра лишним словом не трогай.
Меня уважай!» – Чуял, жгло глаза ей
Именно то, что Арсеньев здоровый.
Чувства сестры были тронуты в ней.

Брат один раз сходил в бой – и калека,
А тот говорит, что без ран воевал
В двух войнах, вот ведь повезло человеку!
Антон везение ум забывал.

«И всё же тревожно за Грушу. Всё знаю –
Солдат есть солдат, но, коль правду сказать,
Я душегуба в родню не желаю!» –
Антон не терялся сестре отвечать:

«Первую кровь врага в том бою пролил,
Когда не случись нам атаку отбить
Немецкую, вряд ли теперь бы со мною
Кому-то пришлось бы из вас говорить.

Слыхала, как раненых добивали?
Нет? То-то... Маленько заслуга Петра
Есть в том, что живой я. А после собирали
Раненых наши... Молчи уж, сестра!

Санитаров на всех не хватало...» – Антона
Первый раз слышали речь про войну.
Перекрестившись, вздохнула Матрена.
Сестра повинилась о чувствах ему.

«Едут!» – Варвара в окно увидала.
И, уж позабыв о тревоге своей,
Стол кухонный взглядом она обегала.
Соня была средь немногих гостей.

Все замолчали. Был праздник скромнее,
Чем должен был быть, но лицом оттого
Груша казалась еще веселее.
Ей и не нужно вообще ничего.

Ей бы к любимому только прижаться,
От счастья помрет! Побежала она,
Едва засмеркалось в окне, собираться.
Быстро приданого узел взяла.

Оно вполвину еще не готово
От должного: с этим решили в семье,
Что Соня дошьет у себя его дома
К сроку, а Гриша доставит сестре.

Не по обычью, но правильно. Правда,
Себе не успеет пошить ничего,
Да ведь и так-то одета нарядно.
Соня была не в обиде на то.

Матрена ее за невесту хвалила:
Дочка – красавица! Первым всегда
Соня невестам венчальное шила,

И с платьем успела, не подвела.

«Даром дошью», – Соня тихо сказала,
Когда прежде свадьбы Матрена платить
Вторую часть суммы обещанной стала.
Матрена не смела ей в том уступить.

Грушу в дорогу семьей провожали.
Скоро ли свидятся – кто даст ответ?
В деревню Петра дотемна уезжали,
А в ней десяти-то жилых дворов нет.

Он помнил пятнадцать. Дома покосились.
Заборов и не было. С фронта домой
Немногие в край свой родной воротились:
Кто пал, кто уехал за жизнью иной.

И Петр уехал бы, будь оно можно,
Да мать шибко жалко – в деревне прожить
Вдове одинокой отчаянно сложно.
Для нее и вернулся. А то б заманить!

«Мать, я женился!» – Жену молодую
Радостно в дом мать Петра приняла:
«Надо ж, красавицу выбрал какую!»
Грушенькой, дочкой с порога звала.

Стол на другой день с невесткой накрыла
На скорую руку. Позвали родню
Свою и соседей. Вновь весело было!
Гости весьма разошлись во хмелю.

Груше казалось, что всех давно знает,
Сердечных людей тех, когда по домам
Пошли. С ней робела свекровь: не смущает
Ту бедность избы, что покорна годам?

«Свекр мой ставил, – сронивши, сказала,
Слезу. – С мужем нам и годочка пожить
Не довелось ведь... Зараза напала
Бог вещь какая. Пришлось хоронить.

В шестнадцать невеста, в семнадцать вдовица.
Женихов в перечет – глушь. Кто б сватал? А мне
Теперь всё одно, не пошла бы я, мнится,
Хотя б и просили – мой милый в земле.

Сохрани вас Бог, Грушенька». С горестной речи
Груша свекровь полюбила свою.

«Лгут, Грушенька, люди, что время-то лечит.
Ты не серчай на тоску уж мою».

Матерью Груша свекровь называла.
Первое время по свадьбе с Петром
Грушенька слепо его обожала.
Мужа как есть принимала потом.

Он был непростой: крайне гордый, упрямый.
Неоткровенный. Отвыкнув следить
Сердцем своим за изъянами нрава,
Стала Петра еще шибче любить.

Любить, отдавая. По свадьбе уж скоро,
Что носит ребенка, жена поняла.
Вспыхнула радостью синь ее зора –
Сына родит! Жизнь тяжелой была.

В работе; хотела б, себя не щадила –
Иначе не выжить. Должно, оттого
Первенцем трудно, тревожно ходила,
До свадьбы ли брата теперь своего?

Груши тревогу семья понимала,
Когда брат приданое ей привозил,
Заранее счастья тому пожелала.
Петр на свадьбу поехал один.

8. Жизнь семейная

В самый день свадьбы, уже в сельсовете,
Как дали анкету двоим заполнять
(Кто да откуда, да возраст), заметя,
Что пишет Григорий, невеста – бежать.

Жених оглянулся – ее уже нету.
Где ж его Соня? Невесту нашел.
Стояла она на крыльце сельсовета
И плакала. Спешно он к ней подошел:

«Что, Соня, случилось?!» – «Нельзя расписаться
Нам, Гриша, с тобою – позор!» – «Отчего?» –
«Я только узнала... Тебе лет-то... двадцать!
Мне двадцать четыре! Ты знал?» – «Ничего!

Я до могилы любить тебя буду.
Беречь буду. Только пойдя за меня». –
Долго ее уговаривал, трудно.
Она ни в какую, а плачет сама:

«Стыдно, мне, Гришенька...» – Тут рассердился:
«Пойдешь, коль не хочешь, чтоб я за тебя,
Дуру, на Троицын день застрелился!
Двоих застрелю: и тебя и себя!

Где живешь, знаю». Она испугалась:
«Вот отчего при нем белый билет!
Он... сумасшедший!» – дрожа, догадалась.
И согласилась назад в сельсовет.

Их расписали. А Соня робела
Мужу в глаза глядеть. Свадьбу свою
Она и запомнить за то не умела,
Что в мыслях: «Безумцу себя отдаю».

Так начиналась семья. Оказались
Ночью одни, лишь тогда поняла:
Увидела (стал к ней спиной, раздеваясь) –
Шрамами мужа покрыта спина.

«Откуда?» – «Рубцы от ожогов, – ответил. –
Я в детстве горел. Было мне восемь лет.
Играли в снежки мы на улице, дети.
Зашел в дом погреться. Родителей нет.

Стал к печке открытой, спиною. Топилась.
(Заслонку открыл сам.) За дверью мороз!
Мне ж было тепло, тут беда и случилась:
Искра на тулуп. От нее занялось.

Быстро... На счастье, вбежала тут мама,
Как я закричал. Не сробела она:
Из дома толкнула на снег меня прямо.
После тулуп с меня сразу сняла.

Полгода лежал я на печке. Спиною
Не мог повернуться». – «И ты оттого
К службе армейской не годен?» – «Пустое!
Я и не рвался туда. Ничего?» –

«О, счастье! Прости, про тебя разумела
Другое...» – И, страхов смущаясь, жена
На мужа застенчиво, нежно глядела.
Первый раз целовал свою Соню тогда.

До тех пор не решался... «А зря не венчались, –
Подумала Соня. – Зато отец рад
Был, современно что мы сочетались.
Из Москвы приезжал...» – Мысли шли невпопад.

О ночи не думалось. Только венчанье
Брака началом считала она
Сама. Оттого, от самой себя втайне,
Своему невенчанию рада была.

«Пред Богом свободна», – вдруг мысль озарила.
О, Гриша славный, но разве ему
Девичество позднее Соня хранила?
С ним ли мечтала идти к алтарю?

Вдруг поняла: до сих пор ждала встречи
Едва ли возможной... А муж целовал
Жарко худые, поникшие плечи
И счастлив был телом, что он обладал.

Сердце далёко... Наутро открылась
Свекрови, что старше Григория. «Я,
Думаешь, дура? Узнать поленилась? –
Невозмутимо ответила та. –

Ну, не робей!» Сони стыд пожалела
Матрена – не стала уж простынь глядеть.
На ком нет греха, и так видеть умела,
А Соня застенчива. Зря ей терпеть.

У Груши была мать на Пасху. Ей дочка
Не пожалела свекровь похвалить
Слов, и про то, что постель с первой ночи
Не проверялась, пришлось с губ сронить.

Матрена сама первым делом спросила
Про это. Решила: уж если ее
Дочери сватья не осрамила,
То Соню тревожить тем паче грешно.

Соня Матрене шепнула однажды:
«Где же ружье ваше?» – В доме она
Ходила со свадьбы с опаскою тяжкой. –
«Какое ружье?!» – Пояснила тогда. –

«Ах, молодец Гриша! Сонечка, нету
Ружья-то у нас! – Рассмеялась в лицо. –
Я у себя не терплю гадость эту!
Оружие – это удел подлецов.

Или солдат – те приказ исполняют.
Охоту не жалую – жалко зверья:
Кто не растил, те пушай не стреляют!
Мой Гриша догадливый! Любит тебя.

Он и стрелять не стрелял вовсе сроду!»
Соня лишь ахнула. Нет, не поймет
Странную, жгучую эту породу!
А догадалась: дитя уже ждет.

Каким оно будет? Григорий гордился
Отцовством своим, хоть ребенок пока,
Уже долгожданный, еще не родился.
Антону же братова радость горька.

С женой Лизаветой бездетными жили
Седьмой они год. По знахаркам, местам
Целебным и к батюшке в церковь ходили.
И всё ничего! До женитьбы гулял,

Жених почитался в округе завидный.
Ему ль не гулять? Парень ласковый был,
Не бедный, не глупый, наружностью видный,
Ни с кем не лукавил, но многих любил.

Потом на войну попал. Бой представлялся
Ему приключеньем, а в землю лицом
Упал, кровь теряя, вот тут испугался.

Неужто мутит перед жизни концом?

Неужто помрет? Но ведь жил для чего-то!
Насилу тогда отходили его,
Ногу спасли, и с тех пор он заботу
Отцом стать завел. Взял жену для того.

Честную девушку – с ним не водилась,
Красивую – можно ее полюбить,
Да только... детей до сих пор не случилось.
Матрена сноху была склонна винить.

Не хворая ли? Оттого Лизавету
Она невзлюбила. Та гордой была –
Простить не могла подозрение это:
Негнула ли спину в семье дотемна!

А тут еще Соню свекровь отличала:
Видя природную хрупкость ее,
Жалея, полегче работу давала.
Антон жена указала на то.

Матрена ответила: «Лжешь!» Осердилась,
А как про ребенка узнать довелось,
Так Лизавете о том и открылась:
«Соня брюхата. Какой с нее спрос?

Работай, молчи. Пусть хоть кто-то рожает!»
Двойной был удар Лизавете. Антон
Знал, как ночами та горько рыдает,
И холоден с братом, увы, стал с тех пор.

Ссорились снохи. В дому в это время
Только одна жила мирно душа,
Какую обид не затронуло бремя, –
Маша выросла себе, не спеша.

Младшая дочка Архиповых – Маша
Самую слабой считалось в семье.
Куда ей здоровьем и силой до старших!
Хилая девка – обуза в селе.

Последнее дитяtko. Мать обвиняла
Себя втайне: позднюю дочку свою
Ропотом небу в живых удержала,
А та ведь крещеная – быть ей в раю.

Ну, еще будет! Родные жалели
Машеньку: девочкой доброй была,

Бед от нее никогда не имели,
Разве в хозяйстве не много могла.

Ну, и Бог с нею! Отец-мать возили
В детстве к врачу ее: определил
Тот сердца порок, оттого и щадили.
Особенно Гриша сестренку любил.

Брат никому не давал ту в обиду!
К пятнадцати летам она подросла
И стала, однако, красавицей с виду,
Но замуж нельзя ей: дитя б понесла

Да померла б с дитём в родах – об этом
Родителям врач, упреждая, сказал.
Маша не знала. И сердца секретом
Один паренек из округи уж стал.

Миша Круглов. Он не шибко был видный,
Но ей приглянулся. В чужом жил селе,
Здесь у родных бывал. Сладки и стыдны
Их взгляды украдкой. Открыться семье?

Нет, никогда! А вот Соне открылась:
Что-то родное в ней вдруг поняла
Сразу, как только у них появилась!
Маша той тоже понятна была.

Одна из Архиповых не выявляла
Нрав непростой их: со всеми в ладу,
Ни в радость, ни в споры ее не бросало...
Октябрь неожиданно принес в дом беду.

Петр привез весть, что Груша рожает.
«До срока?! А кто сейчас с дочкой моей?!» –
Матрена воскликнула. – «Мать помогает.
Жена вас просила...» – «Поедем скорей!»

Ребенок родился. Был крошечный, хилый
И прожил неделю. Крестили его,
В сельсовете бумагу взяв, имя чтоб было
(Иваном по святцам назвали того).

Дитя схоронили; с тоски онемела
Юная мать: была сердцем полна
Лютого горя, мучения, гнева,
А волю им дать первый раз не могла.

Она ничего никогда не таила:

Слезы так слезы, любовь так любовь,
Радость такая, что всем видно было.
Нынче ж молчала, аж близ стыла кровь.

Страшно молчала. И муж молчал тоже.
Он никому никогда не сказал,
Как, сам себе не признавшись, быть может,
Именно сына в судьбу свою ждал.

Что ж, не сбылось. По привычке лишь жили,
А так... не дышать бы обоим – добро.
Архиповы дочь в декабре навестили,
И мать, всё поняв, отругала ее:

«Что как тень ходишь? Одной тебе худо?
Силой ли выдана? Вспомни Петра!
Мать она мать, а отцу тоже трудно!
Чтобы сегодня ж с ним ночью была!»

Вспыхнула Груша: «Да как же я, мама...
Он на меня не глядит. Чем проймешь?» –
«Как до поры миловаться с ним, знала!
Ученая. Будь, а то в петле найдешь!»

Дочь заревела. Нарочно сгустила
Краски Матрена: уж ей ли не знать,
Сколь ее Грушенька мужа любила.
Кто дочку спасет, так один только зять!

И... оправдались надежды. Весною
Груша ребенка опять понесла.
За год с Петром она стала иною –
Первые муки от жизни снесла.

Боль навсегда в уголках затаилась
Глаз ее синих. Кто взглянет, поймет:
Ей пережить уже горе случилось.
А сколько еще впереди ее ждет?

Немерено! Мужа она называла
С тех пор часто Петечкой. Петр был рад
Втайне, хотя обращенье смущало.
Смеялся: «Так разве мужьям говорят?» –

«Хочу, говорю», – отвечала на это.
Петр не спорил. Очнулись они
Оба, как будто и впрямь с того света,
А надо-то было им только любви.

Соня весной родила. Василисой
Дочку назвали – отец так решил.
Помня былое, не спорила с Гришей
Соня ни в чем – женихом научил.

Имя не нравилось ей. Ну и что же?
Стерпит. Привыкнет. Их дочка была
Девочкой славной: здоровой, пригожей.
Мать глаз не сводила с нее, берегла.

А Лизавета ревела. С Антоном
У них нелады пошли. С братом Антон
Теперь помирился и, в зависти черной
Признавшись ему, был тот час же прощен.

Племяннице рад – только дай ему волю,
Он на нее бы часами глядел.
Жена же Антона кляла свою долю:
В доме хоть кто бы ее пожалел!

Никто не жалеет! «Ну, девка родилась! –
Как-то Матрене сказала она. –
Надо чтоб Соня теперь не ленилась –
Вашего сына такая ж жена!

А посудите: она-то играет
С дочкой, а кто до сих пор за нее
Моей весь дом, со стола убирает,
Спину гнет?! Вспомните слово свое!

Не вы ли во лжи меня, мать, обвиняли,
Когда я подметила: снохам своим
Вы в сердце место неравное дали!
Зовите ее! Пусть поможет родным!

Пусть хоть что сделает!» – «Ладно!» – Матрена
Тут уж не спорила; в общем, права,
Если подумать, жена-то Антона.
Соню сурово к себе позвала.

Та не послушать свекровь не посмела.
Дочку на Машу оставила: ей
Не до ребенка: в окошко глядела.
Две весны сразу сошлись на ней.

Жизни весна и весна за порогом.
Но молча кивнула – посмотрит. Дитя
Дать Маше в руки б – очнулась б немного,
Но мать на кровать положила. Ушла.

Маша на девочку и не взглянула –
Куда она денется? Сердце в груди
Памятью сладкой тихонько кольнуло:
Миша ей вспомнился. Что впереди?

Уже целовал ее. Тайно встречались
Они за селом. Как была влюблена!
В памяти мысли недолго держались,
Коль не о нем. Что безумна, жила.

Ноги по дому ее не носили,
А на свиданья летела легко!
Ни разу Архиповы дочь не спросили,
Где та бывает, хоть шла далеко.

Слишком привыкли: дурного от Маши
Ждать не приходится. Вырвал лишь крик
Ее из мечтаний – младенческий, страшный,
Соня близ дочки была тот же миг.

Маша еще подойти не успела,
Не осознала, не поняла.
«Что ж за дитём ты так худо глядела?!
Даже присесть близ нее не могла!

Что теперь будет! Ах!..» Маша молчала.
Соня кричавшую дочку свою
(С высокой кровати грудная упала)
Утешить никак не могла, на беду.

Ночью и днем крик стоял теперь в доме,
Только во сне забывалась она,
И то ненадолго, – должно быть, от боли
Даже нормально уснуть не могла.

Горб стал расти. Кроме Маши, винули
Все в доме друг друга. (С кого той спросить?
Виновницу знала печальной сей были.)
Матери Гриша не мог дочь простить.

«Зачем позвала от ребенка?!» – «Ах, Гриша!
В чем я виновата?! Не думала я...
Видно, судьба, уж как вышло, так вышло.
Будет еще у вас с Соней дитя.

Пусть эта живет, сколько Бог ей отмерит.
Машенька дура, да вслух не вини.
Она же помрет с горя!» – «Нет, вы не звери!

Вы хуже зверей! Будьте прокляты вы!

Все – подлецы!» – Одну Союю невинной
Он почитал. Самого-то в дому
Не было в час роковой. Очевидной
Роль была близких беспечных ему.

Маша, та сразу пред ним повинилась.
«Гриша, прости!» – закричала она,
Как в дом вошел, и в горячке свалилась.
Встала – на брата глядеть не могла.

Матрена за дочку душой убивалась:
Ей жить, молодая. Пред всею семьей
Она, чтобы тяжесть снять с Маши, призналась:
За внучку вина-то на ней на одной.

Она здесь хозяйка, она отвечает
За всё в доме. Гриша послушал, сказал,
Что с Машей обеих их он не прощает.
И вещи жене собирать наказал.

Поедут в Москву. Может, вылечат дочку.
Матрена бежала за ним до ворот,
Но коль что решил он, на этом и точка.
Решил увезти семью, так увезет.

Они у Авдотьи с дитём ночевали.
Утром уехали. Адрес дала
Матвея (в разлуке уже тосковали
Со встречами редкими года как два.

Что делать? Семью кормить надо.) Работал
В столице¹⁵ Матвей на купца одного
Бывшего: времени тот поворотом
Был разорен, но вновь нажил свое.

¹⁵ В марте 1918 года, в условиях гражданской войны, решением IV Чрезвычайного Съезда Советов было подтверждено решение Совнаркома о переносе столицы из Петрограда в Москву.

9. Печали купеческие

Нэп¹⁶ – благодатное прибыли время!
Свободный от гильдии, бывший купец
Став нэпманом¹⁷ нес в себе гордое племя,
Какому Октябрь задумал конец.

В Москве тогда много людей богатело.
Не всякому ноша легла по плечу
Достатка: от прибыли сердце черствело,
Ум изменял иной раз богачу.

В слепом упоении легкой наживой
Терялась мораль. И тем больше Матвей
Ценил уклад дома степенный, старинный,
В какой занесен был судьбою своей.

Дом был невелик для купца. Вся прислуга
В пристройке жила. Матвей кучером стал.
Год прослужил. Любит труд, не пьянчуга,
Грамотный, – скоро хозяин узнал.

Через год службы Матвея поставил
Конюхом старшим: в надзор поручил
Большие конюшни свои – чтоб исправен
Уход лошадям был; с тех пор тот следил.

(На лошадях все товары возили
В ту пору.) Доволен был службой Матвей,
А что уважительно с ним говорили,
Едва ли не платы хорошей важней.

Ключи от конюшен хранил и запасов
Для лошадей. На хранение потом
Вручили ключи и от прочих припасов –
Вроде завхоза вдруг сделался он.

Бывало, что ездил по порученьям.
Когда-то с усмешкой считал про себя,
Что каждый богач жизнь дарит развлеченьям.
Теперь знал, что стоит богатство труда.

¹⁶ Нэп – новая экономическая политика, которая проводилась с 1921-го по 1929 год в целях восстановления экономики страны, подорванной Первой мировой и гражданской войнами. При нэпе были разрешены элементы рыночной экономики при сохранении государственной монополии на внешнюю торговлю и введении ряда ограничений для частного предпринимательства.

¹⁷ Нэпман (разг.) – частник, предприниматель в период нэпа.

Горькую барина чувствовал долю.
Бывший купец новый строй не любил,
Помня свое разоренье былое;
Но нужные связи легко заводил.

Известен был тем, что единого взгляда
Было довольно обычно ему
На человека, чтоб знать, кому надо
Верить, кого – обходить за версту.

Люди надежные только служили
Поэтому. «Барин, – однажды Матвей
Решил упредить, – вы немало нажили,
Вам за границу б уехать скорей.

Нынче не ваш век». – «Я разве ворую?
В чем мне опасность? Большевики
Задумали было идею чуднѹю:
Смерть частной собственности! Вот дураки!

Теперь-то опомнились – вновь разрешили». –
«Так это ведь, барин, всё-всѹ отберут.
Это нарочно, чтоб больше нажили,
Теперь послабление строя дают.

После войны поднимать страну надо.
А кто же подымет чужое? Сейчас
Наладится жизнь, и возьмут свое. Правда,
Не знаю я, барин, помилуют ль вас». –

«Зачем же им жизнь моя?» – «Страшно мне, барин,
Глядеть на вас – словно на призрак гляжу.
Деньги границы еще открывают.
Езжайте отсюда». – «А я не хочу, –

Георгий Петрович, вздохнув, улыбнулся. –
Смелый ты, вижу». – «Я большевик.
Еще при царе стал». – «И как обернулся
Ты в нашего кучера? Скоро ль привык?» –

«Привык. Куда деться? Нужда обернула.
Я господам никогда не служил...
До вас. Не серчайте, уж коли я грубо
Вас об опасности предупредил.

Я вам сказал правду». – «А что ж ты работы
Другой не нашел теперь?» – «Большевики
Старые нынче не очень угодны –

Строптивы мы, помним былые деньки...

Охотней дают тем, кто молод, дорогу.
Свои давно мертвым считают меня.
И пусть будет так!» – «Ты не веруешь в Бога?» –
«Нет, барин. Не веровал в жизни ни дня.

Всё это сказки». – «А я в Него верю, –
Задумался зримо тут бывший купец. –
Я не ошибся, ключи тебе вверив.
Пускай большевик, но не вор. Молодец!» –

«Большевики очень разные люди,
Барин». – «Кем раньше ты был – все равно,
А про отъезд мой мы речи забудем.
Это не дело ума твоего». –

«Как изволите, барин», – Матвей поклонился
И за дела. Сколь служить он обвык
Быстро в работниках, сам удивился.
Привязался к хозяевам, хоть большевик.

Барин улыбочивый был, моложавый,
Добрый со всеми. С красивой женой
Слыли в Москве они видною парой.
Звала с глазу на глаз: «Егорушка мой!»

Да счастье непросто пришло: выдавали
Без всякого чувства, шестнадцати лет.
На двадцать лет старше муж. Ольгу считали
Удачливой браком: богат и не сед.

Она – дочь учителя. Он относился
К известному роду купцов – капитал
Прапрадед нажил первый. Родом гордился.
Жену гимназисткой в Москве увидал.

Влюбился, узнать велел, чья, да посватал.
Ольга робела идти под венец,
Но оказалось, что мужем приятным
Может быть ласковый, щедрый купец.

И не гулял. Но его не любила.
Какой же была в эту пору любовь
Для Ольги? На классике сердце взрастила
И знала из книг: от любви кипит кровь,

Сердце трепещет, душа упоенья
Не может сдержать... Муж домой приезжал

Обедать обычно в одно и то ж время,
Не хуже дворянки жену наряжал.

Свой дом любил. Был он собою приметный,
Одет европейски и щегольски, но
Для Ольги законный, уж свой, не запретный.
Учил танцевать с наслажденьем ее.

Нравилось ей ощущать его руки...
А все же за мужа была отдана
Рано... Любовной ждала душа муки...
Восемнадцати лет тяжело родила.

Мальчик чуть жив был сперва. Очень хилый,
С рожденья глухой... Узнав, принял купец
Такой жгучий стыд, что охотней в могилу б.
Жены отдалился, счел роком венец.

В ответ согрешила. Любовник был нежный,
Непрочной заботой он чувство давал
Почти позабытой на счастье надежды...
Купец сделал вид, что измены не знал.

Слишком был гордый. Как мог объясняться?
Ронять свою честь? Продолжал от жены,
Тайно ревнуя ее, отдаляться.
В комнатах разных жить стали они.

Однажды вошел к ней. (Одна ночевала
Уж год.) Удивилась, смутилась она.
Вспомнилось Ольге их жизни начало:
Какою несмелой и чистой была!

Как пылко любил ее! Девочкой книжной
Шагнула, венчавшись, в объятья его.
Берёг жены скромность от дерзости лишней,
Чтоб опытной сделал другой за него...

Другого любила. Кто женскую душу,
Какой изощренный кудесник, поймет?
Тоску прочитала во взгляде у мужа
И вдруг ощутила: та сердце ей жмет.

О сыне с ним розно, но равно страдала.
Тем объяснила себе лишь она,
Что молча к ней легшему мужу шептала
Добрые, нежные ночью слова.

Отнюдь не противен казался ей в страсти.

Лаской жены ободренный купец,
Поверивший снова в возможность их счастья,
Вспомнил: не зря с Ольгой шел под венец!

Как воздух нужна. Он готов был мириться
Даже с неверной, боясь одного:
Чтоб не узнала, что смел с ней решиться
Быть, сознавая неверность ее.

Скрывал, что всё знает. Когда б угадала
Прощенье измены, тогда бы нашел
Лучшим расстаться с ней – честь б обязала.
Обратно к жене ночевать перешел.

Вернул слова нежные. Горько зануло
Сердце неверное. Ласки любви
Мужней стыдом жгли. «Что я сотворила? –
Опомнилась Ольга. – Господь, помоги!

Избави меня!» Все молитвы ей были
Чужды доселе. Купец ее взял
Из дома, где честно, по совести, жили,
Обрядам никто ж веса не придавал.

Муж с нею не спорил о том. «Если б знала,
Какую я гадость сама над собой
Позволила сделать!» Защиты искала
Того, кто сильнее всей силы земной.

Ей Он поможет освободиться,
Очиститься. Встреч новых стала бежать
Любовных, как здоровый заразы боится.
Любовник покинутый стал угрожать.

Ее шантажировал: «Муж отвернется,
Коль правду узнает. Тебе муж твой мил?
Прогонит с уродом тебя! Разведется!
Будь со мной! Зря ли подарки дарил?»

Ольга мгновенно его разлюбила
После таких слов. Подарки продать
Велела и бедным употребила
В милость – назад было сложно отдать.

Письма сожгла его – душу не грели.
Муж попривык и душой потеплел
К сыну: виновен ли тот, в самом деле,
Что глух? С собой сходство заметить сумел.

(Впоследствии в дом и учителя нанял
Особого к мальчику. Глухонемых
Язык учить с сыном родители стали.)
Писем подлец к ней не бросил своих.

Не столько уж Ольга была тем любима,
Сколько разрыв униженьем считал,
Да неприступность ее распалила.
Купцу подложили одно. Прочитал.

(Прислуга давно уже всё понимала
И в дело вмешалась.) Был счастлив купец,
Что на свиданьях жена не бывала.
Шантаж узнал тоже. Вскричал: «О подлец!..»

Но чем мог ответить? Привык по закону
Жить, а дуэли запрещены
Еще в давно прошлую Пушкина пору
И купечеству чужды, будь хоть прощены.

Письмо написал Ольге сам. Анонимно.
*«Известен, – оно начиналось, – Ваш грех
Вашему мужу. Любя, он простил Вам,
Ибо Господь повелел прощать всех».*

И больше ни слова. Как Ольга рыдала
Над этим письмом! Почерк мужа узнать
Ей небольшого труда составляло.
Поняла, что в глаза не умел ей сказать.

Поняла, *как* любил. Со своим письмом рядом
Письмо шантажиста в конверте одном
Ей передал. Оно брызгало ядом
Угроз и терзаний, бессильное в том.

Прощение силы угрозы лишило.
Прошлое умерло. Что прощена,
Короткой запиской в тот день известила
Того, для кого честь забыла она.

Пришла в кабинет к мужу. Заулыбался:
«Оленька! Ангел мой!» Лишь по глазам,
Что знает прощенье его, догадался –
Не смела при муже дать волю слезам.

На грудь ему кинулась молча. «Ох, Оля!
С сыночком что? Нет? Ну, взгляни на меня.
Новое платье надела сегодня?
Как же, душа моя, ты в нем мила!»

Выдержка мужа жену удивляла.
Видя порой свою прошлую страсть
У общих знакомых, не понимала,
Чем заслужил над ней некогда власть.

С мужем сроднилась. Не в шутку бранился:
Мол, широка слишком в спальне постель.
И ей в те минуты от нежности мнился
Ребенком. С ним встретила время потерь.

С женой пережил он потом возрожденье
Былого достатка. Питала в дому
Прислуга к супругам любовь и почтенье,
Которые мало встречались к кому.

Барин да барыня их называли
И в новую пору – лет в память былых.
Различий в еде в этом доме не знали –
Меню было общим для слуг и родных.

Зависело только оно от достатка:
Стол был очень скромн во время невзгод,
А в годы довольствия все ели сладко,
Хотя пост держали, как время придет.

Пищу готовили даже с избытком.
По давней традиции в доме семья
Слугам любые прощала ошибки,
Не допускалось только вранья.

Прислуге и семьями жить позволяли.
Когда обратился к хозяйке Матвей,
Чтобы приют семье дочери дали,
Та уж стояла с дитём у дверей.

Всё рассказал дед о внучке горбатой.
Ольга несчастную мать поняла.
На девочку было довольно и взгляда,
Чтобы понять: не исправить горба.

Но Соне об этом сказать не сумела.
Втайне хотелось с ней поговорить,
А то на здоровых детей всё глядела,
Чужих, – было трудно судьбу не винить.

Впервые коснулась боль сходная взора...
Муж жену понял. Григория взял

Возчиком¹⁸ и семье часть коридора,
Перегородку поставив, отдал.

Ведь не селить же крестьян в гостевые!
А к слугам нельзя – места нет. (До того
Возчики в доме ни разу не жили.)
Комната добрая! Было б окно!

Василиса по-прежнему часто кричала.
«Зачем неприятности брать на себя
Чужие?» – знакомая Ольге сказала.
«Своих, что ли, милая, нет у тебя?..» –

Так Ольга продолжила мысли движенье.
Перестала знакомую ту приглашать,
В том не найдя для себя огорченья.
Знакомства нить часто случалось терять –

Печального не понимает веселый...
Врач, осмотрев Василису, сказал,
Что краткой жизнь будет ее и тяжелой:
«Ей смерть – избавленье. Жалеть бы не стал».

Григорий с врачом тем едва не схватился:
Замахнулся, опомнился – ветхий старик...
Ходить по врачам с той поры не стремился.
Письмо родным было – души его крик.

Снова писал, что их всех проклиняет,
Что не вернется. Читала письмо
Матрена Арсеньевым это, рыдая:
И внученьку жалко, и сын так... за что?!

Дочь утешала. Арсеньев был мрачен.
Слова Матрене про то не сказал,
Ибо нельзя было думать иначе
Ей, но Григория не осуждал.

Резок в словах? Так оно и понятно!
Дочку угробили! Он молодец!
В столице живет. Без окна? Ну и ладно!
Зато ведь в Москве! Что ему мать-отец?

Всех он оставил. Не побоялся.
И в двадцать один! Уж под тридцать Петру,
А тот все за мать да деревню держался.
Стыдно! Не съездить ли тоже ему?

¹⁸ Человек на лошадях перевозивший груз (в данном случае товары).

Вдруг повезет где устроиться? Груша
Родить должна в зиму. Ребенка кормить,
Коли живой будет, досыта нужно.
А как тому в школу отсюда ходить?

Нет, решено! Решено: уезжает!
В осень собрался. Простился с женой.
Та в слезы, что Петр ее оставляет.
Ей обещал: «Я вернусь за тобой».

10. Арсеньевы

Через год возвратился Арсеньев. Скучала
Груша отчаянно: письма она
Подробные, нежные мужу писала.
Дочь без него в декабре родила.

Мариной назвали, как с ним до разлуки
Условились вместе. Хоть сына хотел
Петр, боялся душевные мўки
Жене причинить и сказать не посмел.

«Еще ведь родит. Поглядим, кто там будет», –
Думал. В столице успел позабыть
Свои страхи прежние. Многие люди
Теряют там прошлое – так легче жить.

И он потерял. По жене стосковался,
Как и не чаял. Страшилась она
Напрасно разлук. Ею муж любовался:
Дважды родив, как березка стройна.

В девичьем приданом по сей день ходила,
Сияла в расцвете своей красоты.
Пришла к ней особая женская сила,
Разлукой дарящая боль пустоты.

От счастья их встречи жила точно в сказке.
Петр же был мрачен. «Как мне уезжать?» –
Думал в ответ на горячие ласки.
И дни по приезде взялся уж считать.

Таков был характер. Петра донимала:
Как он устроился? Адрес послал
Сразу – об этом вперед наказала,
Но письма короткие редко писал.

Терялась в догадках. «Живу я в подвале.
Сносно. Как только работать пошел,
Мне в первый же день комнатенку и дали.
Жаль, что работы иной не нашел». –

«Где ж ты работаешь?» – «Видел я Гришу.
Он дочь схоронил... – Закричала жена,
Заплакала. – Тише, ну, Грушенька, тише.
Она уж давно... в январе умерла». –

«А нынче октябрь! Зачем я не знала?!» –
«Твой брат никому не хотел сообщать». –
«Не болен ли?!» – «Нет, но горюет немало.
Как был у него, у меня стал бывать.

Ему теперь легче. Домой приезжает
Скоро Григория тесть. От того
Так или этак в селе все узнают –
Я слова молчать не предал своего». –

«Ах, да неважно! Какое же горе!
Езжай к моей маме. Расскажет чужой,
И будет ей это болезненно вдвое».
Наутро собрался – не спорил с женой.

«Петя! – улыбка Матрены светилась
Радостью. – Ты навестить нас решил?
Ты в отпуске?» – «Да». – «Ох, у вас уродилась
Красивая дочка! Потом будет сын!

Ты не печалься! Я к Груше бывала,
Видела внучку... Что хмурый такой?
Ах, дура! Зачем я про сына сказала?!» –
«Два раза подряд я к вам с вестью дурной». –

Сменил радость страх: «Что? С твоей дочкой что-то?
Жива?» – «Что не жить ей? Про Гришину дочь
Я...» – «Ох! – отхлынула с сердца забота. –
Про Гришину знаю! Проплакала ночь.

Потом с утра встала (еще зимой), свечку
Поставила, за упокой подала.
Отмучилась милая. Все мы не вечны.
Я девять детей схоронила сама!» –

«Откуда ж узнали?» – «Авдотья сказала –
Мать Сони. Ей сразу Матвей написал
Опосля похорон. Сватью небо послало
Хорошую мне! Гриша ум потерял!

Где это видано: он запрещает
О смерти малютки несчастной писать!» –
«Простите уж сына. По дочке страдает». –
«Грушеньке я пожалела сказать.

Откуда сам знаешь?» – «От Гриши». – «Ох, Петя!
Видел его?! Я писала ему
Дважды, а он мне хоть раз бы ответил!
Нет, не простит мне Григорий вину!

Жив он? Здоров? Мне другого не надо!
Сохрани его Бог! У тебя он бывал?
Петя, мне это такая отрада!
Друг друга держаться положено вам.

Вы же родные! А город жестокий,
Чужой... Уж за Гришенькой там пригляди!»
Глаз матери, нынче от сына далекий,
Видел мужчину младенцем, поди.

Петр, не споря, кивнул. Стол накрыла
На радостях зятю, и лишь по столу
Можно приметить Арсеньеву было
Пришедшую в дом без меньшого нужду.

«Один при мне, Петя, сынок-то остался.
Антон уж не бросит, – вздохнула она. –
Да и куда бы хромой он подался?» –
«Мать, полно! Судьба пощадила меня!»

Антон не любил, чтоб о нем сожалели.
К Петру вышел тот же – веселый, простой.
Петр знал: сердце друга его не задела
Кровавые бури эпохи лихой.

«Мне Лизавета дитя подарила!
Дочку! Та прелесть. Ей месяц всего! –
Тут плач по избе прокатился ленивый,
Словно как раз в подтвержденье того. –

Мы Василисой дочь, Петя, назвали».
Петр смолчал, что он думал о том.
Спросил у Матрены: «Вы имя ей дали?» –
Кивнула: «Не мыслила я об ином.

Они так похожи! Как дочка родилась
Антона, то сразу пронзила меня
Мысль, что покойница к нам воротилась,
Хоть так думать – грех. Нас простила она.

Дом наш простила. Молчи лучше, Петя!
Лизавета ревела: «Не дам называть
Покойничьим именем!» Уж в сельсовете
Смирилась. Хозяйка я! Мне выбирать!

Тем паче Антон согласился...» Матрена
Вся в этом поступке приметна была –
Привыкши в семье главной быть неуклонно

Могла и обидеть без умысла зла.

«Думаешь, Лизка от дочки отходит?
Как бы не так! Всё теперь за нее
Делать приходится – глаз с той не сводит!
Да я не в обиде (ведь внучка!) за то».

Петру рассказала для Грушеньки вести
О Маше: к той сватался Миша Круглов.
Пойти бы и рада, да как быть им вместе?
Родить ей нельзя. Отец выгнал сватов.

После про всё сама Маше сказала.
И Мише. Он парень хороший. Хотя
Слышал, что с брата дитём оплошала,
Что хворая, истово рвется в зятя.

Вчера опять был. Уговаривал Машу.
Уж так ее любит! Она-то ревет,
А девка послушная. Как ей мать скажет,
Так и поступит. Осьмнадцатый год!

Петр вздохнул. Срок пришел, провожала
Груша в Москву его. Как взять с собой
Молила! Как слезы и ласки мешала!
«Подвал так подвал! Ну и что ж, что сырой!

Сгибну здесь, Петечка, – горе иссушит.
Тоска без тебя». – «Мать и дочь береги.
Может, потом буду жить где получше
И всех заберу. Хорошо ль без семьи?»

Так и уехал. Петра ожидала
Снова беременной, вспомнив потом,
Что места работы его не узнала –
Петр всегда отводил разговор.

Вернулся зимою. Письмо подстегнуло,
Что худо жене. Ему мать написать
Чужой рукой втайне от Груши дерзнула:
«Совсем плоха Груша. В живых бы застать».

Сына бранила: «Брюхатой оставил
И сбёг. Тебе Груша три года жена,
И третье дитё уж носить ты заставил.
Она работящая – всюду одна.

Жалеет меня, а ее я жалею.
Скинет ребеночка – знаки уж есть.

Неужто простить себе горе посмею?!
Бери семью в город, оставь меня здесь.

Поздно мне дом менять». Груша лежала,
Как в избу вошел муж. Подняться к нему
Свекровь не дала, – отругав, удержала.
Жалко и совестно стало Петру.

Жена ему: «Петечка!» – Не осердилась,
Что не послушал ее в прошлый раз.
Ребенка в утробе сберечь ей случилось –
Должно, отлежалась, а может, Бог спас.

В Бога не верила Груша. В дорогу
Скоро собрались. Отказ уезжать
Мать подтвердила, заверивши строго:
Им в городе жить, а ей здесь умирать.

«Будь счастлив, сынок!» В комнатухе в подвале
Вода, отопленье, и газ был, и свет.
Ни с ведрами мучиться тут, ни с дровами,
Ни снег убирать неизбежности нет.

Куда легче быт. Уходил муж с зарёю
И до ночи самой. С Мариной одна.
Даже рожать ей случилось одною –
Дома. Не в срок чуть. Легко родила.

(Девочку снова.) Дитя окрестили
Зоей – живучая¹⁹. В церковь потом
До новых крестин путь они позабыли –
Опасно и проку не видели в том.

(Зою крестили обычая ради,
Как и Марину.) Григорий к ним был:
Вздыхнул тяжело, на племянниц он глядя, –
Образ своей дочки в сердце хранил.

¹⁹ В переводе с греческого Зоя означает «жизнь».

11. Подруги

К этой поре уже Соня ходила
Снова тяжелой: носить ей дитя
И горько, и страшно, и радостно было.
Муж сына теперь загадал не шутя.

Она же на дочку надеялась тайно –
Взамен чтоб умершей. И дочь родилась.
Мать была счастлива необычайно.
Григорий смирился, расстроить боясь.

Назвал Антониной – в честь старшего брата.
Скучал по Антону. Не слишком была
Соня, по правде-то, имени рада –
Всей мужней родне дочь забыть не могла.

Но с Гришей не спорила – тяжкое дело.
Ольгу позвали ребенка крестить.
Та в эту пору о сыне скорбела –
Случилось им с мужем его схоронить.

Отроку было двенадцать годочков,
Когда, простудившись, в могилу сошел –
Бессильны врачи были. Мертвая точно,
С неделю молчала мать в горе большом.

Потом на пол кинулась, в голос завывла.
(У гроба крестились все. Даже Матвей.)
Соня тогда Антониной ходила,
Свою вспомнить боль тяжело было ей.

Мать безутешную очень жалела –
Георгий Петрович забылся в делах,
Ольга ж отвлечься ничем не умела.
Страшился муж муки в любимых глазах.

«Оля, не плачь, – уговаривал, – полно!
На том свете свидимся... Кто здесь больны,
У Бога, – недуг всякий правит, – здоровы...
С Отцом мальчик наш... Нет ничьей в том вины...»

Слова эти мало жену утешали.
Второй раз родить помышляла давно,
И вдруг повезло им: ребенка зачали...
Да удержать не сумела его.

«Слишком по первенцу уж горевала, –
Мужа коря, ему врач говорил. –
Зачем обождали так времени мало?
Сын как три месяца в гробе почил!

Наследничек нужен?» – К семействам богатым
Доктор презренье питал про себя
И не сочувствовал сердцем утратам.
«Как Бог дал... Родить вновь хотела жена». –

«А ум вам зачем?» – Про их с первенцем горе
Не знал врач. Георгий Петрович глядел
На лицо без кровинки, угасшее, Оли
И, молитву творя, у постели сидел.

Творцу благодарен он был, что живая.
«Рожу еще», – голос жены прошептал. –
«Нет, в третий раз рисковать не желаю.
Нам скорбь не напрасно Господь снова дал.

Видно, не можем здоровых детишек
Произвести. Ты пойми уж меня:
Страшно мне, Оля, кого народишь ты». –
Беречь жену бремени стал как огня.

Тяжкие горести очень сближали
Ольгу и Соню – обе с детьми
Больше, чем радости, скорби узнали,
И обе несчастных в земле погребли.

Кому и расскажешь-то, кроме друг друга,
Что всякое дитячко можно любить,
Привыкнув, его не стыдиться недуга,
И как тяжело, хоть и крест, хоронить?

Соня найти, себя помня, умела,
Одолев души робость, такие слова,
Что Ольги Ивановны сердце согрела,
И в просьбе ей та отказать не смогла.

Вперед не подумала Соня, что сила
Немалая воли и сердца нужна
Стать крестной, едва свою кровь схоронила.
Это ж какой доброты быть должна!

Об этом сказала. Услышала: «Соня,
А я на твою теперь дочку гляжу
И меньше своей даже чувствую боли.
Муж отойдет горя, тоже рожу.

Вот непременно! Мне боязно, право,
А хочется счастья еще попытать.
Вдруг будет здоровый? Я, Соня, узнала,
Что после глухих всяких можно рожать». –

«Как Бог даст». – «Ах, Соня, тяжелым позором
Глухого ребенка считают родить
У нас до сих пор, а не горем! С укором
Глядят на родителей. Мне ль позабыть?

Глухих мнят и глупыми». – «Темность всё это».
Соне в дому никакого труда
Не поручали – ей места в нем нету,
Чтобы по силам трудиться могла.

Соня лишь шить хорошо и умела,
О чем упредил Матвей сразу. Свою
Ольга портниху менять не хотела,
И муж бы не дал опозорить жену.

(Прежде крестьянкам приданое шила
Соня, так пусть лучше даром живет.)
По имени-отчеству звать разрешила
Ей Ольга себя – Бог дал равно невзгод.

Интеллигентность ее признавала,
Порядочность. Мысли спокойно свои
Без всякой опасности Соне вверяла,
Когда без мужей они были одни.

Прислуга, напротив, весьма сторонилась
Соню – не знала, чего ожидать
От впавшей невольно в хозяйскую милость
И как положенье ее понимать.

(Втайне все слуги, любя, обсуждали
Хозяйскую жизнь.) Застав Соню в слезах
Однажды, расстроилась Ольга: «Едва ли
Не скажешь, за что теперь слезы в глазах!

Может, обидел кто?» – Соню смутило
Вниманье к беде ее, но наконец,
Расспросам ответствуя, проговорила: –
«Маме моей изменяет отец.

Сегодня застала его с поварихой». –
«Тьфу ты! Я думала, с дочкой беда.
Болезни детей – настоящее лихо,

А прочее (можем сравнить) – ерунда». –

Соня в ответ потрясенно глядела:
«Я будто в такую запачкалась грязь,
Какую не смыть мне». – «Обычное дело». –
«Вы, Ольга Ивановна, знали про... связь?»

И не уволили?!» – «Мне доносили.
Завистники есть у отца твоего.
Матвея я вызвала. Поговорили.
И с ней». – «Что сказал в оправданье свое?» –

«Нехитро оправдывался: бывает
К жене дважды в год – так, вздохнув, объяснил.
Сказал, что супруг мой его извиняет;
Приличия ради прощенья просил.

Зачем не простить? Он работник хороший,
Честный. Вперед позвала я ее.
Фекла мне в ноги – ни разу что больше...
Только чтоб я пожалела его!

Плакала: любит. “Семь лет я вдовела
Честной вдовой, – уверяла она. –
А обнял он – сердце мое отболело!”» –
«Любовь для вас всё оправдать бы могла?» –

«Многое. Пусть...» – «Поражаюсь вам». – «Соня,
Ты помнишь: Господь обещал не судить
Тех, кто других осуждением не тронет?
Трудно, но чаю прощеною быть.

Я слишком много сама нагрешила». –
«Чем же вы?!» – «Тем же. Муж любит меня,
А я неверна была, я изменила.
И, ладно, хоть вспомнить добром бы могла!

А то ведь такая мразь! Зариться можно
Только с тоски было вдруг на него.
Его и любовником, Сонечка, сложно
Назвать против мужа, поверь, моего...

Что с тобой, Сонечка? – Соня краснела,
Слыша куму. – Я смутила тебя...
Я совершенно того не хотела.
Ты ведь за мужем. Понять бы могла». –

«О, извините...» – «Поверь мне: напрасно
Байки давно про купцов говорят,

Будто развратны. Робела ужасно
Замуж идти. А за кем был разврат?» –

«Зачем вы ... мне...?» – «Стыдно смущать тебя дольше...
Матвею для зятя мой муж предлагал
Денег, чтоб тот не служил ему больше,
А дело свое бы в Москве начинал.

Матвей наотрез отказался: “Нет, барин
Не забивайте ему ерундой
Голову”». – «Ольга Ивановна, знаю.
Спасибо. Но прав здесь, боюсь, отец мой.

Нэп – это до сроку. Кровь столько пролили
Не чтоб богатели при деле своем,
Как в прежнее время, счастливыцы иные». –
«Один знает Бог, куда нынче идем». –

«Ольга Ивановна, я вас хотела
Давно спросить: что ж не уехали вы
С семьей за границу, как армия белых
Терпеть поражение стала?» – «Кто мы?

Мы без России никто! – отвечала
Ольга. – Да мы и в России никто.
Зачем нашу кровь лить? Дворян что ли мало?
Максимум зла, что отнимут добро.

Но мы бы и так почти всё потеряли,
Если б уехали. Мы москвичи,
Мы русские люди. В Париже бывали.
Такая тоска, Соня, там, хоть кричи.

Это еще жили в лучшем районе,
А в бедном не глянешь вокруг – нищета.
Ходили там раз. Ах, никто нас не тронет!
В семнадцатом ведь обошла нас беда.

Хотя почти всё, что могли, отобрали
В пользу трудящихся: лавки, завод,
Доходный дом, вклады... И в доме бывали:
Ценности вынесли – это вперед.

Дом нам оставили. Нас пощадили.
Мало ль для счастья? Готова была
Я голодать, лишь бы только в России.
И муж уезжать не хотел никуда». –

«Как же он пережил?» – «С виду так просто!

В себе тяжело. Не перечить решил –
Выбора не было. Как стало можно,
Сразу же фабрику, Соня, открыл.

Кое-что в доме у нас оставалось
Ценного – продал. Всё в дело пошло.
Открыл магазин свой, и вдруг оказалось,
Что вровень былому достатка пришло.

Чудно вышло, Соня! А года три жили
Мы очень скромно. Прислугу почти
Всю рассчитали, а те, кто служили
Из верности, были на грани нужды.

Та повариха, которую, Соня,
Ты осуждаешь, от нас не ушла
В трудные годы. Теперь ли уволю?
Жаль, что не прочное счастье нашла». –

«Чем же вы жили?» – «У самого края
Москвы была лавочка. Как уж ее
Оставили нам – не отняли, не знаю.
Муж продавцом стоял время одно.

Не погнушался! А я б не сумела.
Я денег боюсь. Если вновь обеднеть,
За мужем нисколько б того не робела –
С голоду вряд ли мне даст помереть.

Он меня, Соня, *простил*, понимаешь?
Гордый! Я пала бы в ноги ему
С такою бы радостью! Ты и не знаешь!
Но боль ему вновь причинить не могу.

Не хочет, чтоб прямо мы с ним говорили
Про прошлое. О, как я знаю его!
Будто меня, точно Еву, лепили
Из мужа ребра, сотворя для него.

Муж всё мне простил! Даже нашего сына». –
«В его беде не было вашей вины». –
«Откуда ты знаешь? Вдруг худо носила?
Вдруг многим глухим я по крови сродни?

У мужа все слышали. Я же не знаю
Предков своих. Мой отец из сирот –
Подкидыш приютский. А мама, рожая
Меня, умерла – незнаком ее род». –

«Род неизвестный – теперь безопасный,
Но вы в роду мужа давно своего». –
«Отец мой способный был очень, по счастью,
Учитель гимназии стал оттого.

Сперва сам сирот учил²⁰. Жизни суровой
Хлебнул, и с избытком! Хотел для меня
Доли иной – уговаривал, чтобы
Замуж я выйти согласие дала.

О муже моем угадал: «Он хороший,
Добрый. Плохому б тебя не отдал».
Что слова отцовского в юности больше?
Себе в моем браке корысть не искал.

Учитель до гроба был. Мы просто жили». –
«Прислуга, наверное, всё же была?» –
«Какая прислуга? Старушку кормили,
Чтобы по дому она помогла.

«Выходи за купца! – первой мне толковала.
На кухне меня научила всему.
От отца не пошла, хоть ее зазывала. –
Зачем я на старость в чужой дом пойду?»

Мой муж с уваженьем к отцу относился.
Родные его, мной стыдясь упрекать,
Молчали сначала. Когда ж сын родился,
Каждый счел долгом мне в спину сказать:

“Зачем же не взял ты купеческой дочки
С приданым хорошим, и чтобы ее
Все предки известны здоровьем уж точно!” –
Сын умер у нас, а всё больно одно!

Я ничего мужу дать не сумела!» –
«Все ль живы, кто словом меж вами стоял?» –
«Не знаю. Родня уезжать не хотела
Его, как и мы. Один деверь пропал.

А остальные в Москве. Разорились.
Муж всем помогает. Давно ль перед ним
Гильдией первой иные хвалились?
(Муж во второй всю жизнь скромно пробыл.

²⁰ Речь идет о дореволюционной практике обучения выпускников воспитательного учреждения за его счет при обязанности обучаемого впоследствии возвратиться в это воспитательное учреждение в качестве педагога и преподавать там определенное количество лет. Такая возможность предоставлялась наиболее отличившимся в учебе выпускникам и способствовала решению кадрового вопроса в воспитательных учреждениях, одновременно давая сиротам шанс на успешное трудоустройство в будущем.

До первой немного ему не хватало.)
Теперь молчат, Соня. Уж нынче не старь!
Родни у супруга известной немало.
Брату его титул дал государь!

С такими, как я, никогда не венчались
Купцы из их круга». – «Ваш муж именит
Без титула – родом своим. Вы остались
В России на смерть!» – «Твой отец говорит?

Меня тоже партией нагло пугает.
Он агитатор был? Мне рассказал.
На память из Ленина даже читает!
Тот, кажется, очень недурно писал.

Есть смысл». У Сони душа замирала
Близ Ольги Ивановны. В жизни своей
Она никого никогда не встречала
Хотя б отдаленно сравнимого с ней.

Дело тут было совсем не в недостатке:
Ольга и внешне изящной была,
И внутренне тонкой. Узнала порядком
Горя, а злобы не обрела.

Тургеневский дух! Совершенно разнилась,
К счастью для Сони, она от того,
Какой богача жена прежде ей мнилась.
Хотелось сберечь от несчастья ее.

«Нельзя вам в России. Езжайте». – «За что же?» –
«Таких, как ваш муж, и оставили жить
Еще до сих пор, потому что он может
Помочь производство стране возродить.

После упадка, после разрухи
Чтобы скорее страну поднимать,
На время позволено в частные руки
Заводы и фабрики передавать.

А как станет легче, так всё возьмут снова.
В красной России ведь судят людей
По прошлому, роду, и негде другого
Взять вашему мужу. Езжайте скорей!» –

«Но если на выезд подаст заявленье
Мой муж, то не будет ли то означать
Советского строя его отторженье?

За это лишь могут арестовать». –

«Рискуйте! Другого к спасению нету
Пути». – «Всё оставить, где попада жить...
Вдали от родных, от могил?» – Без ответа
Остался вопрос. Что уж тут говорить?

Ольга отрезала: «Кроме России,
У нас дома нет. И спросить уж позволь:
Если б уехали мы, где б вы жили?» –
«Нам смерть не грозит. Это важно не столь».

Ольга окинула ласковым взором
Свою собеседницу: «Если бы я
Не знала отца, тебя плодом позора
Крестьянки от барина счесть бы могла.

Барин не баловал в вашей округе?
Ты на крестьянку не схожа лицом,
У тебя тонкие белые руки...» –
«Только отец мой мог быть мне отцом». –

«А ему?» – «Барина мы и не знали
В лицо своего. Отходила земля
То одному, то другому. Бывали
К нам управленцы и то не всегда.

Глушь! Как хотели крестьяне, так жили
Еще в крепостных. Лишь платили оброк.
Когда по реформе освободили,
Ценность свободы понять редкий мог.

На промысел прежде и так отпускали,
А уезжать насовсем не хотел
Никто. Нет оброка – платеж навязали
Всем выкупной, кто землю владел.

Оброк даже легче был. Только из книжек
Я и узнала, как мог дворянин
На землях своих показать, что он низок, –
Миловал Бог понять это родным». –

«Неужто ни разу не продавали?
И не секли?» – «Нет. Рассказывал дед
Власий, однажды двух братьев прислали.
Наш барин их выиграл в карты». – «О нет!» –

«Сам ставил собак». – «Ужасающе, Соня!
Против людей!» – «Не хотели венчать

Потом дочерей с ними – племя чужое,
И дико казалось людей проиграть.

Будто виновны. А юноши-братья
Были собою приметны, сильны.
В храм оба невест повели без согласия
Отцов. Знал священник, на тех нет вины.

Потом прижились. Вы представьте: мой свекор
(От мужа узнала об этом лишь я),
Одному из них внук! А я в детстве далеком
Рассказ этот байкой считала сама.

Не верилось: как это могут быть люди
Проиграны!» – «Ну, от дворян чего ждать! –
Ольга ответила. – Больше не будем
О неприятном с тобой толковать...

Смысла в том нет. Ты же вот не робеешь
С твоею наружностью, хоть объяснить
Каждому род свой едва ли успеешь.
По виду теперь тоже могут судить.

Не хочется в страхе жить?» – «Ох, извините,
Ольга Ивановна»... Год миновал.
С собою принес он немало событий:
Григорий шофером такси уже стал.

Конкурс большой был в Москве, отобрали
Самых достойных: чтоб сила была,
Грамотность, чтобы в роду все крестьяне, –
Один таксопарк на Москву был тогда.

В том же году родила Соня сына:
Григорий был счастлив, но радость его
(Александром назвали) сменила кручина:
Умер младенец. Пойми от чего!

Снова ребенка они хоронили.
Помимо Матвея у гроба тогда
Только Арсеньевы с ними и были.
Соня рыданий сдержать не могла.

Даже Григорий, и тот не стеснялся
Слез на глазах. Кого нынче винить?
Смерть берет тех, кто ей люб показался.
Тщетны попытки ее объяснить.

Письмо написал он домой. Прочитала

Матрена и долго молилась потом.
Григорий звал в нем ее «мамочка», «мама» –
Горькая весть обернулась добром.

Скучал по ней Гриша. Эх, город проклятый!
Жил бы он близко – прижала б к груди!
Гриша простил. Чего боле ей надо?
К Маше пошла: «Хочешь замуж? Иди.

Рожай, коль Бог даст. Ничего мы не знаем –
Кому когда срок и какая судьба». –
«Мама, да верно ли?!» – «Благословляю.
Брат твой простил и меня, и тебя».

Маша тут в слезы. Тотчас побежала
К Мише Круглову. Давно ждал ее.
Матрена три года его прогоняла,
А он выжидал и ходил все равно.

Любил Машу крепко. Он был простоватый,
Но добрый и верный. Прокофий судил,
Что Русь на таких вот крестьянских ребятах
Только и держится. Дай Бог им сил!

Сам был такой. Вскоре пара венчалась –
Матрена велела. (За день до того
Без праздника, тихо, семья расписалась.)
Увез Машу муж. Как жалел он ее!

Во всем помогал ей. Когда утвердилась,
Что матерью станет, то Груша взяла
В город сестру – кабы что не случилось.
Едва ль не сиделкой при Маше была.

К этой поре Соне с Гришей уж дали
Комнату: в двадцать седьмом проходить
В Москве по богатым чиновники стали:
Смотрели, как слугам приходится жить.

Уже власть довольно заметно клонилась
К отходу от нэпа. Расправятся с тем,
Кто нынче богат, – это чувство носилось
В воздухе вновь; понять всякий умел.

Георгий Петрович не оказался
Дома, но Ольгу предупредил:
Будут ходить. Сам Матвей вызывался
Всё показать: не завхоз ли он был?

Но Ольга ответила: «Вздор! Мне бояться
Нечего!» Смело одна повела
По дому комиссию. Было придраться
Не к чему: сытно прислуга жила.

У всех были комнаты – чисто, красиво.
Соня не думала и выходить:
Она – не прислуга. Для дочери шила,
Когда к ней вошли. Перестала тут шить.

Вошедшим всем прямо в глаза заглянула.
Встала. «Кем служите?» – «Я не служу», –
Хотела ответить, но Ольга качнула
Вдруг головой: «Я сама расскажу.

Швея моя. Муж ее – возчик». (Шофером
Григорий работал уже второй год
В таксопарке.) – «Неужто живут в коридоре?
Окна нет! Не стыдно? Тесните народ!

Ну, ничего! Ваше кончится время.
Ребенок один?» – «Был сынок. Умер». – «Смерть
В подобных условиях – это явление
Закономерное! Больше не смей!

Получите комнату», – Соне сказали
С улыбкой сочувствия. Видно, ее
Жертвой хозяев скупых посчитали.
Ответить она не могла ничего.

Так и стояла, не шевельнувшись.
Вышли. Отборный послышался мат.
Ушли. Матвей глянул им вслед, чертыхнувшись.
От злости был даже за дочку не рад.

«Спасибо вам, барыня», – той поклонился.
Соня заплакала. – «Что ты! Не плачь!
Если б не вышло, мой муж бы сердился.
Он сам наказал: “Куму с Гришей не прячь.

Жилье давать будут, но только прислуге,
Углом обездоленной”. Как не помочь,
Сама посуды, своей было подруге?
Тем более крестница мне ваша дочь!» –

«Ольга Ивановна!» – Соня хотела
Еще что-то молвить, но слов подобрать
Она, онемев, в тот момент не умела. –
«Нагло себя позволяли держать.

Барыня, как вы такое стерпели?!» –
Матвей возмутился. – «Подумаешь! Сброд!
Матвей Власыч, полно тебе, в самом деле!
Ты ж большевик! Погляди свой народ».

Матвей не ответил. Сказал всё как было
Барину, только одно умолчал:
Про мат – не расстраивать Ольга просила.
Был тот доволен: не зря подсказал.

«Пусть твоя дочка в Москве остается, –
Промолвил Георгий Петрович. – Оно
Мало ли как жене в жизни придется...»
Матвей слишком понял, вздыхая, его.

Откуда и взялся такой добрый барин
Среди тьмы тьмущей сволочи?.. В доме большом
Соне с Григорием комнату дали.
Те были, как в сказке, счастливы жильем.

Комната светлая. Жили в квартире
Всего две семьи. Услыхав два звонка
(К соседям один раз, к ним дважды звонили),
Григорий открыл дверь. «Ох, Маша плоха! –

Груша воскликнула прямо с порога.
Был день воскресный. – Забрали родить.
Коли жена твоя верует в Бога,
Так прикажи ей о Маше молить!

Может быть, если уж Соня попросит,
То всё обойдется. Не верю в Него,
Но как Он вдруг есть, верно, с Маши не спросит,
Коль та ей простит смерть дитя своего».

Соня молчала. В каком они веке,
Что рядом чужие, – забыла сестра
Гриши про всё. О родном человеке
Просила. Тяжелый ей крест принесла.

Первая мысль: «Туда Маше дорога –
В смерть. С дитём вместе». Хотелось просить
Радостным сердцем об этом у Бога,
Чтобы за дочку ее им не жить.

Мысли той злобной сама испугалась.
Молитва не шла в ум. И все-таки вдруг
Соне как будто на миг показалось,

Что Маша не враг, а потерянный друг.

Хлынули слезы. Тут Груша простилась
И, прежде чем кто-то успел отвечать,
Дверь затворив, быстро из виду скрылась –
Ходить не умела, умела бежать.

Порывистость ей даровала природа.
Соседи Архиповых между собой
Переглянулись сердито и гордо –
Не повезло их соседу с сестрой.

12. Смерть Авдотьи

Ребенок родился благополучно.
Мальчик. Назвали Андреем его.
Григорий, отсутствием вести измучен,
Сам был к Арсеньевым. Ждали того.

Маша сама ему дверь отворила
И обняла. «Как она родила?» –
Соня у мужа не сразу спросила. –
«Мальчик. Не жалуется. Жива».

Соня в ответ ничего не сказала.
Миша работать пошел на завод,
И скоро семья новоселье справляла.
Двадцать седьмой канул в прошлое год.

В двадцать восьмом сперва жили спокойно.
Соню в детсад взяли вдруг как швею.
(Платили там и относились достойно.)
Нуждались в деньгах, муж смолчал потому.

Тонечка в ясли, потом в сад ходила.
Славная девочка. Дети росли
И у других. Вместе весело было.
Родство с Машей памятью крови спасли.

Матрена у дочери младшей бывала
Часто; чтоб Маше полегче с дитём,
Мать жизнь надвое свою разрывала,
Впрочем, почти не жалея о том.

Надо так надо. Арсеньевым дали
Комнату новую: жили они
В доме другом, и уже не в подвале.
На сына питать вновь надежду могли.

Но родилась третья дочь – Алевтина.
Только Григорий Петра понимал,
Как жаждал мучительно тот иметь сына,
Хоть дочкой расстройств не признавал.

«В другой раз, – мечтал Петр, – будет удача!»
Работы Петра так не ведал никто.
Даже жена всё гадала, что значит
Упорное это молчанье его.

А может, и нет тайны? Просто закрытый,
Замкнутый? Петр представить умел
Секрет, где не надо бы, – жизнью он битый.
Давить, чтоб открылся, никто не хотел.

Да и без толку. «Рабочий? Аль служба?
Какая?» – старалась проведать жена. –
«Служащий». – «Службы твоей знать не нужно,
Что ль, никому? Не болтливая я!» –

«Груша, не то! Ну зачем волноваться
Тебе о работе моей? За детьми
Следи. Не хочу дома службы касаться.
Волю рассказывать только возьми!

Я ж тебя знаю: ты всё допытываешь.
Шаг за шагом». – «Чем худо?» – «Потом подведешь
Меня: брату, сестре аль чужим разболтаешь.
И мне цена будет, работнику, – грош.

Тайны тут нет, а молвы бы не надо». –
«Я обещаю со всеми молчать». –
«И не проси». – «Ну, скажи мне хотя бы,
Что детям я буду твоим отвечать!

Они ж скоро спросят!» Ей Петр ответил
Серьезно и вдумчиво, глядя в глаза: –
«Что я коммунист, расскажи нашим детям». –
«А больше им знать об отце и нельзя?

Стыдишься чего-то?» – «Не будут стыдиться
Меня мои дети – я слово даю!
Пришлось бы коль совестью мне поступиться,
Кормил бы богаче я, Груша, семью.

А ты до зарплаты моей занимаешь
В долг у соседей». – Смутилась жена: –
«Я думала: ты никогда не узнаешь».
Семья очень просто их, скромно жила.

Так жили и многие. Знала, что нету
Резона на мужа за тайну роптать:
На деньги Петра были сыты, одеты.
Ей вправду служебное не доверять.

По ней, Петр с ролью кормильца справлялся.
И матери деньги своей посылал.
(Гриша послать бы хоть раз догадался!
Видимо, мать до конца не прощал.)

Матрена ж у Гриши вовек не просила
Помощи. Было отрадно: вернул
Бог ей хоть тень любви прежней от сына.
Нельзя же мечтать, чтоб всё вспять повернул!

Горе осталось. Обида осталась.
Бывала у сына в Москве. Соня с ней
Почтительно внешне, но сухо держалась.
Свекровь извиняла холодный тон ей.

Соню она все равно находила
Хорошей женой. У Авдотьи просить
В долг денег, Прокофия втайне, ходила.
Авдотья велела о долге забыть.

Сватъё была рада помочь. Помогала
Всем, кто попросит, – Матвей посылал
Довольно, чтоб денег с избытком хватало, –
За службу порядочно тот получал.

Авдотья Матрену ни в чем не корила –
Случай был с внучкой трагичный. Вины
Сваты ничуть в нем не находила,
В чем сразу сказала. Дружили они.

Со стороны дружба странно гляделась:
Матрена дородной и крепкой была,
Не по летам. Говоря, что хотелось,
Мужу, зачинщицей ссор их слыла.

Авдотья была женой нежной и кроткой.
Худая, с измученным, добрым лицом.
Знала она о неверности горькой
Матвея, того не сочтя подлецом.

«Одному в Москве тяжко», – сватъё говорила.
Чуяла сердцем измену. Узнать
Не довелось ей соперницы имя. –
«Вздумал бы мой мне когда изменять!

И что, что далёко муж служит?! – вскричала
С гневом Матрена. – Жена-то дана
Богом навек одна! Церковь венчала!» –
«Матвей – атеист». – «Оттого и беда!

Много теперь развелось атеистов.
Совесь забыли! Прокофий глядел
Смолоду бабу одну. Взяла хлыст я!

Долго на улицу выйти робел!» –

«Ты... по лицу его что ль?» – «А то что же!
Пусть бы он шел к ней красивый такой!
Брюхата была я в ту пору. Построже,
Надо с мужьями». – «Матвей люб мне мой». –

«А мне мой не люб?! Жизнь отдам без огляда,
Но допустить не смогла до греха!
Всю жизнь мне божится с тех пор, что отрада
Одна у него. Ты уж больно тиха.

Я бы Матвею такое сказала! –
Авдотья лишь гневные речи ее
Слушала, вздохи роняя; молчала. –
«Не хвораешь, Авдотья?» – «Да нет. Ничего...»

Сама втихомолку давно уж болела.
Редко бывавшего к ней, огорчить
Мужа собою никак не хотела.
(Матвей не умел в ней болезнь различить.)

На Авдотье хозяйство, изба была, дети.
Смиренно несла она ношу свою,
Болей в спине не решаясь заметить
Вслух. Зачем молвить об этом? Кому?

Никто не поможет! Потом хворать стала
По-женски. Тут возраст – понятно. Матвей
Не мог угадать, отчего тосковала,
Глядела тем горше, чем будто нежней.

Мужу она всё безмолвно простила
И только украдкой в невольных слезах
Подушку беззвучно ночами мочила.
Во взгляде ее боль теснилась и страх.

Однажды она не сумела подняться.
Дмитрий поехал в Москву – известить,
Что помирает, далекого братца,
Да и в Москве чего нужно купить.

«Как помирает?!» – Матвей, не умея
Поверить известию, спрятал глаза. –
«Да говорю тебе!» – «Нет, я не верю!» –
Ему было ехать тот час же нельзя:

Георгий Петрович в отъезде, супругу
С собой взял: сама упросила его,

Хотя и зима. Стало им друг без друга
Недели не жить, как на грех. Вот чудно!

Неделю спустя обещали вернуться,
Но задержались. Нельзя без господ
Службу бросать. Как назад обернутся,
Так в этот же день просить отпуск пойдет.

Барин отпустит. Ну, к Соне был дядя.
Сказал ей о матери: «Ехать должна
Хоть ты на село. Уж поверь, Христа ради:
При смёрти Авдотья! Ты маме нужна!»

Соня поехала. Отпуск той дали –
Ее пожалели. Ах, сколько лет жить,
Столько поездки прощальной той к маме
До мелких подробностей век не забыть!

Мать очевидно уже умирала.
«Рак матки», – сказал Соне врач молодой.
Он только приехал в село. Вдохновляла
Его сперва мысль: с любой сладит бедой!

Людам поможет! А как помочь? Нету
Лекарств никаких. «Тут бы опий, – вздохнул. –
Да где взять? Хотя бы позвольте совет вам, –
Участливо Соне в глаза заглянул. –

Рак по наследству идет. Берегите
Себя. Если что-то встревожит вдруг вас
По женскому делу, к врачу приходите
Сразу. А мать вам никто бы не спас...

Простите меня... Я зайду». Не терпела
Уж боли Авдотья – кричала. Избу
Сковывал страх. Соня тихо ревела
Ночью в подушку: за что? Почему?

Плакали дети. Заботы хозяйства
Легли все на Соню. Неделя прошла,
Другая. Врач был. Помог Соне с участием
(Иного не мог): наколол ей дрова.

Мороз стоял крепкий. Метель злобно выла.
К колодцу (один был в селе) за водой
В снегу по колено на тот край ходила.
Взмолилась однажды: «Скорей бы домой!

Ненавижу село! Помоги же мне, Боже:

Коль Твоя воля, чтоб маму забрать,
Дай легкую смерть поскорей ей. Не может
Она сносить боль, и ничем не унять.

Избавь нас от муки!» Опомнилась Соня
От ужаса, что пожелала она
Матери смерти, но в тот же день вскоре
Мать, впав в беспамятство вдруг, умерла.

Скорбело село. Барин в дом воротился
В конце декабря с женой. Было решил
Матвей, что в бега за границу пустился,
Ан нет! Он Матвея домой отпустил.

Вернулся в село Матвей. В доме лежала
На лавке Авдотья. Омыта была,
Одета для похорон. Мужа встречала
Красивой, но мертвой, отмучась, она.

Заплакал. Ее в тот же день хоронили.
Сурово глядела старшая дочь
На отца – его слезы не жалки ей были,
Да и не знала, чем может помочь.

Первая ночь с похорон... «Еду, Соня,
В Москву взять расчет. Ты гляди за детьми». –
Сказал на крыльце, с ней без сна ночью стоя. –
«Ждать ли с тобою мне новой жены?»

Небось, теперь женишься на поварихе
Своей?» – Не ответил Матвей ничего.
Были слова дочки коротки, тихи.
Простить не умела отца своего.

Помнила, как с поварихой застала.
Столь непреклонною Соня была
В своем целомудрии, что полагала:
Сблизиться можно, лишь только любя.

Отец предал мать. Так о чем теперь плачет
Он, не таясь, если мать для него
Много, как прежде, уже и не значит?
Кого потерял, схоронивши ее?

Утешится скоро! «Я знаю, что дочки
У поварихи есть. С нею живут
В комнате. Две». – «Да, всё, Сонечка, точно.
Скоро невесты». – «Пока отдадут!»

Если на ней всё же женишься, папа,
То приготовься, что детям твоим
Много придется без матери плакать:
Лучший кусок будет в доме чужим.

Твоих попрекать да гнобить Фекла станет». –
«Напрасно рисуешь злодейкой ее.
Хорошая баба». – «Тебя уж обманет!
Лишь бы женился. Потом всё одно».

Матвей промолчал. Воротившись в столицу,
Не застал барина – вновь по делам
Был тот. «Овдовел я. Приехал проститься,
Барыня», – буднично Ольге сказал. –

«Я соболезную. Дома ли Соня?» –
«Нет, на селе еще. Дочка моя
Не любит меня. Извините... От боли
Вырвались горькие эти слова». –

«Жену свою...» – «Я не застал уж Авдотьи
Живой», – понимая, вопрос упредил.
«Ах!» – «Это легче мне, барыня, вроде.
Мук бы не снес ее. Я хоронил».

Сверх должной платы его рассчитала.
Лет восемь назад (оба вспомнили тут)
Кучером в службу она ж принимала.
Работы спросил сам. А вдруг кем возьмут?

Добрая слава о доме ходила.
Позвали хозяйку – прислугу сама
Всегда нанимала. Про жизнь расспросила
Да (кучер умер недавно) взяла.

«Спасибо вам, барыня». – Вдруг догадалась: –
«А для чего же тебе уходить,
Матвей Власыч? Должность твоя бы осталась.
На Фекле женись. Вместе будете жить.

Детей возьми. Комнаты есть». – «Не годится,
Барыня. Я никогда не смогу
В память жены моей, больше жениться.
И жить в чужом доме с детьми не могу.

Им нужен свой. Я построюсь». – «Как знаешь.
Фекла надежная. Зря ты ее
Одну женский век доживать оставляешь». –
«Зачем же одну? Может, встретит кого.

Да мне ее жаль, но никак не владею
Собою я, барыня... Я ведь любил
Авдотью свою...» – «Что любил ты, я верю,
Матвей Власыч. Ты нам на совесть служил». –

«Я грешен пред ней, но любил! – Понимала
И это. – а Соню Авдотья моя
(С того дочь чужая) одна воспитала.
Я был в бегах. Ну, за мной и вина.

Прощайте!» – «Прощай». Уходя, кротко руку
Поцеловал ей. Предвидел: снесет
Еще не одну та в судьбе своей муку.
Однако пугать не хотел наперед.

К Фекле пошел. Между них объяснение
Было коротким: «Поеду с тобой
С радостью, – та говорила, – в селенье.
Детям за мать стану. Быть бы женой». –

Посуровел тут: «Сельчане любили
Авдотью. Я здесь хорошо получал,
Она помогала всем. Мы б с тобой жили
Под гнетом молвы. Я ж с тобой изменял». –

«Ах, дела мне нет ни до чьих пересудов!» –
«Ты – городская. В селе чуть жила.
Тебе и привыкнуть у нас было б трудно...
Авдотья моя очень чистой была.

После нее на тебе как жениться?» –
«Я ль не чиста? Мы ж с тобой по любви...» –
«Любовь али нет, с чужим мужем ложиться
Жена б постыдилась моя, извини».

Сама прогнала... Стало тяжело Матвею,
Будто второй раз жену хоронил:
Красивая, нежная, семь лет был с нею,
А счастья не смел дать – себя бы корил.

Легче один век... Как Соня вернулась
В Москву, Ольга в гости была. Рада ей,
Памятью Соня в тот день обернулась,
Как матери смерти просила своей.

Заплакала. Ольга, вздохнув, отвечала:
«Была бы я дома, отца твоего
При службе его никогда б не держала.

Служил до конца, зная горе свое!» –

«С любовницей это не шибкое горе». –
«Так ведь расстались! Письмо напиши
Отцу. Тяжело ему. Сильно ль виновен?
Зря осуждением отца не греши». –

«Он мать разлюбил». – «Да откуда ты это
Взяла? Ты наивная, чистая ты...
Рубишь с плеча. У меня мамы нету,
Как я родилась. Отец умер, увы.

Ты, Соня, счастливая...» – «Маму любила
Всех больше на свете». – «А муж как же? Дочь?» –
«Это другое». – «Как Тоня красива
Твоя! Чисто куколка! Чем вам помочь?» –

«Здесь не сможешь. Как вы? Расскажите». –
«Я счастлива! Ездили мы в Ленинград
С мужем тогда, это так теперь Питер
В память Ленина всем называть нам велят». –

«Я не привыкну... Что Питер?» – «Красивый.
По совести, там никогда не была
Прежде, заочно ж его не любила
Ради Москвы. Нет, была не права!

Особенный город. Я видела мало:
Больше в гостинице. Снег был, мороз...
Поехать хотела сама. Тосковала
В Москве оставаться. Вот прямо до слез!

Была дата близка: уж три года нет сына.
Одна не умею ее я встречать...» –
Почти извиняясь за то, говорила
Ольга, желая отъезд оправдать.

Вновь не могла не задуматься Соня,
Какое той чуткое сердце дано.
«Дома вещь каждая помнит о Лёне –
О сыне ... Вне дома не так тяжело.

В Ленинграде велела метель задержаться.
Мело две недели... Ах, сколько же мне
Мужу в любви раз хотелось признаться,
А признаюсь пока только тебе». –

«Ни разу не молвили?!» – «Нет, не умею:
Утрачена слов о любви новизна

С другим. Повторяться как будто робею.
Сонечка, нежным словам нет числа!

Необходимо ль “люблю” молвить прямо?» –
«Муж вам говорит?» – «Да... До свадьбы, давно,
Он очень влюблен был в замужнюю даму –
Узнала недавно я, не от него.

А вдруг не забыл ее?» – «Глупости это!
Признайтесь, не медля!» – «Чужую беду
Легко развести. Со своей сладу нету.
Отцу не забудь написать своему».

Соня, как только смогла, написала.
Матвей очень рад был письмо получить:
Сердечным вниманьем оно всё дышало,
А было так трудно и горестно жить!

Каждый денек вспоминалась Авдотья:
Как приезжал к ней, как привозил
Подарки. Он днем забывался в работе,
А ночью спал мало. Себя все корил.

За всякое. Было тринадцать Ивану,
Саше – двенадцать. Настя была
Пятнадцати лет. А сестра ее Анна
Всех старше – семнадцать сменяла она.

Дочки хозяйство вели. Понемногу
Привыкли справляться. Месяц, другой
Прошел. Не умеющий жить одиноко,
Матвей думать стал, чтоб сойтись с иной.

Хоть и зарекся недавно жениться,
Очень уж тяжело пришлось одному!
Не к кому даже во сне прислониться.
Выбрал далекую кровью родню.

Степанида Матвея давно полюбила –
Еще как женат был. Глазами за ним
Жадными, горькими молча следила,
Когда на селе случай встречу дарил.

Она никому ничего не сказала
О чувстве своем. Безнадежной ее
Старою девой округа считала:
Косили заметно глаза у нее.

Кабы еще на войне не убили

Стольких мужчин, при нехватке невест,
Может, изъян бы ее и простили,
Но при избытке, безмужье, – той крест.

Смирилась с судьбой. Мало знала Матвея.
Росла – далеко был. И что ж что родня?
Тридцатилетнюю деву жалея,
Ей улыбался, встречая, всегда.

Было достаточно этой улыбки...
Родители померли. К брату пришел
Степаниды Демьяну. Сказал без заминки:
«Третий уж месяц, как вдов я, пошел.

Тяжко мне горе. Отдай Степаниду,
Демьян, за меня. Не расписаны мы
Будем с ней жить. Не держи уж обиду.
Чудно в сельсовет идти в годы мои.

Это теперь тоже браком считают,
Когда так живут». – Рассмеялся Демьян: –
«Не шибко ль сестра для тебя молодая?
Бери, коль пойдет. Промеж вас бы не стал».

Приметно сестрою Демьян тяготился.
Обузой считал. Когда, младше сестры
Пятью был годами, недавно женился.
Меж ней и женою пошли нелады.

Совсем неприятна сестра ему стала.
Демьян спал и видел, как кто-то возьмет.
Что росписи нету – ничуть не смущало.
Матвей слово держит – назад не вернет.

Позвал Степаниду. Она согласилась
К Матвею пойти. От удачи своей
В первое время их жизни светила:
Ее не обидел ни словом Матвей.

Ласков с ней был. Да тяжелого нрава
Под грузом своей одинокой судьбы,
Дотоль пережитой, не миновала:
Ее никогда не любили, увы.

Родители старшую дочь обижали,
Предвидя беду ее, взглядом косым,
Хотя нет вины ее в том, унижали,
И бить не в диковинку дочь было им.

Стыдились они Степаниды, а брата
Жалели и холили. С детства была
Перед Демьяном уже виновата.
Слышал вперед: «Не возьмут со двора».

Сестры не жалел. Лишь Матвей на всем свете
Один пожалел ее. Горечь тоски
Матвея по прежней супруге заметя,
Ревностью сердце сомкнула в тиски.

Трудно ей было принять его горе.
Дети ж Матвея, ревнуя отца,
Страдая по матери, только дурное
В связи их видели, к мукам вдовца.

(Дочек его выдавать скоро было
Замуж самих – были юны они.)
Младшая мачехе сразу дерзила,
Иные молчали еще – до поры.

Что-то ей Настя такое сказала,
Чего Степанида стерпеть не могла.
Ударила Настю, что б место та знала.
Настя обиды простить не смогла.

Детей никогда у Матвея не били:
Авдотье и в ум бы прийти не могло –
Саму ее в детстве безмерно любили,
Матвей слишком помнил же детство свое.

Поднять на детей не решался он руку.
Им никогда он не смел причинить,
Характер их гордый, – в него ж, – зная, муку,
Какую ему довелось пережить.

Росли они вольно. Родным доверяли.
Между собою все были дружны.
И сразу о ссоре отцу рассказали.
Лишь глянул на дочь – тут слова не нужны.

Матвей объясниться позвал Степаниду,
Из дома не гнал, но, браня, причинил
Ей самую жгучую в жизни обиду –
Сказал: «Я тебя никогда не любил».

Душой еще жестче от слов его стала.
Настю взялась без предлога бранить.
Та же в долгу у нее не осталась –
За словом ей метким пешком не ходить.

В отца уродилась она красноречьем:
«Подстилка, – кричала ей, – ты! Не жена! –
И прочие слух оскорблявшие речи. –
Ты ровня ли маме? Мать доброй была!»

Степанида ее пуще всех не любила
В доме. «Косая!» – «Себя погляди! –
Степанида с усмешкой в ответ говорила. –
Косолапая! Девкой оставят, поди!»

(Настя в два года рахитом болела –
Голод был в Питере. Чудом жива.)
Степаниде и тут отвечать не сробела:
«Лучше уж девка, чем как ты жена». –

«Рада, небось, будешь ты и такому». –
«Я никогда себя не посрамлю!» –
«Выйдет сестра, запоешь по-другому». –
«Пусть идет! Стыд на нее не свалю».

Гордо глядела, расправивши плечи.
Нюра потише сестренки была.
Ту уж просватали. Долгие речи
О паре для Нюры молва не вела.

С детства любила она Журавлева
Степана. Когда возвратились в село
Из Питера вместе с детьми Поздняковы,
Тот скоро заметил в ней счастье свое.

Открыто ухаживал. В доме считалось
Его, что мужчина сперва отслужить
Должен, – разлуки чтоб с ним не боялась
Жена, а потом уж семейство творить.

Матвей понимал это. Делом решенным
Свадьба их виделась. Старше на год
Был Журавлев Нюры. Счастья влюбленным,
Им мнилось, ждать век, но кто любит, тот ждет.

13. Перемены

Время бежало. В двадцать девятом,
Как и предвидел Матвей, по стране
Частные всюду закрылись пекарни,
Заводы и фабрики, и ателье.

Всё отходило Советам. Не минул
Участи общей в ту пору купец
Бывший. Для многих безвестно он сгинул,
Впрочем, судьбе его был не конец.

Прислуги в доме у него не осталось,
И сам дом изъяли. Ютился с женой
В коммуналке московской, – конечно, не радость,
Но был счастлив тем, что хотя бы живой.

Из прежнего дома им взять разрешили
Личные вещи, особой цены
Не имевшие. Сбыв их, беднее купили
Еще, дабы взгляда привлечь не могли.

Купили посуду и мебель. Неплохо,
Коль судьбы несчастных припомнить иных,
Пока обходилась чужая эпоха
Со ждавшими мер несравнимо других.

Ольга готовить когда-то умела,
Хозяйство вести. Вспомняв отчий дом,
Где научиться тому и успела,
Справлялась неплохо с домашним трудом.

Муж на работу пошел: подыскали
Службу ему, скрыв в архиве его.
Большого труда на той службе не ждали –
Ходил бы для вида, и то ничего.

Георгий Петрович доверье старался
Всё ж оправдать, и работы своей,
Пусть и грошовой, отнюдь не стеснялся.
Что ж, коли дóжил до пасмурных дней?

Шутил над нуждою. Ему миновало
Лет пятьдесят пять. К прислуге былой,
В Москве закрепившейся, Ольга бывала
И столь же охотно звала всех домой.

Гостей принимать она очень любила.
Мужа жалела. В заботе ее
Столько тепла, столько нежности было,
Что с ней забывал разоренье свое.

Всё прожили вместе... «Вот, Оля, ведь странно, –
Георгий Петрович смущенно сказал
Однажды жене. – В жизни, кажется, давней
Страх свой я помнил. Детей не желал.

Теперь ничего мне не страшно – ребенка
Хочется. Всяким бы принял его.
Я знаю: не время, а был бы он только!
Какой стал дурак! Правда, Оля, чудно?»

Ольга в ответ ничего не сказала,
Лишь улыбнулась. Всему вопреки
Сильнее, чем прежде, того же желала.
Вздыхнул: «Видно, оба с тобой дураки».

Обнял жену крепко. В себе еще силу
Чувствовал, чтобы дитя воспитать,
Если даст Бог, лишь бы власть не сгубила.
Вскоре ребенка случилось зачать.

От счастья у Ольги глаза засветились,
Когда поняла. В коммуналке порой
Тою полгода еще не теснились:
Стол, стулья, кровать, уже нету какой...

А пришла жизнь. «Я люблю тебя, Оля», –
Шептал купец бывший, не помня себя
От радости. Чувство оставленной боли
Прошлого бедность внезапно дала.

Казалось, что всё это было не с ними,
Что раньше, – с иными, чужими людьми,
Которые память свою подарили,
Когда всё равно что в могилу легли.

Много раз Ольга хотела признаться
В грехе своем давнем, в глаза глядя, – сласть
Была бы пред мужем о том разрыдаться,
Сказать, как жалеет, что выпало пасть.

Что никогда ему не изменяла
После... Казалось, такой разговор
Убрал бы последнюю тень, что стояла
Меж ними, но жизни причудлив узор.

Сердцем она вдруг теперь оглянулась,
А признаваться ей не в чем – само
Всё пеплом в души тайниках обернулось,
Движение жизни страхнуло его.

Глядела на мужа: он чувствует то же?
Да. В скромной одежде нежданно стал
Георгий Петрович вдруг сердцем моложе,
Какой-то задор странный взгляд излучал.

«А мы, вправду, оба ума не лишились
От горя?» – тревожно спросила жена. –
«Бог знает. Иные б уже удавились.
Но мне моя жизнь ныне радость одна.

Я очень хочу жить. И долго. Ты рядом.
Ты любишь меня», – сам сказал за нее,
Что говорила и телом, и взглядом,
И множеством слов, упустивши одно.

Ольга, услышав о том, покраснела,
Как гимназистка: «Да я ведь сказать
Первой тебе не однажды хотела!» –
«Поторопиться решил подсказать.

Оленька, жизнь моя...» – К мужу прижалась
С мыслью: «Он самый родной для меня».
Сердце ей жёгшим вдруг грудь показалось
От чувства к нему: «Как люблю я тебя!

Егорушка, миленький, если придется
Жизнью своей заплатить за кольцо,
То сожаленья о том не найдется».
Ей на плечо уронил он лицо...

Дряхлых дядьёв его арестовали –
Недавно узнал. Его братьев-сестер
(Их дети и внуки давно содержали)
Терзал страх ареста. Робеть им позор!

Не счесть, сколько раз под судом уже были,
С правленья Тишайшего²¹ до этих дней,
По разным причинам весьма, их родные.
Случалось быть даже в руках палачей²².

²¹ Царь Алексей Михайлович, прозванный так за миролюбивую внешнюю политику; при этом его правление ознаменовалось церковной реформой, приведшей к расколу в православии и появлении из числа отказавшихся принять нововведения так называемых раскольников-старообрядцев.

²² Гонения на старообрядцев, начавшиеся при Алексее Михайловиче, длительное время отличались особенной

(И при царях кровь струилась рекою
Безвинная!) Гордость всегда ощущал
За предков не зря. Ему право такое,
Род не богатством, но стойкостью дал.

О фамилии царской имел отзываться
Повод нелестно – и мать, и отец
Были потомками старообрядцев,
Терновый за веру принявших венец.

Потом род отца воспринял православье
Трехперстное. Будто не помня поры
Казней за веру, прослыл скоро славен
Щедростью к Церкви, любившей дары:

Потомки не видели в ревности предков
Нужды – Бог един. Материнский же род
Стоял на исконных обычаях крепко.
Легко ль породнились? Лишь Бог разберет!

Знал, что родители очень любили
Друг друга, но чувство такое пришло
К ним в браке, а в церкви, венчаемы были,
Стыдилась мать – быть там казалось грешно.

Отец снисходил до того, и ни разу
Больше с ним в церковь жена не вошла,
Храня свою веру исконную. Глазу
Лицом неприметна, всё ж счастье нашла.

Отец много старше был матери. Вдовый,
С пятью детьми, замуж девицею взял.
Меж русских купцов он считался особый
Богач – в средствах мало кому уступал.

Рожденный в Москве, почитал за столицу
Российскую сердцем лишь город родной.
Дать самое лучшее детям стремился.
Каждый был в детстве обласкан судьбой.

Мать была тоже богатого роду
Московского. В ней была четко видна
Купцов-староверов такая порода,
Какой редко сыщешь и в те времена.

Она всех детей своих правде учила,

Терпению, совести. Восемь детей
В жизнь родила. Верность слову хранила
Их не воспитывать в вере своей.

Усвоили только, что нужно держаться
Мужества в бед и мучения час;
Такой своим правнукам старообрядцы
Устами ее передали наказ.

Георгий был младшим в семье. В его пору
Младенчества справил родитель годов
Своих шестьдесят и ходил сыном гордый
Меньшим, весь мир обнять грешный готов.

Вообще-то прослыл он тяжелого нрава;
Жене уступал одной. Много нажил
Врагов за характер себе нелукавый,
Но честным умам уваженье внушил.

Годов в девяносто сошел в гроб. Случилось
В семьдесят пять быть ему под судом.
Клевета о нем в долгий процесс обратилась,
И, прав всех лишен, был в Сибирь сослан он.

Шептались: «Убийца!» Процесс небывалый
Был то для России: в подобных годах,
При связях и деньгах, какими владал он,
Наручники жали в суде на руках.

Еще до суда (под предлогом, что может
Препятствовать следствию) арестовать
Велели отца. До сих пор в снах тревожит
Седых детей, как горько плакала мать.

Отчего же так вышло? Большую богатства
Часть на торговле тот хлебом нажил.
Муку же молоть принужден обзаться
Отец на чужой частной мельнице был.

(После помола мука поступала
В производство хлебов – сам заводы держал
Для выпекания тех. Не бывало,
Чтоб чужой хлеб по стране продавал.)

Мельницу бы и свою он поставил,
Но ради порядка велел государь
Владельцам обширных хлебопекарен
Молоть зерно там, где дозволил сам царь.

На то была конкурсом в списке немногих
Частная мельница определена
В долевою аренду по правилам строгим.
Хозяин имел связи близко двора²³.

Оттого, сколько жалоб ни поступало,
Что цену аренды высоко возвел,
Что держался со всеми отменным нахалом,
Без толку было всё – цвел произвол.

С хозяином мельницы крепко бранился
Лицом к лицу не однажды отец.
Вновь аренду тот поднял – к поступку решился:
«Зерно забираю от вас я, подлец! –

(Новая партия для помола
Была уж на мельницу привезена). –
Подожду обмолотить я момента иного!
Когда ваша низость дойдет до царя!

И государь примет меры худые
Для вас, но благае для того,
Кто помнит заповеди!» – «Дурные
Последствия ждут вас, возьми вы зерно.

Ни на единой за многие годы
Мельнице вы то не вправе смолотить,
Не дозволит коль царь! Мыслью: хлебозаводы
Встанут у вас, полны спеси вы хоть!» –

(Муку покупать для заводов готовой –
Удорожать, значит, было свое
Дело весьма, что знал всякий толковый
Ум). – «Мне неважно уже ничего!

С вами иметь не могу больше дела!
Всю неустойку я вам заплачу
За разрыв договора аренды! Я сделал
Выбор: любой ценой вас проучу!

Негодяй! Да гори ваша мельница с вами!» –
Прилюдно купец оскорбленье нанес
Дворянину, о чем, по молве, скоро знали,
Те все, кто хлебом был занят всерьез.

²³ В XIX веке начался активный приток дворянства в коммерцию: чаще мелкого, обедневшего, реже – богатого, влиятельного, что позволяло таким предпринимателям (чаще негласно) использовать при ведении дел свое сословное положение и связи.

Зерно забрал. Запер, вздохнув. Ждал решенья
Государя действительно по письму,
Что послал с описанием возмущенья
За аренду цены, словом связан царю.

На хлеба поставку контракт обязался
Исполнить для армии царской – снабжал
Армию хлебом. Питать не собирался
Чужую вновь алчность – мало ль питал?

Ведал отец, что и каплею точат
Камень, – должны обращенья иметь
К царю вес – скопилось их много и точных.
Когда-нибудь должен принять меры ведь!

Тем временем мельница погорела.
Люди погибли, служившие там.
Громкое вышло к суду весьма дело.
Только ленивый поджога не знал.

За то и судили. (В допросе признались
Два поджигателя, что на отца
Работали, – быстро полиции сдались.)
На суде был отец весьма гневен с лица:

«В годы мои о поджог мне мараться?!
Готовлюсь я в гроб! Нет за мною вины!» –
Лишь словом своим имел шанс оправдаться –
Адвокат неожиданно слаб был, увы,

Хотя почитался защитник известный
И за услуги недешево брал.
(На суде красноречьем не бывши полезный,
В мемуарах потом купца норов ругал.)

Могучим здоровьем еще в свои лета
Подсудимый мог хвастаться – даже тюрьма
Не сказала на нем. В гордость духом одетый
Стоял, как в броню, над собой в день суда.

Мог бы отец от суда откупиться.
Но нет! Разозлился намеков таких:
«Я невиновен! К чему суетиться?
Зря опозорю себя и родных!»

У бедных присяжных глаза разгорелись:
Скромные люди решали судьбу
Миллионера! (Кого победнее
Набрали в жюри.) Присудили вину.

(Из-под ареста писал государю
Вновь оклеветанный; стал понимать
Отец за решеткой: судьба его злая.
Письмо затерялось – царю не видать).

Отбыл в Сибирь. Сын же правил делами
Старший. За мужем быть в ссылку врач,
Смерть предрекая, перечили маме,
Но каждому молвила строго: «Молчи!»

Я, слава Богу, детей воспитала!»
Самого младшего сына она
Первенца хлопотам препоручала.
Пятнадцать Георгию было тогда.

Василий Петрович по разнице лет их
Меньшему брату годился в отцы.
Весьма образованный, франтом одетый,
Отцом отделен он давно был в купцы.

Жил в Петербурге. «Навек не прощаюсь, –
Мать говорила, детей всех крестя
И всё же прощания слез не стесняясь, –
Мужу с женой друг без друга нельзя».

В ссылке супруги зажили богато –
Не хуже Москвы. Дом родитель купил
И, обставив его с неприличною тратой,
Немыслимо щедрым в округе прослыл.

Всем помогал – никого не чуждался.
Школу, больницу построить успел.
И... нарушая закон, отлучался
Даже в Москву. Кто б держать его смел?

(По суду, уплатить обречен возмещение
Был потерпевшим, а также лишен
Права купцом быть, однако лишение,
Оставшись богатым, сносил всё же он.)

Контракт государь тогда в силе оставил
На хлеба поставку в войска – тот, былой.
(Нашлось, где муку смолоть.) Прежней ж хозяин
Мельницы – с рынка помола долой.

В Сибири нашел в том себе утешенье
Слабое, впрочем, недавний купец,
Царю не однажды из ссылки прошение

О милости славший, чем внял наконец!

Пять лет провел в ссылке. (Жену через года
Три возвратиться в Москву убедил,
Внушив, что вредом себе гневает Бога.)
В обеих столицах царь жить запретил.

Питер простил царю: дом там затратный
Был у него, но Бог с ним! Москвы жаль!
Ругал Александра²⁴: «При мне неповадно
Было б невинных ссылать, будь я царь!

Глупец! Меня миловал с жалости к летам
Моим, а ведь я неповинен!» О том,
Жарко твердил сомневающимся в этом,
Во вдовстве царя обвиняя своем.

Жена, разделяя с ним ссылку, болела.
Едва воротился, в могилу легла.
Как вера ее неуклонно велела,
Последний приют меж своих обрела.

Рогожское кладбище старообрядцев
В Москве было давним. Повез хоронить
Туда, хотя в Царском обосноваться
Успели Селе²⁵. Велел и себя здесь зарыть.

Легко сказать! Тайными, тихими были
Проводы, как наступил час, его.
Из уваженья к отцу, разрешили
Старообрядцы могилу того²⁶.

Под крестом староверов. «В земле, освященной
Родной своей Церковью, должен лежать! –
Город судачил. – Да где был крещеный?!»
Наследство успел детям всё расписать.

Одному сыну – дело всей жизни, всем прочим –
Поровну²⁷. (Вырастил семь сыновей
Родитель за век свой и шестеро дочек.)
Георгий скорбел об отце всех сильней.

²⁴ Имеется в виду император Александр III, известный доброжелательной в целом по отношению к купечеству политикой.

²⁵ Царское Село (ныне Пушкин) носило обособленный от Санкт-Петербурга статус, поэтому на него ограничения местожительства для бывших ссыльных не распространялись.

²⁶ По обычаю, на староверческих кладбищах хоронить можно только старообрядцев. Данные похороны – редчайшее исключение, в чем сыграло роль богатство погребаемого, который жертвовал средства как православным, так и старообрядческим церквям; старообрядческим – тайно, после смерти жены, как бы в ее память.

²⁷ Лишение права быть купцом, которое так и не было восстановлено, не препятствовало лишенному до конца жизни оставаться собственником принадлежавшего ему имущества, в том числе задействованного в коммерческой деятельности, коим один из сыновей – будущий наследник со времени исключения отца из купеческого сословия управлял по доверенности.

Денег родительских, впрочем, хватило
Стать второй гильдии прочным купцом.
В Москве записался. (И сам уж скопил он:
Работал на брата, одобрен отцом.)

Выстроил дом, взял прислугу. Жениться
Недоставало для счастья ему.
Чтоб с именитой семьей породниться
Богатство иметь нужно было к тому.

(Хотел непременно известного рода
Жену себе.) Был он отнюдь не богат,
По меркам таких семей, хоть и породу
В нем выдавали осанка и взгляд.

Его в лучших семьях Москвы принимали
В память родителей (жалость была
Сильна к ним посмертная), но и держали
В тени их. На сердце обида жила.

Старшие братья удачливы были
В торговле и в службе – куда кто пошел
В свою пору. Лестно о тех говорили,
А он к своей славе пути не нашел.

Может быть, он не заслуживал славы?
Обычный купец второй гильдии... Ждал
Чего-то такого от жизни лукавой,
Чем кровь своих предков в себе б оправдал.

Стал богатеть год от году. Подняться
Из второй гильдии всё ж не сумел
В первую. Возраст ему повенчаться
В тридцать пять лет уже прямо велел.

Семью содержать мог в хорошем достатке.
Кабы еще и приданого взять
Приличного, то и мечты его сладкой –
Гильдии первой не миновать.

(Первая гильдия право давала
Торговли заморской, и при дворе
Мог бы являться.) Семья намекала
Одна ему дочь их посватать себе.

Не слишком красива, зато оправдает
Приданным их брак. И наследство ведь ей
Тоже не малое быть обещает...

Себя уговаривал свататься к ней.

Внушал, что любовь после свадьбы находят –
Как у родителей. Так и не смог
Продаться – от тех, кто венчаться приходят,
Пожизненной верности требует Бог.

Гулять до венца – ясно, грех, но уж после
Грех пуще мерзкий – Господь пару дал!
Влюбился внезапно, банально и просто:
Чужую жену для себя возжелал.

Год ею мучился. С ним не случилось
Прежде такого – кого знал глядеть.
Семья ее дружной и верной считалась.
Себе приказал, вспомнив Бога: не смей!

Женитьбой алкал исцелить свою душу.
Брат разорился, Василий, в тот год,
О жене из купечества планы разрушив, –
Громким судом вновь запятнан их род:

Такое сумел брат избыть состоянье,
Таких долгов сделать, что вся бы родня
Их не покрыла, когда бы страданье –
В возмещение тех – нищеты приняла.

Был признан виновным в *фиктивном* банкротстве²⁸.
Георгий за брата безмерно страдал,
Не сомневаясь в его благородстве, –
Одному из семьи тому царь титул дал –

За благотворительность. Личным указом.
(Злословили в свете: дворянство купил.)
С тех пор больше жертвовал раз лишь раз от разу –
Меньше стыдно, за то себя и погубил.

О громком процессе узнал из газеты
Брат младший. Увы, присужденной виной

²⁸ *Фиктивным банкротством* называлось преднамеренное объявление себя неспособным платить по кредитным обязательствам; такой предприниматель брал в долг заведомо невозвратную для себя сумму, после чего объявлял о банкротстве, чтобы не платить по счетам, ибо описанное в счет долга имущество, если таковое имелось, не покрывало долга. Для отличия преступного фиктивного банкротства от простого – не преступного определяющее значение имел умысел, который в данном случае суд счел доказанным в основном из-за общей величины долгов. Трудно было предположить, что должник рассчитывал вернуть сумму, превышавшую не только его собственное додолговое состояние, но и совокупное состояние всех его родных. Во избежание возможности признания банкротства фиктивным требовалось своевременное объявление себя банкротом, когда должник еще мог, хотя бы предположительно, покрыть долги своим имуществом или едва преступил порог полной неплатежеспособности по долгам, что подсудимым не было сделано. Однако очевидно, что в данном случае банкротство намеренным не было: добровольно взять на себя такой стыд для урожденного в уважаемой купеческой семье было немислимо. К тому же судом не были учтены обширная благотворительная деятельность подсудимого и длительный срок ведения дел, не характерные для преступного обогащения путем займов.

Был отнят и титул – прочел и об этом
Георгий Петрович в газете иной.

С братом не вел дел, но всё ж сомневались
И в меньшем, коль старший в тюрьму угодил.
На словах сожалея, любезно держались,
Но взгляды в карман без труда ощутил.

Дочерей дружно прятали. Брат умер скоро
В тюрьме – не сумел долго ношу нести
Тюремных условий, банкротства позора,
Развода с женой, не сказавшей «Прости».

Любил жену крепко. Она ж вновь венчалась,
Прежде чем в гроб лег. Дворянкой была
Знатной, но бедной. Богач был – ласкалась;
Банкрота, слезы не сронив, предала.

«Нет, брат, не ищи ты особое племя
И лучше меня, верь мне, будешь женат», –
Сказал, умирая в тюремной постели,
Георгию, бывшему около, брат.

Завещал хоронить себя тихо и просто –
Как заключенных хоронят простых.
Оттого и о том, что стал житель погоста,
Мало кто знал, кроме кровных родных.

Горем подавлен Георгий был... Ольгу
Приметил на ярмарке людной: ему
Глаза стан обжег ее гибкий и стройный
(Едва скользнул взглядом тогда по челу).

Отметил изящные тонкие руки.
По платью признал: горожанка была
Из строгой семьи небогатой. Разлуки
Тень ясно над встречей случайной легла.

Купец опечалился. Был благодарен
Незнакомке: забилося вдруг сердце в груди
Тревожно и быстро, ему сообщая,
Что счастье еще у него впереди.

«Женюсь на ней», – понял. В ту пору ходили,
Не зная друг друга, они по рядам –
Сестре Ольги старшей приданое шили,
Он же отвлечься от скорби искал.

С сестрой была Ольга. Сперва показалась

Лет своих старше – высокой была.
Культурно, ласкала речь слух, изъяснялась.
Торговку на «вы» называла она.

Вместо невесты-сестры говорила,
Что нужно. Подслушав сестер разговор,
Понял, что вместе с невестой ходила,
Чтоб беспристрастным дополнить той взор.

«Москвички!» – по речи услышал. «Послушай, –
Работнику вымолвил бывшему с ним. –
Упустишь ту девушку, вытрясу душу!» –
«Которую?» – «Вызнай чья! Тенью чтоб был!»

Работник весьма подивился. Что делать?
Следил. Узнавал. Доложил: «Это дочь
Учителя. Были с сестрою. Тесть бедный», –
Работник догадки не мог превозмочь.

«Дальше!» – «Учитель тот прежде в сиротском
Приюте учил – сам он был сирота,
А нынче в гимназии. Мать сестер в родах,
Здоровьем не вышла, небось, померла.

Отец их женат другим браком». – «Сиротка,
Значит, по матери...» Так на него
Глядела, как сватал, смущенно и кротко,
Что тут уж навек полюбил он ее.

Крайнюю юность невесты приметил.
Ей не был памятен. В серых глазах
Равнодушье к достатку в лице своем встретил.
(Мачеху Ольги заметил в слезах.)

«Не робейте дочь выдать – вовек не обижу», –
Родителю молвил. Задумался тот:
«Как Ольга решит». – «Честны сердцем вы, вижу». –
«Так Ольге моей ведь семнадцатый год». –

Выразительно глянул. – «Решай. Мое слово
Крепкое, – Ольге жених тут сказал, –
Покуда я жив, не увидишь худого». –
С ответом просил не спешить. В дом бывал.

Семейство понравилось: добрые люди,
Тактичные: слова не молвя ему,
Что знали, как часто семью его судят,
Дождались, пока сам сказал что к чему.

Учитель вздохнул в ответ: «Вовсе не знаю
Родни своей. Я был подкидыш». На то
Георгий Петрович ответил: «Бывает». –
«Ольгу б отцом не стыдили ее?» –

«Беды ей отцовской не вспомню». – «Согласна», –
В другой вечер тихо сказала она.
Сжал ее руку порывисто, страстно.
Как лед оказалась ладонь холодна.

В руке его нервно и жалко дрожала.
Скоро венчались – венца дольше ждать
Не мог, и меньшей, а не старшей сначала
Сестре пришлось в церкви невестой стоять.

Венчание скромным по трауру было...
«А ведь мечтала уж замуж идти? –
Спустя много лет, в коммуналке, спросил он, –
Вовремя встретился я на пути!

Шустро приданое ты выбирала!» –
Ольга хотела, уж было открыть,
Что жениха сходных лет представляла,
Но мужа боялась она оскорбить.

Промолвила с нежностью: «Мне бы годочек
Одной помечтать еще, я бы тогда
Сразу влюбилась в тебя!» – «Ангелочек!
Дождался ж я радости! Важно ль когда?

Оля, – другим тоном вымолвил – строго, –
Из дома идешь – документы бери,
Деньги. Вернешься ль сюда?» – «Ради Бога,
Этого, милый мой, не говори!» –

«Я вынужден. Оля, не надо бояться
Заранее: многим смертям не бывать,
Одной не минуешь, но надо держаться
Мысли, что нам не вдвоем пропадать.

Ты должна выжить. Любою ценою».
Плакала Ольга, целуя его.
Смешала она, именины устроив,
Родных со служившими в доме ее.

Соня пришла с мужем, с дочкой. Считалась
Между прислугой бывшей она
Теперь за свою, ибо верной осталась,
Как каждый из них. Фекла тоже была.

На Соню она без смущенья глядела,
Ласково, кротко, и что-то сказать,
Спросить о Матвее невольно хотела,
Да неудобно ей было начать.

Она про Матвея и так много знала
От прежней хозяйки. Про то, что живет
С родней как с женой, Соня Ольге сказала.
Та – Фекле. Авось Фекла замуж пойдет!

За что одна старится? Жалко! В столовой
Работала Фекла, и комнату ей
С дочками дали. Судьбой своей скромной
Довольна была. Только снился Матвей.

«Соня, знакомься: сестра моя Люба», –
Представила Ольга. У старшей сестры
Ее были пухлые яркие губы,
Черты же лица некрасиво остры.

Только по росту с сестрой и равнялась
Младшей – красавицей. Разница их
Внешности чувством глубоким стиралась
Между сестер неизменно родных.

Сестру Ольги жизнь никогда так не била,
Как ту, и в богатство ее возвышать
Тоже она никогда не сулила.
Сестре Ольга слез не могла поверять.

Зато чем умела всегда помогала.
И даже теперь – по привычке. Молчал
Георгий Петрович, что в долг ей давала,
Хоть вряд ли он больше ее получал.

«Люба – корректор. В издательстве правит
Рукописи. Самый простой человек! –
Сказала, смущение Сони читая. –
Муж ее в партии. Вот нынче век!» –

«То-то здесь мужа ее и не видно, –
Подумала Соня. – И Гриша вступил
В партию», – слов отчего-то ей стыдно
Стало своих, словно закон преступил.

«Гриша, тебя от души поздравляю, –
Бывший купец ему руку пожал. –
Скрыл, что служил у меня?» – «Не скрываю

От партии правду, – тому отвечал. –

Вы ведь не враг трудовому народу... –
Смутился Григорий. – Зачем же скрывать?» –
Шутит ли тот, говорит ли с ним твердо,
Никак не умел по лицу он понять. –

«Зря не скрыл, Гриша. Другие скрывают». –
Григорий в ответ: «А как скрыть бы я мог?
Книжка одна у меня трудовая». –
«Ты не ловкач, Гриша. Миловал Бог!

Видно, еще поживу я на свете,
Коли людей принимают моих
В партию честно», – с улыбкой заметил
Георгий Петрович. Григорий притих.

«Страсть как охота жить, Гриша. Ну, будет! –
Против слов горьких смеялись глаза
Былого купца. – Труд шофера-то труден?» –
«Мне по душе. Не привыкнуть нельзя». –

«Вот хорошо! Молодец, что дорогу
Выбрал такую». Подумал о том
Григорий, что тоже дрожать теперь мог бы
За жизнь свою. Тестю спасибо! Отвел!

Позже всех к Ольге пришел опоздавший
Сводный брат – был ее мачехи сын
Покойной. (Родитель, жену потерявший,
Вдову с годовалым женой взять спешил.)

Вместе росли. Век Сергея считала
Ольга за брата. Привычка была
Сильна между них. Оттого опоздал он,
Что дом искал долго, где нынче жила.

Об этом смущенно поведал. «Сережа,
Ты ж у нас дважды был!» – «Я был с женой,
А нынче один». – «Найти дома не можешь!
Москвич! Это ж город с тобой наш родной!» –

«Да я... как-то...» Соня, вздохнув, поглядела
На него с пониманьем. Уж сколько жила
В Москве, ничего здесь найти не умела.
Питер с тоской вспоминала она.

Там в свою пору все улицы знала –
По плану застройка была у него.

Москва же без плана всегда выростала
И не легла в память ей оттого.

«Сергей Николаевич. Брат мой», – с улыбкой
Представила Ольга, кто не был знаком.
Будто могли разность отчеств ошибкой
Их счесть, пояснил обстоятельно он:

«Я сводный брат Оли и Любы». – «Сережа!
Какой ты! Ты помнишь, как жил без меня?
Я – нет. Может быть, мы формальность отложим?
Хоть праздника ради! Родня так родня!»

Молча, кивнул. До тех пор не приметил
Ее живота и не знал, куда деть
Удобнее взгляд. Взор же Ольги был светел.
Она и не думала чуда робеть.

Хотелось ей всем, как была, показаться.
Силилась мыслей невольных дурных,
Портящих радость, душой не держаться,
Тем паче гостей не звала в дом чужих.

«Сережа, садись!» Худощавый был, статный.
Светловолос. Стекла толстых очков
Не прятали взгляд, добротою приятный,
Сразу доверье внушавший, без слов.

Был он учитель. Сергею казалось
С детства, что лучше профессии нет, –
Влияние отчима явно сказалось.
Внешне смотрелся одних с Ольгой лет.

Старше на год был. «Да как ты, Сережа,
Свою географию преподаешь? –
Смеялась. – На карте-то всё найти можешь?» –
«Карта – не жизнь. Там скорее найдешь.

Я на бумаге запоминаю
Всегда хорошо всё. А в жизни не дал
Бог память на местность. Извечно плутаю», –
Сам над собою смеясь, отвечал.

Ольга его по привычке бранила
Беззлобно. На зренье плохое она
Рассеянность брата списать не спешила,
Больше простым невниманьем сочла.

Брат ей не перечил. Природная скромность

Его отличала. Застенчивость в нем
Не ощущалась, а только не корысть
Быть в центре жизни. Был книжно умен,

В быту же беспомощен. «Уж прости, Оля, –
В бытность купцом еще муж ей сказал, –
Брат твой к торговле годится не боле,
Чем если бы я вдруг уроки читал.

Каждому место свое». Не просила
Ольга Сергею его помогать
В торговлю идти, но, чтоб мысль не хранила
Такую (а вдруг?), счел сам нужным сказать.

Вообще же роднею жены оставался
Доволен за скромность. Не тайно теперь
С особой надеждой ее полагался –
Случись что, всегда отворят Ольге дверь.

То же он знал о служивших. Носила
Хотя не без страхов, но в срок родила
С легкостью Ольга здорового сына
И ... именем первенца вдруг назвала.

Муж уступил ей. «Ну, пусть будет Лёня», –
Смирясь с решением ее, он сказал,
Все же не скрыв, что любое другое
Имя намного б разумней считал.

«Ах, что мы наделали! – после кричала.
Ольга, – Зачем ты не мог мне помочь
Опомниться?!» – «Я говорил. Настояла.
Я прошлый раз выбрал». – «О, если б нам дочь!

Я так молилась!» – «Дитя окрестили.
На Бога роптать – грех». – Такие слова
Мужа терзанья жены усмирили.
Сына любила пренежно она.

Отец же и вовсе души в нем не чаял.
Всё, что мог сыну теперь передать, –
Громкой фамилии крест; но печален
Не был – претило ему унывать.

Ольга боялась: настанет тот вечер,
Как муж не придет из архива. Любой
День обжигал их разлукой и встречей.
Год минул сыну, и минул другой.

В тридцать втором уж почти утвердились,
Что миновала, должно быть, беда, –
Были б нужны, их уже бы хватились...
Вот разлучиться им пало когда.

Ольга в тот день избежала ареста
Чудом: с ребенком на рынок уйти
Ей довелось, а уж там с горькою вестью
Былой поварихе случилось найти.

На счастье семьи, в этот день заходила,
Их Фекла проведать. Жестокой бедой,
Ольгу найдя, поделиться спешила:
«Ваш муж арестован – была к вам домой». –

«Георгий... Петрович? – «Другой есть? Бегите!
За вами придут. Мне сказал ваш сосед,
Где вы. Не нашла бы иначе. Спешите!
Изловят вас если, хлебнете вы бед!» –

«За что?!» – с горькой мукою Ольга вскричала.
Тут только о муже она поняла
И, рот зажимая рукой, зарыдала. –
«Бог весть... Я вам не забуду добра.

Вы нас с Матвеем тогда-то простили.
Ведь выгнать могли! Не виню я его,
Что он не женился. Мы счастливы были
Хоть малость, и жизни спасибо за то.

Он мил мне один до сих пор. Умоляю,
Прошу вас: Матвея коль встретите вы, –
Вы будете живы – я верю, я знаю,
Скажите, что помню его». – «Уходи.

Тебе ни к чему чтоб нас видели вместе».
Розно сокрылись в шумящей толпе...
Соня услышала весть об аресте
Былого купца – слухи шли по Москве.

От горя ходила насилу живая.
Молилась. Всё думала. Улицей шла,
Вдруг оклик услышала Ольги. Не зная,
Как выразить радость, к куме подошла.

«Ольга Ивановна!» – «Сонечка, тише.
Я никому повредить не хочу». –
«Значит, всё правда?» – «Слова тут излишни...
Ты, как сумеешь, поставь уж свечу.

За упокой». – Соня ахнула: «Боже!» –
«Чему удивляться? Меня не узнать
Ты в другой раз без стеснения можешь.
Обиду не стану за это держать». –

«Ольга Ивановна, что вы!» – «Встречала
Таких... И сама бы я мимо прошла,
Да очень уж больно». – «Родни не бежала.
Всегда подойду, как теперь подошла». –

«Спасибо. Ох, тяжело мне, Сонечка. Худо.
Я загляну к тебе. Можно? Потом.
Когда-нибудь». – «Хоть на другое же утро!
Муж будет к сестре. Чай спокойно попьем». –

«Спасибо. Прощай!» Другой день был воскресный.
Ольга Ивановна к Соне пришла
И, явно боясь повредить этой встречей,
В дом ее с ясной улыбкой вошла:

«Какая хорошая нынче погода!» –
«Метель за окном. Что ж хорошего-то?» –
«Я зиму люблю – время чудное года!» –
«Мы с вами одни. Больше нет никого.

Соседи уехали нынче». – Слетела
У Ольги улыбка мгновенно с лица.
Прошла она в комнату медленно, села
И плакала. Мнилось: слезам нет конца.

«Не утешай меня, Соня. Не надо.
Я и пришла к тебе ведь оттого,
Что выплакать горе отчаянно рада.
Про мужа хочу рассказать своего». –

С трудом успокоилась внешне. Играли
Дети подруг, двое те меж собой
Горькую речь вели. «Так ... расстреляли?» –
Соня вопрос не сдержала такой. –

«Нет, Сонечка. Пули ему пожалели!
В рубашке его на мороз отвели
И там истязали! О, лютые звери!
Признаний каких добивались они?!

Мы честные люди. У нас всё отняли.
Всё до копейки! Единственный мой!
На лютном морозе водой обливали,

Били... В тюрьме умер». – «Боже ты мой!» –

«Я тоже умру. Без него жить не буду.
Ты знаешь, узнала о нем отчего?
Такое и в книге-то выдумать трудно!
Служил человек у нас очень давно.

Три года служил. От нас взяли в солдаты.
Читать не умел, а теперь занял пост.
Приехал с шофером, одет был богато.
Жила у сестры. Разыскал! Он не прост.

“Вас, – говорит, – со дня в день арестуют.
И вашу сестру – она вам помогла.
Возьмите фамилию срочно другую.
Мужа не ждите. Уже вы вдова”.

Всё рассказал. Говорил очень просто,
Обыденно. Думал ли он напугать?
Кажется, нет. Мужа после допроса
В камеру бросили умирать.

Дышал еще сутки. О, бедный мой! Жили
Так мало мы в радости! Если б любить
Всегда, как теперь! Я ведь даже к могиле
Его никогда не сумею сходить!..

Вдумайся, Сонечка, где закопали?
Как? Ни креста нет, ни камня о том,
Без гроба, наверное, – будто предали
Собаку земле. В страшный век мы живем!

О главном теперь. “Да откуда ты знаешь
Подобности смерти? – вопрос задала
Былому слуге. – Ты меня не обманешь? “ –
“Если б! Простите, виновен и я.

Мне об аресте тотчас доложили
Вашего мужа. Вмешайся в его
Судьбу я, меня бы с ним вместе закрыли,
А барину смерть так и так – всё одно.

Враги у меня есть. Они замышляли
Подставить меня! То, что я вам служил
Когда-то давно, проходимцы узнали...
Потом разузнал всё, что сделали с ним.

Всё это подстроили. Муж ваш держался
Редко. В его годы! Вы должны знать:

Георгий Петрович ни в чем не признался,
Но вас в Москве ищут”. – “Куда мне бежать?!” –

“Прочь из Москвы!” Уезжать не хотела.
В ответ чертыхался, но понял. Какой
Стал важной персоной! Сказал, чтоб не смела
Поминать его имя и что был слугой.

Соня, поздравь: за Сережу – за брата
Вышла фиктивно. Не отказал
Фамилию дать свою, хоть и женатый.
Теперь за меня двоеженцем брат стал.

Большого он сердца. Прямой, благородный,
Чистый! По крови ничуть не родня,
А как он рискует! Был брат бы природный,
Едва ли бы больше сумел для меня».

Соня молчала. Мешала ей сила
Какая-то словно теперь говорить.
«Перед Сережи женой согрешила, –
Ольга вздохнула. – Но как было быть?»

Надя всё знает. Я редко встречала
Равную Нади с Сережей любовь!
С ним, обрученной другому, бежала
И говорит, что бежала бы вновь.

Тайно венчались. Горжусь своим братом!
Соня, подумаешь ли о нем,
Взглянув на него, что он может, коль надо?
Был у них сын, но давно умер он.

Детей больше нет». – «Как же вас расписали?» –
Соня спросила. Пред взором ее
Картины одна другой злее вставали. –
«Рискнули мы, Сонечка. Нам повезло.

Назвались с ним вдовыми. Нас не спросили
Свидетельств о смерти – и в загсе бардак!..
Печати поставили да отпустили –
Сжалился Бог надо мною никак.

Вскоре по “свадьбе” мне комнату дали.
Ясно ли, Сонечка, кто хлопотал?
И с “мужем” жилье нам делить наказали,
Чтобы нас всякий семьею считал». –

«Это абсурд!» – «Но куда нам деваться

Было? Вот так и ушел от жены.
Ходит тайком к ней! – Тут Ольга смеяться
Хотела, но смех вышел нервным, увы. –

Зачем я живу? Наложить легче руки!
Сережа сказал, что он Лёню возьмет,
Если уж что». – «Что вы!» – «Сколько же муки
Изведал мой муж! Мог ли знать, как умрет?

Скоты! Чернь! Я слов бы других не жалела,
Тебя стыжусь, Соня. Муж знал языки!
Он был образован! Уехать мог смело!
Какие же были мы с ним дураки!

Пусть бы хоть где жить, хоть как, но далёко!
Сестра отстранила меня от себя, –
Дóлжно, нервы со страха». – «Но это... жестоко!» –
«Не очень виню. У нее ведь семья.

В первые дни бы без Любы пропала.
А тут мы с ней встретились улицей раз,
И ... сделала вид, что меня не узнала...
Тебе, Соня, страшно?» – «Нет. Только за вас.

Я ведь привыкшая. Обыски были,
Как себя помню. И нервы мои
Еще в раннем детстве они закалили.
За вас не боюсь ни сумы, ни тюрьмы». –

Соня спокойно об этом сказала,
Сдержанно. Будто о том говорить
Даже и лишнее. Время бежало.
Вспомнила Ольга: пора уходить.

Соня до двери ее проводила.
Обе прощались с краской стыда:
Соня – что денег принять попросила,
Ольга – что, гордость смиряя, взяла.

Соня была внешне женщиной кроткой,
Сдержанной в чувствах. Бывший купец
Едва ль на нее взгляд и бросил короткий
За жизнь, но потряс его страшный конец.

Гриша вошел. Поглядел он на Соню.
Жена перед ним – ни жива ни мертва.
Плачет беззвучно. В глазах ее горе.
«Что с тобой?» – Всё рассказала она. –

«Людей как собак, без суда, убивают!» –
«Сонечка, это враги говорят». –
«Какие враги?! Коммунисты скрывают,
Что в тюрьмах с безвинными нынче творят.

И ты коммунист». – «Я не сделал дурного.
Я только шофер». – «А ты б мог сотворить
Такое для партии по ее слову?» –
«Соня, ты что?! Не способен убить!

Очень мне сей разговор неприятен...» –
«Прости. Я куму лишь жалею свою
И мужа ее. Мой им долг неоплатен.
Люби, Гриша, партию дальше твою!» –

«Причем же здесь партия?! Если убили
Купца, то причиною злоба была
Тех, кто убил. Должно быть, осудили
Убийц, но об этом не знает кума». –

«Какой ты наивный! Да он был ведь *бывший*
Купец. Он был служащий к смерти своей!
За что же дожить ему не дали, Гриша?!
Сыночек остался...» – Муж сделал шаг к ней.

Жена отступила. – «Убили садисты.
Преступники. Варвары. Но почему
Запятнаны все для тебя коммунисты?» –
«Не коммунисты ль закрыли в тюрьму?»

Не сразу на это нашелся ответить:
«У партии, Сонечка, много врагов, –
Потом попытался Григорий заметить. –
Сразу ведь трудно понять, кто каков.

Пока разберутся!» – «Пытать, что ли, нужно,
Чтобы понять? – проронила жена.
Взгляд испытующий бросив на мужа,
Вдруг торопливо его обняла. –

Прости меня, Гришенька. Жить одно вместе...
Я уж сама своих слов не пойму...
Злое меня подкосило известье». –
«Да мне что ль по нраву оно самому?!

Зверь что ли я?! Как кума-то?» – «Страдает.
Ищут ее. Мне скажи: отчего?!» –
«Ошибки всегда, везде, Соня, бывают.
Должно, оговор был на мужа ее.

Шибко имел он завистников много». –
«В прежнюю пору». – «И в церковь ходил.
И не скрывал, что он верует в Бога.
Сам, горемычный, себе навредил.

А Бога-то нету!» Архиповы жили
От церкви далёко, когда им детей
Растить пришлось. В церковь те редко ходили
И не ощущали приверженность к ней.

В буднях советских без боли отпала,
Как старая падает змей чешуя,
Крупница той веры, что мать им внушала,
Потерей нисколько сердца не коря.

Соня вздохнула. Религию с Гришей
Не обсуждали: Григорий, поняв,
Что прежних обычаев сердце в ней ищет,
Не шибко стремился показывать нрав.

Пусть жена верит! Чтоб только от дома
В неближнюю церковь бывала бы та –
Встретить неловко дорогой знакомых.
Вдруг *понял* о смерти. Нашла дурнота.

На стул повалился. Вздохнул: «Коль увидишь
Куму, передай сожаленья мои.
Скажи, что всегда рад помочь». – «Не обидишь,
Я знала, напрасно ты бедной вдовы».

Гриша обнял жену. Та со смиреньем
Объятие встретила. Он целовал
Ее, торопясь закрепить примиренье,
Но поцелуй в ней протест вызывал.

Умом понимала: винить невозможно
Гришу ни в чем, но коль был коммунист,
То ощущала невольно всей кожей,
Что всякого зла коммунистов нечист.

14. Разговор по душам

Осенью Ольга опять заглянула.
Робко. Несмело. Слова передать
Ей Соня сочувствия не преминула
И денег, как прежде, хотела той дать.

«Нет, что ты, Сонечка! Я на работу
Устроилась. Веришь ли? В школу глухих.
Учителем. Я не доставлю заботы
Нахлебницей быть никому из своих.

И так все рискуете. Как это, Соня,
Всё удивительно: если б мне знать,
Каких замечательных Бог в нашем доме
Людей собрал! Право, таких не сыскать!

Все верные, чистые. Все совершенно
Искренне сразу спешат мне помочь,
Как слышат про горе. Чекисты ж не дремлют:
Сестру мужа взяли не так давно в ночь.

Уже расстреляли... Я только узнала.
Есть от кого. Тут мой муж ни при чём –
Не по его она делу попала», –
Ольга вздохнула о горе своем.

Вздрыгнула Соня. – «Да сколько ей было?!» –
«За шестьдесят. Только не говори,
Что приговором тебя удивила.
Убивать стариков мастера в наши дни!

Большого геройства не надо! Ах, Соня, –
Заплакала Ольга, – не слушай мою
Боль, слушай лучше сейчас про другое.
Я думала, мужней родни не люблю.

Добра я от них никогда не видала.
О вдовстве узнала, тогда лишь пошла
К ним по своей воле – как бы молчала?
Кто ближе всех жил, к тем скорее дошла.

Александра Петровна дверь отворила –
Сестра его. Я ей с порога: «Убит».
Она в кухне чаем меня напоила:
«Пей, Оля. Горячий». О брате молчит.

Потом уже обе мы с ней разрыдались.
«Брат, – говорит, – тебя очень любил».
О давнем грехе я заплакала, каясь.
Она мне: «Георгий тебе позабыл».

Всей семьей знали! Прощались родными.
В первых днях осени... в полночь... вошли.
Мужу золовки моей предъявили,
Что он верит в Бога! Вот вины пошли!

Александра Петровна: «Я тоже верю.
Обоих берите». Был муж у нее
Богатый купец из семьи староверов.
Она – нашей церкви. Злодеям – одно:

За всякую веру лишит жизни рады!
У мужа золовки родня-то живет
В Париже давно. Пишет там мемуары.
Уехали сразу – в семнадцатый год.

Его в письмах звали с Россией расстаться.
«Я не поеду», – сказала жена
Давно еще. Вынужден был с ней остаться.
Большая любовь у них, Соня, была...

Их дочка пришла ко мне, всё рассказала.
Она арест видела. Я для нее,
Не для себя, про расстрел их узнала.
Не знать, Соня, – пуще всего тяжело».

Соня вздохнула. Потом догадалась: –
«Ольга Ивановна, я б никогда
С чекистом, что мужа предал, не общалась!» –
«Верю. Ты в принципах очень тверда.

А я сама грешница...» – «Можно ль сравненье!» –
«Соня, он мужа не предавал.
Он не помог лишь, себе во спасенье! –
Ольги лица был печален овал.

Медленно, будто урок объясняла,
Она говорила: – Жена у него,
Две дочки... За что бы винить его стала?» –
«Ему ведь... не нужно от вас ничего?» –

«Нет, Сонечка, – Ольга в ответ рассмеялась. –
Сколько мне лет! А жена молода...
Дал мне свой адрес. Семья оказалась
Его очень милой». – «Чекиста семья?!» –

«Дома он муж и отец, успокойся.
Он просто пámятлив. Мне говорил,
Что может помочь по любому вопросу,
Но если уж кто-то в тюрьму угодил –

Вызвoлять не рискует. Узнать ж – всегда можно
О дальнейшей судьбе. По Москве. Ох, понять
Без личного опыта невозможно,
Что значит безвестно родных потерять!

Это такая боль! Помню, ходила
Словно в тумане, почти не спала...
В уме лишь одно только: жив иль могила?
Тут горькое знáнье за радость сперва». –

«А разве иначе никак не узнают
Об арестованных, люди, родных,
Чем если знакомства у них вдруг бывают?» –
«Узнать очень, Сонечка, трудно о них:

Обычно боятся в родстве признаваться,
Да и не всякий тотчас же смекнет,
Куда за известьем ему обращаться.
И правду ли скажут – вовек не поймет. –

Слезы утёрла. – Скажи свои вести». –
«Я жду ребенка, – спешила сказать
Соня второй после мужа известье. –
Гриша велит только сына рожать.

Кормит меня на убой. Он счастливый!» –
«А ты?» – Соня молча взглянула в глаза
Подруге. Ответа ждала терпеливо
Ольга; в словах торопить тут нельзя. –

«Ольга Ивановна, даже не знаю.
Неблагодарна я, верно, судьбе.
Сами судите: сыта, не хвораю,
Муж мой внимателен, нежен ко мне.

Он добрый, он честный. Мы с ним не без крова.
У нас растёт Тоня – чудесная дочь.
Под сердцем ношу я ребенка другого
И верю, что Бог должен с сыном помочь.

Но я... Я несчастна... Мне стыдно пред вами.
Вы пережили такое... а я
Вас буду напрасно тревожить словами,

В которых тоска без причины моя». –

«Сонечка, в жизни всему есть причина.
Скажи всё». – «А если не будет любить
Гриша ребенка? Он так хочет сына!
Вдруг будет дочь? Как же ей потом жить?» –

«Полюбит. Успеет». – «Теперь без работы
Осталась: муж просто заставил уйти,
Сказав, что мне с пузом довольно заботы.
Я поперек не посмела пойти –

Уволилась». – «Это естественно, Соня,
Что Гриша, узнав состоянье твое,
Тебя бережет». – «Если завтра уволят,
Посадят, убьют, покалечат его?!

А живота-то еще и не видно –
Срок маленький! Я бы работать могла.
Потом бы в декрет ушла. Очень мне стыдно
Того, что боюсь не за мужа ведь я!

Сердцем-то мне всё равно, что с ним станет.
Я, Ольга Ивановна, только о том
И думаю, как нас без хлеба оставит
Смерть его». – «Полно тебе о дурном!

Сонечка!» – Ольга Ивановна села
Ближе. Вздохнула тут Соня: – «Назвал
Гриша уж сына... Иначе б хотела,
Да имя мне выбрать ни разу не дал». –

«Отчего так?» – «Бог ведает. Очень упрямый.
Спорить бессмысленно. Всё он один
Решает всегда. Я бы в спорах устала». –
«А ты бери лаской. Мой – ласку любил...»

Вновь Соня вздохнула: «Я так не умею
Как вы, должно быть». – «Ты ведь тоже жена.
Что без любви выходила, не верю,
Хотя не спросила тебя никогда». –

«Почему нет?» – «Человек очень тонкий
Ты, Сонечка, – вряд ли смогла бы». – «Любить
Гришу хотела, идя, да вот только
Обман над собой мне пришлось сотворить...»

Я, Ольга Ивановна, прежде любила
Другого...» – Историю первой любви

Подруге поведала, как оно было. –
«Всё это давнишнее. Мужа люби». –

«О, Гриша хороший, но я вспоминаю
Своего офицера. А вдруг он живой?
Я ведь наверное смерти не знаю!
Что было б, венчайся он тайно со мной?

Я никогда не добуду ответа!» –
«Вдруг бы счастливей, любимей была?
Сонечка, что ты! Мираж ведь всё это!
Раз ты не с ним, значит, вам не судьба.

Я помню себя: тоже так рассуждала
В юности: муж ведь носил на руках!
А я героиней романа мечтала
Побыть... О, роман удался бы! Жизнь – страх.

Беды не наклей. У всех недостатки
Есть». – «Когда любишь, то их забывать
В покорности чувству, пожалуй, и сладко,
А как нет любви, где терпения взять?

Я крест свой несу. Гриша – муж перед Богом.
Пусть даже невенчаный. Детям отец.
И он... коммунист». – «Ну, а что в том такого?
Разве один коммунист и подлец?

Многие очень теперь коммунисты.
Из благородных есть даже – тем жить
Очень уж хочется. Все, что ль, чекисты?
И те не все сволочь! Я вправе судить». –

«Спасибо вам... – Соня смущенно призналась,
Переведя дух: – Изнемогла
Я, Ольга Ивановна, – мужа касалась,
А на уме... что сказали тогда». –

«Соня, я мужа убийц проклинаяю.
Причем здесь Григорий? Я даже о том,
Были ль те в партии, твердо не знаю...» –
«Убийцы... лишь те, от чьих рук умер он?

А что в деревнях? Что в церквях? Власть безбожна!» –
«А школы бесплатные? Людям жилье?
Медицина? Во всем видеть зло невозможно!
Мне, Соня, – честь в школе мое.

Большие подвижники все педагоги!

И что из того, если пользу творят
С мыслью о партии, а не о Боге?
Плоды их трудов за себя говорят.

Есть и как я – те, что личным примером
Постигли беду... Соня, знаешь: глухих,
Как и всех прочих, берут в пионеры!» –
«Полезы я в этом не вижу для них...

Какая вы ...славная! Как говорите! –
Воскликнула Соня чуть-чуть погодя. –
Простите меня, умоляю, простите!» –
«Мой муж ценил Гришу. Уж верно не зря.

Знаешь, как совесть о мертвом-то мучит?
Я скверной женой была. Пусть мой пример
Тебя беречь счастье скорее научит.
Четвертого носишь – в уме ж офицер.

Дала бы я дорого, чтоб поглядела
Ты, Сонечка, если он жив, на него.
Небось, пулей к Грише б домой полетела!
Вы – посторонние люди давно». –

«А я вчера шла... мне в толпе показался». –
«Господи, Соня! Что делать с тобой?
Родишь – поумнеешь. И кто б догадался,
Что бредишь за тридцать такой ерундой!

Ты мне не верила? Раньше б сказала!
Давно б вразумила тебя!» – Соня вдруг
Невольно всем телом своим задрожала.
В лице у нее отразился испуг: –

«Вам я не верю?! Подумать такое!
Я... не привыкла души открывать.
Клянусь, что ни в радости ближе, ни в горе
На всем белом свете мне вас не сыскать!» –

Заплакала Соня. Не относил
Ольга рыдания ее на себя. –
«Поплачь, легче будет, – она говорила. –
Люби мужа так, будто завтра вдова.

Вдовой тяжело жить. Очень мне одиноко.
Днем – еще ладно, а ночью ложусь,
И память о муже терзает жестоко.
Ужели не свижусь, не прикоснусь?

Если б он жив был! За ним бы ходила
Пусть даже калеккой. Сережи жена
Вопросом недавно меня поразила:
«Уже с моим мужем, небось, побыла?»

Ревнует! Мне легче в петле удавиться!
Это ж мой брат! Он на кухню идет,
Когда я ложусь, потом тоже ложится.
Один на диване. Свой взгляд бережет.

А я бы нисколько его не стеснялась.
Встает всегда первым. К жене ходит он,
Жив, здоров – счастье! О чем заругалась?
Сейчас развестись с ним робею – потом».

В зеркало Ольга почти не глядела.
Зачем теперь? Вдовья ее голова
С последней их встречи весьма поседела,
А всё же приметна осталась она.

Одета была давно просто и бедно,
Но пламень осенней ее красоты,
Подернутый пеплом страдания, тлел в ней,
Делая глубже и мягче черты.

«Соня, прошу я, будь с Гришей нежнее.
Кто знает судьбу?» Пришел Гриша домой,
Когда Соня дверь за кумою своею
Давно затворила. Уставший, худой.

(Уже на механика он отучился.
Работал в две смены. Механик-шофер
Работник был нужный и очень ценился.)
Жены встретил нежный и ласковый взор.

Давно бы так! Соню любил он безумно.
Хотела учиться – не отпустил:
Читать-писать может, чего еще? Умной
И так через меру жену находил.

Пошла на работу, Григорий боялся,
Что кто ей понравится вдруг. Детский сад
Местом работы опасным казался:
Бывает, отцы туда ходят, глядят.

Да и директор ведь тоже мужчина...
Ее б и на улицу не отпускал,
Когда б было можно. «Кума заходила...
Хороший мой, Гришенька! Как ты устал!» –

Сама подошла к нему, поцеловала.
Гриша растаял – подобное с ней
За годы их жизни нечасто бывало.
Привык он прощать уже сдержанность ей,

Невольную холодность. В мужа объятьях
Была не без радости, как он судил,
Но посторонний скорей наблюдатель...
В ту ночь удивлен и растроган вдруг был.

15. Арест Матвея

Матвею печальные вести сказала
Соня, когда тот в Москву приезжал
Вскоре, и, слов ожидая, молчала.
Но и Матвей напряженно молчал.

Терялась уж дочь, что молчание значит,
Когда произнес: «Я ведь знал!» – Отошел
К окну, чтоб не видела, как слезы прячет,
И сил на другие слова не нашел.

«Помнишь еще своего офицера? –
Когда провожала, спросил. – Для тебя
Быть лучшим отцом хотел, жизни примером.
Не удалось? Уж прости ты меня». –

«Папочка! – Слезы у Сони катились.
С отцом, может быть, за всю жизнь в первый раз
Они в общем горе неожиданно сроднились,
Хоть горе не первое было сейчас. –

Папа, прости меня... Я ведь любила
Всегда тебя. Пусть не как маму... Порой
Нас сама жизнь, словно рок, разводила,
Но ты мне всегда оставался родной. –

Поцеловала отца в щеку нежно. –
Я счастлива. Не в чем судьбу мне винить». –
«Ох! Не на то были наши надежды,
Чтобы людей неповинных губить!

О справедливости, Соня, мечтали.
О новом порядке, где всем по труду.
Был и достаток бы... Мы проиграли,
Хоть вроде и выиграли эту войну.

Когда это вышло? На что я старался?..
Меня братья-сестры тревожат твои,
Да говорить я о том не решался...
Со Степанидой не ладят они.

Она виновата. Тут надо признаться:
Большую ошибку вдовцом совершил,
Послушал тоску когда, с нею связаться.
Но и прогнать ее нет моих сил.

Стеша не злая. Несчастливая просто.
Выкидыш был... Я не больно дитя
Хотел – живем бедно, а ей горе. Больше
Не будет детей – врач сказал, не шутя.

Стеша, как только про это узнала
(Ты мать – пойми), втрое больше бранить
Братьев-сестер твоих, Сонечка, стала.
К тебе все просились, но где же им жить?» –

«Устроятся, папа! Я ждать их всех буду», –
Соня ответила. – «Грише скажи,
Что доброты его я не забуду,
Коль не обидит. Таких поищи!

Свезло тебе, Сонечка. Нюра за мужа
Скоро пойдет; вот вернется Степан
Из армии – он второй год уже служит,
Поженятся. С Настей сложнее: изъян.

Да и сама на парней не глядела». –
«Легче отдам в Москве. Рада принять.
Пусть все приезжают. И верно – не дело
Зря молодым на селе пропадать!»

Так и решили. И Ваня и Саша
С радостным чувством собрались к сестре.
Уехали быстро. Их сестры – не сразу:
Нюра решила ждать свадьбы в селе.

Совсем уж недолго осталось дожидаться.
А Настя и рада бы ехать была,
Но стала в решении вдруг сомневаться,
Поскольку... с лет детских была влюблена.

Какой же он был, никому не известный
Герой ее грез? Ту загадку решить
Можно легко было: втайне невестой
Брата Степанова чаяла быть.

Борис был похож с виду очень на брата –
Летами погодки и крови одной.
(В округе их путали даже когда-то,
Как близнецов.) Но различились душой.

Степан был смелее. Он Нюру открыто
С детства невестой своей называл.
Борис, меньший брат, любил Настеньку скрытно,
Ее тайным чувствам в душе отвечал,

Но ей не признался. Тут, может, и в Насте
Самой было дело: как Нюра была
Раскованной, шедшей осознанно к счастью,
Так Настя закрытой и гордой слыла.

Борис робел. Настя ни словом, ни взглядом
Не намекнула ни разу ему
(Как он ей) о чувствах. Хотя жили рядом,
Оба свою упустили судьбу.

Оба не знали, что в сердце другого.
Не торопилась в столицу: ждала
Настя. А вдруг? Вдруг он скажет ей слово:
«Останься!». Но дома напрасно жила.

Борис ушел в армию. С Настей простился
С трудом, запинаясь: в душе понимал,
Что зря о своем с нею чувстве таился.
Втайне красавицей Настю считал.

Наружно пускай грубовата собою
И неуклюжей походки не скрывать,
Она с гордо поднятой головою
По жизни себя научилась носить.

Настя уехала. Быстро сыскала
Соня ей мужа: партийный, москвич,
Цеха начальник, не беден был – знала,
По имени-отчеству Нестор Ильич.

«Быть холостым в тридцать лет несолидно, –
Он рассуждал, – да и должность моя,
Требует, чтобы жил честно, не стыдно.
А на свиданья ходить... так когда?»

«Времени нет!» Приглянулася Настя
Тотчас – столь скорого чувства не ждал.
Сам подивившись, нешуточной страстью
С первой же встречи он к ней воспылал.

Сердца смятенью ту понял повинной.
Настеньку Нестор Ильич находил
Очаровательной: скромной, невинной.
А ноги? Ее на руках бы носил!

Сразу посватался. «Если откажет,
Софья Матвеевна, вы никому
Больше не сватайте. После “да” скажет.

Я ее с первого взгляда люблю». –

«Нестор Ильич, да что вы?!» – Но ответа
Зря опасался – согласие дала.
«Если Борис равнодушен, что ж, нету
Мне права на счастье?» – судила она.

Да и жених недурён оказался:
Надежный. С характером, правда, ее,
Ставши ей мужем, не очень справлялся.
Уж очень прямой, резкий нрав у нее.

Настя что думала, то говорила.
Сразу. В отца уродилась она
(Как уже молвилось); красноречива.
Женою не слишком уютной была.

Зато чиста сердцем. Супруг, понимая,
Что от правдивости лишней ее
И ссоры выходят порою, прощая
Резкость, влюблялся всё пуще в нее.

Настенька очень хотела ребенка,
Но не случилось. Супруг обожал
Настю. Той не было замужем горько:
Ничего не жалел для нее, наряжал.

Ценила глубокое явное чувство
(Муж ревновал не на шутку жену).
Нельзя сказать, что в душе ее пусто
Было: весьма привязалась к нему.

Со службы вернулся Степан. Вмиг женился
На Нюре. Уехал в Москву с ней. Борис
Из армии к той поре не воротился,
Оттого оба брата ареста спаслись.

В ту пору по селам катились аресты
Пуще, чем в городе, даже. Матвей
Идею колхозов воспринял, по чести,
Лучшей из многих советских идей.

Оно-то, конечно, имущества жалко,
Особенно лошадь, но всех убеждал
Шедших в колхоз тяжело, из-под палки,
Что Сталин к их благу колхозы создал.

Землю делить – всё равно тяжело будет
Соблюсти равенство: в селах живут

С разными судьбами разные люди;
Силушка есть, есть семья – наживут.

Коли ж вдова аль кто силой слабее,
Аль дети хворают, аль мало детей,
Аль вовсе бездетные, – те всех скорее
Скатятся в бедность. Колхозы верней!

Все будут работать, и все будут сыты.
Имущество общее. Люди в селе
Любили Матвея, не то быть бы битым.
Открытый и честный, тянул он к себе.

К нему из округи крестьяне ходили,
Чтоб их рассудил; с душой споры решал.
Всегда помирясь от него уходили.
Матвея недаром народ уважал.

А сам он темнел лицом: слышалось часто
Один арестован, другой... Для купца,
Хоть бывшего, ждал он такого несчастья,
Но для крестьян не предвидел конца.

Крестьяне ж! И крепких их брали, и нищих,
А то средников: ну, корову у них,
Лошадь да птицу какую отыщут,
Утварь – и всё. В кулаки сразу их.

Сколько таких по округе уж взяли!
Достатком известен один Журавлев
Да брат у Матрены – в колхоз всё отдали,
А им всё одно пал ярлык кулаков.

Брата Матрены пустили: с позором,
Страх не тая, воротился в село.
Как уж вернулся? Тут умер он скоро:
Не били, но сердце его подвело.

А Журавлева совсем, видно, взяли.
Его ненавидели. Вместе с детьми,
Каких на селе в эту пору сыскали
(Кроме дочки – Тамары), в тюрьму увезли.

Донос был. Его стало жалко Матвею
Пуще других. Не что сват. Вспоминал,
Как ночью на двор он пришел к Алексею,
Как тот говорил с ним и как не предал.

Хороший ведь был человек! Деловитый!

Недаром дружили их семьи потом.
В селе удивлялись тому неприкрыто,
Хотя рассказал всё Матвей о былом.

«Дружить с Журавлевым? Последнее дело!» –
Считала молва. Об аресте узнав,
Село, словно улей пчелиный, гудело,
Радостью злобной страх первый поправ.

«Ну, наконец-то! Теперь коммунисты
Уж не ошиблись! Они кулаки!» –
Слышал Матвей. Раз вступился речисто:
«Они работяги. А вы – дураки!» –

«Родня твоя! Только за то защищаешь!
От вражьего отпрыска внука небось
(Дочь с месяц как отдал) уже ожидаешь?» –
Звучала в словах говорившего злость.

«Когда внуков дать, жизнь сама разберется.
Никто не указ тут, – Матвей отвечал. –
А говорю что на сердце придется:
Я на достаток чужой не серчал.

И не завидовал. И о доносы
Не замарал рук». Стекался народ
Послушать его на базарную площадь.
При всех говорил Матвей. Важно ль, что ждет?

Какой-то азарт охватил его даже –
Сказать всё. Успеть. Ощущал он себя
Вновь агитатором: «Это не важно,
Слыла ли богатой в округе семья.

Все мы крестьяне, все мы трудились.
И Журавлевы не меньше иных!
Крестьяне друг с другом напрасно схватились.
Один только враг у людей трудовых –

Капиталисты заморские. Это
Они коммунизм уничтожат легко,
Они подлецами ославят по свету,
Коли в доносы уйдем глубоко.

Мало ль уже мы людей потеряли
В гражданскую? Может быть, помните вы,
За лучшую жизнь люди кровь проливали,
За то, чтоб все стали правами равны?!

А нынче? Позор!..» – Даже плюнуть хотелось
Матвею в запале. Себя удержал.
Скоро в ответ на подобную смелость
Арест бела дня средь его ожидал.

Кто-то донес. Ну, ему не впервые
Быть арестованным. Обнял Матвей
Стешу – и в путь. Чем аресты иные,
Этот всех больше был сердцу страшней.

С первой минуты серьезней казался
Былых злочключений, спокойно хотя,
Страх утаив свой, он с виду держался.
Камера тесной и душной была.

Много народу. Прилег где-то с краю.
Быстро стемнело. Холодная ночь,
Теменью долгой пугающе злая,
Едва ль от боязни способна помочь.

Проснулся с рассветом. Здесь люди иные,
Чем в прошлой тюрьме (он невольно сравнил).
Там были идейные и волевые –
Случайных людей, понял, царь не садил.

Они на что шли и за что понимали.
А тут разношерстный собрался народ,
Но в основном молодые крестьяне.
Причину ареста редчайший поймет.

Между собой разговор вели мало.
Всем было страшно. Тюремщики злы
Пуще, чем царские, – как создавала
Природа нарочно всех их для тюрьмы.

Лица жестокие, бранные речи –
Вот чего с роду Матвей не терпел.
В войну относились по-человечьи.
Жалеть политических всякий умел.

Их при царе и отдельно сажали
От уголовных, а нынче не так –
С ворами, с убийцами вдруг уравнили.
Почти не кормили, но это пустяк.

Лишь к ночи допрос. Показалось Матвею,
Когда в кабинет коридором вели,
Что Журавлева признал Алексея.
Потом догадался: нарочно свели.

Кивнули друг другу. Избит тот был страшно...
Вел дело их следователь молодой.
В пользу работы своей верил страстно.
Себя большевик в нем узнал пожилой.

И он был таким – безоглядным, идейным...
Начали с общих вопросов. Матвей,
В свое красноречье отчаянно веря,
Решил разговор вести с мысли своей.

«Сынок, – перебил он допрос протокольный, –
Ведь я не впервые в тюрьме-то сижу.
Еще при царе был. За то мне и больно.
Не думал я, что при своих угожу». –

«Ты большевик?» – «Большевик и колхозник.
И агитатор был». – «Что ж ты сейчас
Смуцаешь сельчан своих даром, негодник?
За кулаков заступался не раз». –

«Лишь раз говорил... В кулаки зачисляю
Крестьян, кто всегда жил наемным трудом,
А сам не работал. Таких презираю,
Но нет их в округе». – «А что Журавлев?» –

«Всегда он трудился. Работники были
В помощь, но как подросли сыновья
Меньшие, так разу тех всех отпустили». –
«Глава семьи – сват твой?» – «Да. Спас он меня...»

Я вам расскажу свою жизнь, обождите,
Покуда закончу, а после со мной
Всё, что вам совесть позволит, творите.
Мне слушатель нужен в час этот ночной». –

«Ну, говори что ли». – Начал на совесть
Рассказывать громко Матвей. Записать
Слушавший думал для дела, как повесть,
Позволив Матвею судьбу рассказать.

Да мало нашел в той, за что зацепиться:
Перед глазами его большевик,
Чистый, идейный (иным лишь стремиться!),
Со слов доверительных быстро возник. –

«Не лжешь?» – «Для чего? У любого спросите
В округе – всё правда. Все знают меня.
Трудов своих жаль мне. Прошу вас, поймите:

Лишняя кровь никому не нужна.

На нас она ляжет – на партию. Надо
Царя было лишь, объективно, убить
И самую власти верхушку. Отрада ль
Ненужное зло без разбору творить?

Многие партии не угрожали,
Кого для острастки прибили. Народ
Партию любит – не зря воевали!
Но долго ли муку такую снесет?» –

«А духовенство? Дворяне? Что с ними...
По-вашему? Надо ли их... убирать?» –
«Я атеист. Рад, что церкви закрыли.
Не вижу нужды никого убивать.

Выслать». – «Ведь многих уже выслали!» –
«Выслать их всех». – «А иных богачей?
Купцов?» – «Пусть живут, коль свое уж отдали». –
«Не превратятся ль они в палачей?» –

«Без денег, без власти? Едва ли сумеют!
Да и не все нашей крови хотят». –
«А те, кто хотели б?» – «Уже не посмеют!» –
«Вы сами служили купцу, говорят.

Верно ли? Может быть, вас оболгали?» –
«Служил, было дело, – стал голод в селе.
Я и пошел». – «Отчего не сказали?» –
«Зря бы в вину вы поставили мне.

Я большевик, где бы ни был. Но, коли
Вы уж затронули... Если купец
Стал служащим, правильно трогать его ли?
Богач иль бедняк принимает конец?» –

«Жаль?» – «Жаль... людей настоящих советских,
Которые верят, что правду творят,
А на себя берут лишние зверства
И партию ими напрасно срамят.

Это, сынок, войне только в угоду,
Прошедшей гражданской». – «Причем здесь война?!» –
«Много на ней побывало народу.
Вот и живут будто длится она.

Я мира хочу. Нужен мир». – «Воевали?» –
«Нет. Не по возрасту. И не умел.

Я агитатор». – «Жаль». – «Мне жаль едва ли!» –
«И я воевать по годам не успел...» –

«Вам лет двадцать пять есть?» – «Мне двадцать три года...» –
«Семья?» – «Никого». – «Сирота?» – «Сирота.
С голоду все...» – уточнил вдруг нетвердо. –
Ступайте... Не то просидим до утра».

Матвей пожалел его: парень хороший.
Запутался. Сколько таких по стране?
Еще страшней стало. «Кому из нас горше, –
Подумал той ночью. – Ему или мне?»

А утром родня была; в путь снарядили
Телеги – и в город. «Вы знали, кого
В контрреволюционных речах обвинили?
Матвей же всю жизнь и радел за нее!» –

«Радел, говорите?» – Матвея позвали
Опять на допрос. – «Я тебя отпущу, –
Сказал тому следователь. – Едва ли
Ты враг, но в другой раз уже не прощу.

Молчи – доживешь век... Арест сей не бывшим
Можешь считать: все бумаги я сжег
На тебя». Милосердие в том проявивший
Партийцам считал себя помнящим долг

Старым – за мир новый. Сердцу Матвея
О молчании были обидны слова.
Но быстро кивнул, показать нрав робея.
Простился. Без сна Степанида ждала.

Вот и сбылись ее худшие страхи:
Видела мужа арест своего.
(Мужем считала.) Вошел в дом, к рубахе
Припала, слезами смочила ее.

«Ужели тебя насовсем отпустили?» –
«А как же? Конечно! Вступились свои». –
«Бьют там, слыхала». – «Меня-то не били!
Всё обошлось, обошлось. Не реви».

В голос завывла. «Люблю тебя, Стеша», –
Вдруг проронил. Жалко, что ли, сказать?
Пусть и неправда, а бабу утешил.
Чаял какую-то радость ей дать.

16. Дважды крещенная

Весной на побывку Борис возвратился
Из армии. Настю увидеть хотел.
Матвей отсоветовал – с ним поделился,
Хотя за родных он Бориса жалел.

«Зачем ты семью разбивать ее станешь?» –
«Я только увидеть». – «Аль мало я жил,
Чтоб мог ты солгать мне? Меня не обманешь.
Ты счастье свое, Борис, сам упустил.

Настя замужняя. Я до разводов
Сторонник не шибкий, а ты молодой,
Другую найдешь. Отступить – благородно.
Лезть в ее жизнь – вот поступок дурной.

Адрес не дам тебе. И в память дружбы
С отцом твоим лично тебя попрошу,
Чтоб впредь не искал ее, – Насте не нужно.
Развода я вам никогда не прощу».

Вышел Борис от него со слезами...
Просьбу он выполнил. Настя родить
Никак не могла. Ей детей доверяли
Сестры, но как этим горе избыть?

Нюра и Соня родили по дочке.
Расстроилась старшая было: ведь ей
Сын представлялся в мечтах уже точно,
Судьба ж всегда чаяний женских сильней.

Архипову – Женей назвали. Григорий,
Глядя на крупную дочку свою
(Недаром кормил он усиленно Соню!),
Тотчас полюбил до беспамятства ту.

Была на Григория очень похожа
И так умилила тем душу его,
Что никого он на свете дороже
Скоро не знал, забавляя ее.

Соня на мужа глядела с улыбкой.
«Всем детям своим имена загадал
В утробе я так, чтобы им без ошибки,
Кто б ни случился, заранее дал.

Родился бы мальчик – Евгений назвали.
Дочка – Евгения. Ведь хорошо?»
Вокруг все смекалку отца признавали.
Детишек загадывал Гриша еще.

Соня молчала. Одно огорченье
Было ей – дочку Григорий крестить
Наотрез запретил: «Для чего той крещенье?
Сказкам поповским не будешь учить!

Сама уж ходи, раз не можешь иначе,
Но дочек не дам! Я давно коммунист,
И дочери будут! О чем, Соня, плачешь?!»
Больно ей было, что муж атеист.

Дочку тайком, без него, окрестила.
Год миновал. Чтоб на внучку взглянуть,
Матрена меньшого сынка навестила.
Понравилась Женя: «От матери – чуть.

Не поздняяковская – наша порода,
Архиповых! Можно на лето свезу
Из города пыльного я на природу?» –
Матрена спросила. Мать скрыла слезу.

Свекрови ей вслух поминать не хотелось
О дочери старшей, какой уберечь
В селе их не вышло. Григорий тут смелость
Взял согласиться: «Бери! О чем речь?»

Вздрогнула Соня. Смолчала. «Ох, Гриша,
Зачем ты?» – хотела спросить уж она,
Но поняла, что доставить муж ищет
Матери радость. Ведь мать-то одна!

Втайне Григорий досель тяготился
Случаем давним; и тем, что простить
Смерть Василисы в письме он решился,
И тем, что не мог боль в душе отпустить.

«Мать так страдает! – ему говорила
Груша. – Уж ты с ней поласковой, брат!»
Сама всех родных неизменно любила
И не искала, кто в чем виноват.

Матрена взяла Женю. Меньшему сыну
Слукавила: чаяла внучку крестить.
(О том, крещена ли, у Гриши спросила,
А Соня не смела ему говорить.)

Вздыхала Матрена: «Дитя некрещеным
Великий грех бросить – родимая кровь!
Коли помрет, так не стать и спасенным!»
Не знала, что крестит крещеную вновь.

К батюшке бросилась: «Не погубите
Младенца безвинного! Сын – атеист,
Снохе запрещает крестить. Окрестите!» –
«Рад помочь. Сын у тебя коммунист?» –

«Да». – «От родителей я безымянных
Крестить не могу. Нужно в книгу вписать,
Чье дитя. Есть свидетельство?» – «Я ль не по правде
Ужели могу имена их назвать?

Обидели, батюшка! – сердце Матрены,
Будто с горы крутой, ухнуло вниз. –
Свидетельства нет у меня... Некрещеной
Неужто оставите? Что за каприз?!

Ах, бюрократ! Да я, что ли, чужая?!
Первый раз видите? В храм не хожу?!» –
«Есть указанье. Другого не знаю.
Увижу свидетельство – внучку крещу».

Матрена от брани едва удержалась.
Женю оставив Антона жене,
Она в сельсовет что есть духу помчалась.
Объяснила всё: «Нужно свидетельство мне!»

И тут ей отказ: «В Москве внучка родилась.
Бумагу не можем о ней выдавать –
Нет права». Матрена так гневно бранилась,
Что документ не смогли всё ж не дать.

Со слов ее в тот же день всё написали.
Печатью заверили. Не говорить
Об этой уступке в селе умоляли.
Место рожденья пришлось уж сменить.

Матрена с бумагою в церковь: «Крестите!» –
«Подложное? Грех!» – Головой поп качал. –
Внучка ж московская! Впрочем, несите, –
Понял, что сам он к подлогу толкал.

Так Женю крестили второй раз. «Сыночек, –
Матрена в Москве повинилась потом, –
Уж я окрестила, прости, твою дочку,

В той церкви, где сам был младенцем крещён.

Помрет – в раю будет». Всплеснула руками
Соня. Лицом побледнела она:
«Я прежде крестила. Беда!» – «Да что с вами? –
Смеялся Григорий. – Какая беда?

Ну, искупали малышку два раза.
Подумаешь!» – «Ты тут, сынок, виноват, –
Мать рассудила. – По-Божьему сразу
Надо всё делать. Славяне крестят

Спокон веков. Соню обидел напрасно:
Тайком ей пришлось дочку в церковь носить.
Пирог печешь, Соня, не спорь уж, ужасно. –
(Та испекла, чтоб свекровь угостить.) –

А что в церковь ходишь – хвалю! Всегда знала:
Пусть лучше живот сын похуже набьет
(Таланта к стряпне у тебя, Соня, мало),
Зато о нем слово до Бога дойдет.

Молись за безбожника!» Соне приятны
Были такие Матрены слова,
Хоть, зная метания сердца, обратно
Их, вероятно б, свекровь забрала.

Соня сама себя грешной считала:
Муж от всего ее сердца любил,
Она ж, покоряясь, любовь принимала,
Да недовольна порой была им.

У Бога просила любви она к мужу
И всяческих благ ему. Знала, никто
Неудовольствия б не обнаружил
На лице добром и кротком ее.

Семью их счастливой и крепкой считали.
Из деревень бежал в город народ –
Колхозы крестьян быстро в бедность вогнали,
Хоть прежде сулили беречь от невзгод.

К Архиповым семьями ехали люди –
Их земляки. Как могли не принять?
Откажешь – беда неременная будет:
Станут твои земляки голодать.

С округи тянулись. Сменяя друг друга,
Быстро в Москве закреплялись они

Или назад возвращались с испуга –
Не все принять жизнь во столице могли.

С начала тридцатых так много бывало
Гостей у Архиповых, что не всегда
Соня число проживающих знала.
Шести человек постоянных семья:

Она, муж, две дочки, два Сониных брата –
Один брат учился, работал другой.
Таяла всякая в доме зарплата.
Да земляки, что валили толпой.

До восемнадцати враз всех садилось
За стол человек. Было, что приезжал
Кто-то внезапно. «Уж сделайте милость...» –
На пороге негаданный голос звучал.

Соня с улыбкой спокойной вставала,
Радушия полная, из-за стола
И гостю тем место свое отдавала,
Всем говоря, что поела она.

«Жалко родных мне», – всегда говорила
Матрене, когда та, бывало, ее
За то, что им «сели на шею», корила:
«Столько людей! Детям-то каково!

Младшая спит на полу, а у старшей
Спина заболела уж от сундука –
На нем спит, сердечная». – «Это пока что.
Кончится темная, верю, пора.

Вот тогда дочкам кровати поставим,
А пока некуда». С мужем они
Матрене свою всякий раз уступали,
Когда приезжала проведать семьѳ.

«Шибко родни у тебя, Соня, много.
С какого колена-то числишь родней?» –
«Я не считаю. Все живы от Бога».
Матрене по сердцу ответ был такой.

Соню она и не шибко бранила.
«Дал безотказную душу Господь, –
Вздыхая, о младшей снохе говорила. –
Для чужих ущемляет свою кровь и плоть!

Кто так живет?» – «Вот хоть Петр к примеру, –

С умыслом Соне рассказ завела. –
Ему тоже жаль земляков своих, верно,
Но в дом не пускает приезжих – семья!

Одно исключение сделал для Маши –
Свояченица, а с тех пор никого!
Приедет к нему кто, под дверью и ляжет!
По округе вперед пустил слово про то». –

«Неужто не ездят?» – дивилась лишь Соня. –
«Я не видала. Ты думаешь: злой?
О Петре говорят по округе худое:
“Зазнался!” А зять дорожит мой семьей!» –

«И к Маше не ездят?» – «Не ездят и к Маше.
Ей тяжело ж за гостями ходить –
Сердца порок. Ничего тут не скажешь!
Умеют зятя моих дочек любить.

Горой за них станут!» – «И я ради Гриши...
Да днем не бывает у нас никого:
Кто не работает, те место ищут». –
«Зато у вас ночью народу полно». –

Соня смутилась: – «Пристроим всех скоро». –
«Сама про сестер своих, Соня, скажи –
Нюру да Настю: к ним ездят? Укора,
Захочешь сказать, за вопрос – не держи». –

«Не ездят...» – «Одна всю округу пускаешь!» –
«Я не умею прогнать земляков.
И Гриша не может». – «О Грише я знаю,
Что любит тебя он. Всё кроет любовь.

На всё сын готов ради нежного взгляда...» –
«Братьев женю, отделию». – «У тебя
Хорошие братья – всегда видеть рада». –
Матрена правдива хвалою была.

Сонины братья ей нравились. Ваня
Был доброй души весельчак озорной,
Любил на гармошке играть, на баяне
И всех очаровывал справной игрой.

Девки за ним, стыд не помнивши, вились!
Скольких уж спортил! Совсем как Антон
В пору свою: был горяч, как любились,
Но переменчивый в сердце своем.

К скорым легко остывал он победам.
«Осталась в селе, говорят, у него
Большая любовь; ты не знаешь, кто это?» –
Матрена у Сони пыталась давно. –

«Откуда мне знать?» – Тут неправду сказала...
Саша на старшего брата глядел
И подражал ему нравом немало.
Правда, играть хорошо не умел.

Мечта его сердце теснила другая –
Летчиком стать. Ваня шел на завод,
А Саша в училище летное – взяли,
Хоть ростом повыше быть должен пилот.

Долго осматривали, сомневались.
Экзамены сдал, но вот рост... «Отчего,
Летчиком стать ты, – спросили, – мечтаешь?» –
«На небо гляжу и уж знаю: мое.

Я на земле не смогу. Пристрелите,
Если летать мне никак не судьба». –
«Летчиком быть – смерть пытаться». – «Не смутите.
Смерть так и так на роду всем одна».

Его рассуждения понравились. Скоро
В училище ставили Сашу в пример.
Бабушкой звать стал в Москве он Матрену,
Доставив тем радость сверх всяческих мер.

«Я дедов-бабок не видел родимых,
Так вы своим внуком зовите меня», –
С доверчивой нежностью ей говорил он.
Помнил, что маму любила она.

Зла ей не помнил. К ее посещенью
На стипендию сладости он покупал,
До слез доводя тем Матрену почтеньем.
Бег времени нрав ее властный смягчал.

Всякой она доброте умилялась –
Теплому слову, улыбке чужой,
Маленьким детям. «Так вот она, старость!» –
Думала. И ... не боролась с собой.

17. Встреча с прошлым

Ольга по улице шла одиноко –
Сына из детского сада забрать.
Терзала нужда ее сердце жестоко –
Отцову фамилию сыну менять.

Слишком приметная. Да и не схожа
Теперь с материнской. Зачем всякий раз
Говорить, что вдовой была? Лёне Сережа
Не пожалеет фамилии – даст.

Через суд это надобно. Усыновленье –
Ей объясняли. Как лёгки слова,
Как тяжко предательское решенье!
Муж не простил бы ей – знала она.

Он так любил сына! Так им гордился!
А мальчику в школу, потом в институт,
В армию, может быть... «Не уродился ль
В купеческий род?» – тут вопрос зададут.

В детском саду уж и то смотрят косо.
Спасибо что взяли! Глаза у нее
Были такие, что ей и вопроса
Лишнего даже не задал никто.

Ее пожалели. Должно, догадались:
Родителя мальчика та назвала
Робко, но твердо – не отрекаясь,
Когда сына в сад отдавать привела.

В Москве слыли слишком известны когда-то...
«Ольга! – услышала голос чужой,
Мысли прервавший. – Да ты ли? Как рад я!»
Вздрогнула Ольга: кто это такой?

Навстречу ей шел человек незнакомый,
Плохо одетый. Хотела свернуть,
Ни слова не вымолвив, и по-иному
Продолжить намеченный к садику путь.

Любой незнакомец врагом ей казался.
Страх лютой гибели душу теснил,
Да не успела свернуть – поравнялся
И за руку Ольгу по-свойски схватил.

«Пустите! Не знаю вас!» – Вырвала руку. –
«Верно ли ты не узнала меня?
Были с тобою близки мы друг другу...» –
По тем лишь словам догадалась она. –

«И что?» – Ей хотелось сказать равнодушно.
Стоял перед нею любовник былой.
Весьма изменившийся нынче наружно,
Также обобранный новой страной.

Не помнила уж, сколько лет не видала.
Общих знакомых распался их круг
Давно, и судьбы его Ольга не знала.
Лицо выражало ее лишь испуг.

«Оля!» – Ей было весьма неприятно,
Что так фамильярно ее называл. –
«Мне нужно идти». – «Ты прости меня, ладно?»
Дурак был и ... Крепко тебя обожал.

Тебе никогда я не сделал бы злого...» –
«Всё давно в прошлом. Прощай». – «Погоди...
Оля, позволь еще молвить два слова...
Я знаю: вдова ты. Ко мне приходи.

Вместе жить будем. А?» – «Ты ведь женатый!» –
Отец его в юности ранней женил.
(Родитель в Москве фабрикант был богатый,
А сын при отце ловеласничал, пил.)

«Оля, жена от меня убежала.
Да не любил я ее никогда!
Экой же ты привередливой стала...
Раньше смущало ли, что есть жена?» –

«Я изменилась», – сказать захотелось
Вдруг всё, что выстрадать в жизни пришлось,
Чтоб стыдно глупцу за свою стало смелость.
В душе поднялась обжигавшая злость.

Он жив, а муж мертв. Сколько раз Ольге снилось,
Как в камере темной супруг умирал...
И чтоб после этого прошлым польстилась?!
Не ближе прохожего ей давно стал.

«Жив твой отец?» – задала вопрос краткий.
«Сама понимаешь... Быть может, живой,
Но чувствует сердце, что свидимся вряд ли.
И я был, где муж свои дни кончил твой». –

«Мужа не трогай! Да как же ты...» – «Вышел?
А вот загляни ко мне – всё расскажу». –
«Надеюсь, что больше тебя не увижу...
Минуты нет лишней – по делу спешу».

«Я, Оля, всё знаю: про младшего сына,
Вашего с мужем, про то, как живешь». –
«Откуда?» – «Да ты бы меня навестила...
Неволить не стану – не бойся. Придешь?»

Здесь близко живу. – Ольга не отвечала,
Молча пошла вперед. – Виделись мы
С мужем твоим...» – В спину вдруг услышала:
«Прочь, Оленька, прочь от него уходи».

Голос услышала мужа так ясно,
Будто бы он говорил с ней живой.
На чудо надежда в ней вспыхнула страстно.
Оглянулась, уж зная несбыточность той...

Любовник былой улыбнулся лукаво.
Не для него оглянулась она!
О встрече в тот день же Сергею сказала –
Тайны от брата иметь не могла.

Советовал ей позабыть. Виновато
Глядела на брата она своего:
«Разрушила жизнь твою». – «Это неправда.
У Нади я был». – «Как она?» – «Ничего.

Свыклась». – «Какой ты хороший, Сережа!
Мало мне руки твои целовать!» –
«Что ты... Отцу твоему много должен.
Рад случаю помощь тебе оказать». –

«Папа любил тебя...» – Вспомнила Ольга,
Что на руках у него умирал
Отец ее, чуждый Сергею по крови.
Сыном его тот своим воспитал. –

«И мама моя тебя очень любила...
Если б случилось мне бросить тебя
В беде, прокляла бы меня из могилы». –
«Надя... про Лёню... тебя поняла?» –

«Поплакала и поняла, не волнуйся.
Ты мыслишь правильно: нужно менять
Фамилию сыну, ему будет лучше

Сызмальства к новой – к моей привыкать». –

«Сережа!» – «Не мучь себя, Оля, не надо.
Ты никому не наносишь вреда».
Чтобы понять ее мысли, лишь взгляда
Было довольно Сергею всегда.

«Куда ты идешь? Темнота, уже поздно», –
Спросил ее. – «Нужно. За Лёней гляди,
Ладно?» – Заметил в глазах ее слезы. –
«Оля, – ей вслед закричал, – не ходи!»

С лестницы быстро, упрямо сбежала.
Час спустя кнопку дверного звонка
Робко рукою дрожащей нажала –
Была ноша просьбы ее нелегка.

«Не беспокойтесь. Всё будет, – ответил
Несмелым словам скоро голос живой. –
Нередко меняют отцов теперь детям.
Сам подсказать хотел шаг вам такой.

Никто не стеснит вас опасным вопросом». –
«Благодарю вас... Не будет мой брат
При этом замечен в связи с двоеженством?» –
«Ваш нынешний муж лишь однажды женат.

Жена его – вы». – «Знаю правду другую». –
«Забудьте о ней. Уж и церкви той нет,
Где венчан. Живете в эпоху иную!
Ольга Ивановна, дам вам совет:

Сергей Николаевич дорог вам?» – «Брата
Люблю в нем всю жизнь», – отвечала она. –
«Теперь вам иначе любить его надо». –
Вспыхнула: – «Но у Сережи жена!

Наш брак... недействительный. Мы разведемся:
Однажды до светлой поры доживем,
Когда вне опасности всякой проснемся
И сразу ж тогда за разводом пойдем». –

Ее собеседник словам улыбался. –
«До этой поры я не чаю дожить». –
«Вы... тоже в опасности?» – «Нет. Так сказался...
Отчего перестали мне “ты” говорить?» –

«Неловко». – «И верно. Что было то было.
Я не поверю, чтоб сводный ваш брат,

Рискуя собой ради вас, не любил вас». –
«По страсти одной лишь добро ли творят?» –

«Он вам не родня, вы чужие по крови...
Может, чего-то никак не пойму?
Интеллигентские штучки мне внове». –
«Как женщину любит брат только жену». –

«Пусть так... Переменчиво сердце мужчины.
К супруге бывает? Беду наведет.
Свой брак, сделав правдой, двоих бы спасли вы,
Не то и вас сгубит, и сам пропадет». –

«Готова рискнуть. Я... храню верность мужу», –
Казалось интимным об этом сказать,
Словно свою наготу обнаружить. –
«Мертвого нет пользы мужем вам звать». –

«Данила Никитич, меня не поймете,
Я знаю. Прошу, извините меня
За беспокойство». – «Не раз вы придете». –
«А вам повредить не могу разве я?» –

«Всякое может быть, – не отпирался. –
Я ... неформальный свой адрес вам дал.
Прописан иначе», – внезапно признался. –
«Разве так может быть?» – Не отвечал. –

«Если застать вам меня не случится,
Жена передаст вашу просьбу всегда.
Ей, как и мне, во всем можно открыться». –
Догадалась: – «Она... не совсем вам жена?» –

Взглянул тяжело: – «Жизнь юлить заставляет.
Лера – детей мать моих». – «Я прошу
Вновь извинить». – «Дом мой мало кто знает...» –
«Я вас поняла: никому не скажу».

Тайну другую она сознавала
Молча: правдивое имя его
Одна из немногих, в числе близких, знала,
Для чужих псевдоним был партийный давно.

«С усыновлением уж не тяните, –
Прощаясь, советовал. – Сводный ваш брат
В годы свои лишь обычный учитель?
В школе о нем хорошо говорят». –

«Кем ему быть?» – Ольга тут удивилась. –

«Сергей Николаевич не коммунист?
Быть в партии нынче б ему пригодилось». –
«Сережа от всякой политики чист». –

«Не воевал?» – «Нет. По зрению». – «Прекрасно!
А то если вдруг он не там воевал,
То вам своим мужем иметь бы опасно.
Удобной же парой швыряться б не стал». –

Ольга решила: «Спросить я хотела,
Мог в заключении мужа встречать
Один человек?..» – Назвать имя успела,
Прежде чем разум велел замолчать.

«Было такое, – сказал неохотно
Данила Никитич. – К чему вам теперь?
О муже всё знаете». – «Может быть, что-то
Знать может еще...» – «Этот тип вёрткий зверь!

Отца своего оболгал он родного!
И... вышел свидетелем. Удивлены?» –
«Нет». – Ольга в душе ожидала такого. –
«С ним связаны быть вы никак не должны.

Его... век недолог». – Так Ольга узнала,
Что бывший любовник ее обречен,
И... облегчение вдруг испытала.
Назавтра столкнулась с ним в месте былом.

«Оля, забыть не могу нашей встречи!
Я тебя ждал: вдруг опять повезет?» –
Ольга расправила хрупкие плечи:
Открыть или нет, что беда того ждет?

Решила молчать. – «Расскажи мне о муже.
Что знаешь?» – «Пойдем ко мне». Ольга пошла –
Неведенья нет ничего в жизни хуже.
Жилье того нынче обычным нашла.

«Оля, я счастлив!» – «Не молви пустого.
О муже, прошу». – Грустно стал вспоминать: –
«Страх за отца претерпел я родного –
Фабрикой сам не успел обладать.

Сначала отца, меня после забрали.
Я умирать за него не хотел.
Мы ж не купцы даже были – мещане²⁹,

²⁹ В России с начала XX века для ведения коммерческой деятельности не требовалось записываться в купцы; таким

Отец, открыв фабрику, разбогател». –

«Я это знаю», – негромко сказала
Ольга. Терпенье теряла она
И на часы взгляд бестактно бросала.
Зачем сидит здесь? Ей известно: вдова.

Но... вдруг? От свидетеля нужно услышать
О Егорушке милом... В душе у нее,
В памяти крепкой, он всё еще дышит.
«Мужа за мной привели твоего.

Он подошел ко мне первый. (Случилось
Нам на беду в одной камере быть –
Вволю над нами судьба поглумилась!)
Стали мы с ним без обид говорить.

(Сколько уж лет прошло!) Сказывал вести:
О маленьком вашем сынишке, о том,
Как жил и работал в Москве до ареста.
Я ему кратко в ответ о своем.

А вы в коммуналке ночей не теряли!
(Когда-то клялась мне, что любишь меня!)
На допрос меня первого, Оля, позвали.
Всё подписал, что велели тогда».

Сочувственно Ольга в ответ поглядела:
«Били тебя?» – Захотел ей солгать,
Но вымолвил правду – в упор та смотрела: –
«Грозили. Дурак ли я был рисковать?

Мне обещали: “Уйдешь невредимым.
Молча, подписывай”. Всё подписал.
Почти не читая. Твой муж был спесивым...
Я застал, Оля, как он умирал.

Один его вид мне внушал уже муки!» –
«Аркадий, довольно! – Впервые его
Назвала вдруг по имени после разлуки,
Однако сама не заметив того. –

Муж... в памяти был, умирая?» – «Нет, Оля». –
«О, слава Богу!» – Случалось слышать,
Что без сознанья не чувствуют боли. –
«Не все ли равно, как пришлось подышать, –

Аркадий подумал с немым озлобленьем,
Вызванным ревностью. – Умер бы я
В тюрьме, кто бы вспомнил меня с сожаленьем?
Эх, прошла жизнь понапрасну моя!

Ольга одна меня в жизни любила». –
Боялся обмолвиться: оговорил
Мужа ее, в чем едва ль уличила,
Как думал, – порукой спокойный вид был.

Не угадал, что осталась спокойна,
Всё понимая, она оттого,
Что воздаяние, знала, достойно
Близким за тщетную трусость его.

«Кому судил Бог раз в тюрьме оказаться, –
Полагала, – тому лишь один – крестный путь.
И оговором напрасно мараться...»
Вдовья боль с силой сдавила ей грудь.

«Уезжай из Москвы», – обронила с боязнью
Сей миг разрыдаться. Он в этих словах
Услышал их встреч опасение разве,
За волю и жизнь не внушавшее страх.

Но, ничего ему не поясняя,
Ольга спешила скорее уйти.
Не промолчала и не спасла – зная.
Дала слезам волю домой по пути.

Аркадия больше она не встречала...
«Оля, просила ли ты за меня?» –
Спросил брат, домой возвратившись, устало. –
«Что-то случилось?» – спросила она. –

«Оля, мне завучем быть предложили
В школе. В другой – не в моей. Отказать
Я не сумел – меня так попросили,
Что будет измену отказ означать». –

«Зачем же отказывать в этом, Сережа?
Разве не справишься?» – «Дело не в том.
Чувствую, что получил эту должность
Я при участии чьем-то прямом.

Можешь ни в чем мне не признаваться.
Только запомни, прошу я сейчас:
В политике я не желаю мараться
Для должности данной твоих ради глаз!» –

«О чем ты, Сережа?.. Да я не просила!
Он сам...» – «Не хочу быть обязан ему!
Не понимаешь ты, в чем его сила?!
Обязан я быть не хочу никому!

Я скромный учитель! – Не узнавала
Ольга Сергея – теперь говорил
С нею впервые столь резко и прямо. –
За что к тебе добр он?» – «Мужу служил». –

«Только ли? Оля, нет, так не бывает!
Я не вчера начал жить». – «Отчего?
Служившие многие мне помогают.
Иначе была б я в могиле давно!» –

«Прости меня, Оля... – И сам удивился,
Как мог вдруг иное о ней полагать. –
И в толк не возьму, отчего опустился
Тебя, – покаянно сказал, – упрекать.

Я... был ошарашен». – «Забудем, Сережа», –
Ответила мягко. – «Что делать-то мне?» –
«Ты так много знаешь! Что надо, всё сможешь». –
«Были бы знания нынче в цене!..»

18. Причина разлуки неизвестна

Матрена о дочках душою страдала:
Все три жили счастливо, вдруг в один год
И не поймешь, какой хуже-то стало
И скольких еще ожидать им невзгод.

Первою мать огорошила Маша –
Опять понесла. Говорил Маше врач,
Ее в первых родах с большим трудом спасший,
Что новый ребенок ей станет палач.

Маша, родных щадя, в тот раз сокрыла,
Насколько родить довелось тяжело,
И оттого у них мнение было,
Что и тревожились зря за нее.

Муж берег Машу – ему рассказала,
Да не уберег... Говорили врачи:
Делать аборт – шансов выжить ей мало.
Маша им: «Прочь от меня, палачи!

Я одного уж ребенка убила!» –
За Василису доселе себя,
Вину свою помня, она не простила.
Беременность очень тяжелой была.

Соня за Машу молилась. Когда-то
Желала ей смерти в сердцах, но теперь
Знала она, что золовки утрата
Ей будет больнее всех прежних потерь.

«Не виновата я, Господи Боже!
Не мог ты, Отец, внять безумным мольбам!» –
Надеясь, что Маше молитва поможет,
Склонялась к сокрытым в дому образам.

Григорий молчал – не бранил жену. К Маше
Матрена приехала жить из села
Совсем – помогать ей. Андрей – Машин старший
Уже первоклассник был рослый тогда.

Прокофий при сыне в селе оставался.
По кроткому нраву весьма своему
Разлученный с женою, тоскуя, смирялся.
Просил Машу беречь. Горько было ему:

Помимо того, что скучал, Лизавета
Всю власть теперь в доме себе забрала.
Обиды все помня свои без ответа
От свекрови, сама стала к свекру груба.

Антон вздыхал... Сердце Матрены сжималось,
Глядя на дочь: при недуге своем
С родными спокойно и просто держалась,
Хоть таяли силы ее с каждым днем.

Соня к той часто бывала. Матрена
Снохе была в ноги готова упасть –
Маша тянулась душой всегда к Соне.
Не раз, вдвоем бывши, наплакались влать.

О прошлом, о горестном, не говорили...
Маша смеялась: «Я, Соня, живу
И чувствую: заживо похоронили,
А я из вас многих переживу!»

Соня кивала... Тяжелые вести
Пришли из села: попытались их скрыть
От Маши – решение то приняли вместе,
Но тайну недолго сумели хранить.

Мужа Варвары арестовали –
Сестры ее старшей. Ветеринар
В округе единственный был – уважали,
Но не минул того времени жар.

Ночью пришли. Зарыдала Варвара:
«Не пушу! Изверги!» Павел жене,
Прощаясь, велел, чтобы та уезжала:
«Оставшись, едва ли поможешь ты мне».

Себе узелок он давно приготовил –
На такой случай. Тайно. «Какая вина?!» –
Кричала Варвара вслед. Медлить не волен,
Обернулся у двери. Примолкла она...

Судьба Павла близким была неизвестна –
Как в воду канул. Пыталась узнать
Варя хотя бы причину ареста,
Но и того не могли ей сказать.

Наконец брякнули – предположили:
«Устинов³⁰ ваш муж по фамилии был.

³⁰ Эта фамилия издавна встречалась среди представителей всех сословий России и не могла быть доказательством

Множество нынче опасных фамилий...
Никак за нее под арест угодил».

Варя лицом побелела: «Нелепость!».
А на селе говорили о том,
Что занимал он хорошее место, –
Освобождая, пеклись о другом.

И верно: прислали ветеринара –
Павлу не ровня, название одно,
Слухи зато хорошо собирал он.
«Стукач», – говорили, косясь на него.

В селе еще нескольких арестовали...
Павел, узнала Варвара, скрывал,
Что в районцентр его вызывали,
Где доносить на крестьян отказал.

Ветврачу новому очень хотелось
Авторитет поскорей заслужить,
И проявил он изрядную «смелость»,
Взявшись предшественника чернить.

«Народа враг», – сказывал. Путались люди:
Павел был добрым помощником им,
Но что как, и верно, преступник вдруг будет?
Варе грозить стали: «Дом твой спалим!

Езжай!» Варя голову гордо носила.
Не ехала – мнилось: бежала б она.
«Следить прислан, шельма! – Матвей пояснил ей. –
Варвара Прокофьевна, вам здесь беда.

К сыну езжайте. Коль муж ваш вернется,
Вас, верно, сумеет у сына сыскать», –
Матвей наугад говорил что придется:
Надо сестру зятя было спасать.

Варя уехала. Первенца-сына
В семнадцать годочков Бог дал ей родить.
Павел недаром гордился Ефимом –
Тот с детства хотел на отца походить.

Умный, прилежный, толково учился.
Учил и родитель работе своей –

принадлежности ее носителя к известному дворянскому роду Устиновых. Однако с учетом того, что ветеринар был образованный и не местный уроженец, следствием могло быть сделано подобное предположение, не нашедшее, впрочем, подтверждения в семейных рассказах. Так или иначе, в 30-е годы уже за одну принадлежность к считавшейся «неблагонадежной» фамилии человека могли арестовать, не разбираясь.

Часто при Павле Ефим находился
И знал все секреты отцовские в ней.

Ефим тоже сделался ветеринаром:
Первым в родне кончил он институт,
Работать его в Подмосковье послали.
Здесь принял мать – обрела свой приют.

(У Павла и Вари была еще дочка –
Вера. Замужняя. Им подарить
Дети успели по два уж внучочка,
И чаяло вновь прибавление быть.)

Варя о муже страдала безмерно.
Хорошей женой она Павлу была:
Доброй хозяйкой, заботливой, верной.
А думалось: быть еще лучше могла.

Матрена в печали ее утешала –
В Москве повидались. Боялась за дочь:
Кабы ареста над той не бывало,
А то ведь придут, как за Павлом-то... в ночь.

С Грушей тревогою мать поделилась –
Приехала ту навестить. Один взгляд –
Что и Груша в беде, ей мгновенно открылось:
Глаза помутневшие, губы дрожат.

«Что с тобой?!» – «Мамочка, жалко мне Варю». –
«Жалко-то жалко, но дело не в том,
Детьми от меня ничего не скрывали,
А нынче... Повздорила, что ли, с Петром?

Не обижай его, Груша, не надо.
Он в доме хозяин, в семью всё несет,
Коли и в чем согрубил без огляда,
Остуды в любви бабья кротость спасет.

«Ой ли?» – «А ты на меня не равняйся!
Я не пример, сама думать должна.
Судьба Петра трудная... Мужу покайся,
Что не права, – жене мудрость нужна».

Груша заплакала: «Он ушел, мама!
Петя ушел!» – «Как ушел?! Почему?!
Куда?!» – «Ох, родимая, если б я знала!
Петечку я больше жизни люблю.

Разве, скажи сама, худо мы жили?

Жили в любви... Вспоминаю теперь,
Как нашего Ванечку мы хоронили, –
Боль, а всё легче, чем нынче. Поверь!» –

«Груша, уймись. Ох, накликаешь горе! –
Воскликнула мать. – Да в уме ль ты своем?!» –
«Какой, мама, ум?! Со мной деточек трое,
Четвертый под сердцем – я чую нутром.

Брюхата я, мама...» – «А Петя-то знает?
Не схоже, голубушка, то на него,
Что четверых он детей оставляет!
Скажи правду: вышло у вас с ним чего?

Уж ты не таись». – «Правду я молвлю, мама, –
Голос у Груши был звонкий, живой,
Речь тороплива: – Вчера муж сказал мне,
Что жить он не станет уж больше со мной.

Собрал вещи, вышел. Как я голосила!
Мертвых и то в землю тише кладут.
Но по лицу его ясно мне было,
Что ничего не поделаешь тут.

Суров был лицом. Дочерьми поклянуся:
Обиды Петру от меня никакой!
Бывает, конечно, на мужа сержуся –
Лишнего слова не скажет со мной.

Мне своей службы не доверяет –
Обидно! Я б стала кому говорить?
Но гнев мой, мелькнув, так же скоро и тает,
Петя б не стал оттого уходить.

Он меня любит! Не словом сказался –
Лаской своей. Еще позавчера
Так жарко, так нежно со мной миловался...
И вдруг... он не знал, что беременна я.

Я еще Петечке не говорила –
Хотела увериться, после б узнал...»
Матрена тут Грушу в сердцах побранила:
«Дура! Сказала б, когда убегал!

Ах он подлец! Нет, не верю! Не верю!» –
Груши суровый мать встретила взгляд. –
«Если рожденных детей не жалеет,
Как нерожденный воротит назад?

Сама не хочу так. Ко мне муж вернется.
Не к детям. Посмотришь. А нет, так пушай!
Я не держу его! – Голос той рвется,
Дрожит. В нем отчаянье слышно, печаль. –

Петечка мой! Кабы мне наказали
За него умереть, померла б в тот же миг!
Али где жарче его приласкали?!» –
Голос у Груши сорвался на крик.

Заплакала горько. Матрена молчала.
Что и сказать? Худо дело! Петра
Она с малолетства ужель даром знала?
Пришла бы на ум ей такая беда?

Предчувствием матери вздрогнуло сердце:
Петр бы воду зазря не мутил.
Взглянуть на него б хоть разок, присмотреться –
Как на духу бы ей правду открыл.

Не смел бы солгать! Миновала неделя
И... Петр вернулся. Смотрел на жену
Взглядом спокойным, ничуть не робея.
Сдержалась на шею повиснуть ему.

«Зачем ты пришел?» – «Обсудить надо, Груша...
Как будем жить...» – «Чего тут обсуждать?
Коль я не нужна тебе, ты мне не нужен!» –
С нарочитой злостью спешила сказать.

Грозно сверкнули глаза Аграфены. –
«Красавица ты!» – вдруг ответил он ей. –
«Назад не приму тебя после измены!» –
«Я верен тебе, – жене молвил своей. –

Назад же, и верно, не будет дороги.
Семьей нам не жить. – Подкосились ее,
Не чаявшей слов тех, ослабшие ноги.
Припала к Петру. – Что с тобой?» – «Ничего.

Приникнув к груди его, словом ласкала: –
Петечка, мой ненаглядный! Прости,
Если я злое тебе вдруг сказала!
Кручину с души моей ты отпусти.» –

«Грушенька! Чем же утешить, родная?
Сроду я не был сердит на тебя,
А как объясниться теперь нам, не знаю». –
«Другой, значит, нет? И довольно с меня.

Хороший мой! Петя, не стой на пороге.
Входи! – По лицу Аграфены прочесть
Никто не сумел бы и тени тревоги. –
Мне счастье уже, что ты рядом-то есть!

И дочки скучали...» – Никак не давала
Петру Аграфена сама говорить.
Страшное что-то умом понимала,
После чего будет трудно ей жить.

«Куда ты пойдешь? Оставайся!» – просила,
Когда, много затемно, муж уходил. –
«Нам вместе нельзя жить, – напомнил тоскливо. –
Комнату, Грушенька, я получил.

Смогу – навещу тебя...» – «Скоро же дали!
Да что ты на службе своей-то сказал?
Ты ж коммунист! Ведь тебя порицали,
Что бросил семью?» – «Я семьи не бросал.

Я адрес сменил. Про всё после узнаешь.
Поздно уже». – «Оставайся, родной!
Словечка ты лишнего слышать не станешь.
Мне б только побыть одну ночку с тобой.

Когда еще свидимся?» – Петр был мрачен.
Глаза его быстро скользнули по ней. –
«Сказала родным, что ушел?» – «Как иначе?!» –
«Правильно! Сразу узнать им верней.

Мерзавцем ославят, да это неважно». –
Чуяла Груша, что сам себе врет.
Не улыбавшийся ей ни однажды
В странной улыбке скривил Петр рот:

«Что приходил я, не сказывай, Груша.
Повторяй всем одно: “Мы расстались навек,
Ибо и жили давно уж недружно,
И негодящий мой муж человек”.

Ври про измену». – «Как молвить такое?! –
От слов его сердцем терялась жена.
И всё яснее ей было дурное,
Что облечь оба робели в слова. –

Петечка!» Молча обнял у порога.
Вдруг захотелось ей так, как давно,
В детстве наивном, иметь веру в Бога,

Ибо один мог спасти Он его.

«Брюхата я, Петя», – сказать догадалась. –
«Ошибки не может быть?» – тихо спросил.
Мелькнули в лице его ужас и жалость. –
«Нет. Точно знаю». – «Еще поглядим...» –

«Чего глядеть, Петя? Аль я не рожала?
Не молодуха – в сомнениях быть.
Когда уходил ты, уже правду знала.
Как теперь быть-то?» – «Изволь уж родить.

Злодейство не вздумай творить над собою!»
У Груши с души словно камень упал.
Не то чтоб исполнила всякую волю,
Но было приятно, что так ей сказал.

В ответе заботу почуяла, силу.
Дрогнуло нежностью сердце Петра:
Пуще бывшего казалась красивой.
Вспомнил, глаза отводя: «Мне пора».

Не уступил ей – теперь не остался,
Недолго, однако близ дома ходил,
И, едва дочки уснули, – дождался,
Ключом сам чуть слышно он дверь отворил.

Груша ждала его – глаз не смыкала,
Надежда жила в ней, что Петр придет.
Безмолвно, счастливо его обнимала,
Краткость радости той разумея вперед.

Дочкам казаться не мог он позволить –
Не поймут. И они про отца должны знать,
Что бросил семью, хоть их горько позорить.
Алевтиночке только исполнилось пять,

Марине – одиннадцать, десять лет – Зое.
«Может, когда-то и будем вновь жить, –
Жене дал надежду, – под крышей одною.
Но нынче придется, пойми! порознь быть.

«Вытерплю, Петечка!..» – Так о причине
Злых перемен не узнала она.
Обнял, прощаясь, жену торопливо,
Зачин лишь зори угадав из окна.

19. Предположения

Григорий был зол на Петра. Не жалея
Слов резких, он гневно о нем говорил:
«Как смел, гад, с сестрою расстаться моею?!
Знал бы, где прячется, точно б убил!

Ей-богу, убил бы! Не веришь мне, Соня?
Четверых детей бросить! Он был мне как брат,
Но, ежели с горя что станет с сестрою,
Кончить судьбу его я буду рад!»

Соня, заметил, в ответ улыбалась –
Грозящий Григорий казался смешон.
(Гневливости мужа давно не боялась.)
«Да что, Петр совести, что ли, лишен?

Еще коммунист!» – «Есть, должно быть, причина», –
Спокойно и просто сказала жена. –
«Причина одна: семьянина личина
Не по нему – надоела она». –

«Ужели тринадцать годов притворялся?» –
«А хоть бы и так! Знал бы, с дурой какой
Сестру позабыв мою, нынче сваялся,
Лежали бы оба в могиле одной!

Я не шучу!» Соня смехом давилась.
Сердцу же было совсем не смешно.
Мыслям ее подозренье открылось,
О коем и молвить, казалось, грешно.

А всё ж ... «Неужели ушел из-за Вари?
К поступку был повод: супруга врага
В родне – клеймо. Или Петру подсказали,
Иль сам смекнул, служба коль дорога.

Кто его знает, где нынче он служит!
Опасается членом быть “вражьей” семьи?
Трусит? А может, и вправду, так нужно?
И осуждать мы Петра не должны?»

Ольге Ивановне всё рассказала –
Своя ведь. Вздохнула та тихо в ответ:
«Кабы в Москве увели, я б узнала,
Жив твоей Вари супруг или нет». –

«Клянусь, я бы вас никогда не просила!» –
«Не зарекайся. А вдруг пригожусь?
Другим узнавать не однажды ходила». –
«И вы... не боитесь?!» – «Кого? Не боюсь.

Он, Соня, не подлый... Как взяли в солдаты,
Прошел две войны, ранен был тяжело...
На фронте и выдвинулся». – «Не надо! –
Про чекиста я знать не хочу ничего!» –

«Как скажешь». – Тут сразу подумали обе,
Что Петр, быть может... Лояльность к родне
Боролась с немым отвращением в Соне,
Но знать не могла она правду вполне.

«Соня, родные еще к вам бывают?» –
«Меньше. Кровати поставили мы.
Видите? Дочкам». – «Твой муж удивляет». –
«Он дорог мне. Сердцем близка я к любви.

Спасибо за то, как со мной говорили». –
«Умница! Я предала своего:
Фамилию Лёне недавно сменили.
Очень теперь на душе тяжело». –

«Георгий Петрович бы понял вас». – «Разве?» –
«Он вас просил выжить любой ценой –
Не вы ли мне молвили?» – «Но не столь страшной –
Ценою поправки крови родной.

Сонечка, сыну отца я сменила!» –
«Кровь невозможно никак заменить,
А на бумаге... ведь это фальшиво!» –
«Умеешь же ты утешителем быть.

Спасибо тебе... Надя очень страдает.
Была ко мне. Что у Сережи есть сын,
Пусть лишь по бумагам, ее унижает.
Не донесла, а то сели б мы с ним.

Может, еще донесет от обиды». –
«На мужа? Как можно?!» – «Чем пуще любовь,
Тем больше тропинок к безумству в ней скрыто...
С Сережей они двоюрбдная кровь.

Не по закону – по просьбе венчали». –
«Нельзя кровь мешать... Как же это они?» –
«Не первые. В книгу-то их не вписали...
За мачехой есть моей доля вины.

Была она женщиной очень культурной –
Августа Степановна, доброй была,
А за отца моего вышла трудно –
Вдовой с годовалым осталась одна.

Больше ей некуда было податься.
Свели их знакомые. В детстве моем
Супруг ее первый родней мне казался,
Так часто та вслух вспоминала о нем.

Сережи отца она очень любила.
Сережа, понятно, не помнит его.
Тот был из Казани. Родни его было
Много, а ведь не помог ей никто!

Хотя бы копейку однажды послали!
Нет! А узнали, что вышла она
Замуж опять, и писать перестали.
Студент был Сережа – пришло два письма.

Звали к себе: “Сына уж покажите”.
Рада была. Ехать брат не хотел.
Отец мой сказал: “Поезжай, погостите”, –
Причиной отказа стать явно робел.

Послушал отца моего. Погостили:
Дядя Сережи на свадьбу-то звал –
Дочку его выдавать должны были –
Надю. Не выдали – брат мой украл!

С первого взгляда ему полюбилась.
И он ей. Мой брат совершенно был чист,
Робок, – впервые с ним чувство случилось,
Жених же старик, как по осени лист.

Наде доверчивой с детства внушали,
Что вряд ли завидная ждет ту судьба, –
В семье некрасивой и глупой считали.
“Берет старик, радуйся, – хоть чья жена”.

Красою, и верно, Создатель обидел –
Не всем быть красивыми. Горе ее
Сережа мгновенно и ясно увидел.
В Казань ехал с мамой, назад без нее.

Августу Степановну бросил в Казани
И с Надей в Москву спешно – день до венца.
К отцу моему пришли, всё рассказали,

Хотя осужденья боялись отца.

Но он не в обиде был: “Выкрал невесту?
Молодец! Старику владеть юной грешно.
Двоюродные вы? Повенчают по чести.
Иначе и думать не смейте – смешно!

Вопрос о цене”. – “Коль без записи в книгу –
В обычную цену, – священник сказал. –
Есть ли родство, нет ли, – в церкви не видно, –
Разумную, скромную сумму назвал. –

А коли вам надо, чтоб в книгу вписали,
Добавить извольте уж – мне рисковать.
Одна ведь фамилия – скроешь едва ли,
Что к архиерею тут надо писать”.

Весьма экономно и быстро венчались.
Августа Степановна в слезы: “Сынок!
Что ты наделал? С родней согрешаешь!” –
Из Казани вернулась, да к свадьбе не в срок.

За новобрачных отец мой вступился:
“Какая ж Надежда Сергею родня?
Родней воспитать надо. Славно женился!”
Надя невесткой послушной была.

Все вместе и жили. “Сережа, Сережа,
Да что ж ты на дом наш зря страху нагнал? –
Потом говорил ему тесть. – Ты хороший.
Я б тебе Надю с поклоном отдал”.

Такая вот была. Очень любят друг друга...
Гнусно, что стала я им поперек...
Подождем еще год – разведемся. С испуга
Можно всю жизнь жить. И так мне помог!»

Соня не слушала. В мыслях иное.
Думала тихо и горько она:
«Разлука Арсеньевых – нам с Гришей горе.
С их свадьбою связана наша была.

А если за ними вслед мы разойдемся?» –
«Глупости, Соня! И в ум не бери.
За жизнь, как умеем, так нынче деремся.
Судьбы людей искалечены, злы.

Не слишком суди ты чужую разлуку». –
«Любил бы, ушел бы от службы такой,

Где причинить семье требуют муку». –
«Со службы пускают легко не любой.

Форму не носит?» – «Жена не видала –
Так говорит. А Бог знает ее!
Она бы, любя, ему всё оправдала,
В огонь бы и в воду пошла для него». –

«Хорошая, значит... О, самым хорошим
Бог почему-то на плечи кладет

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.